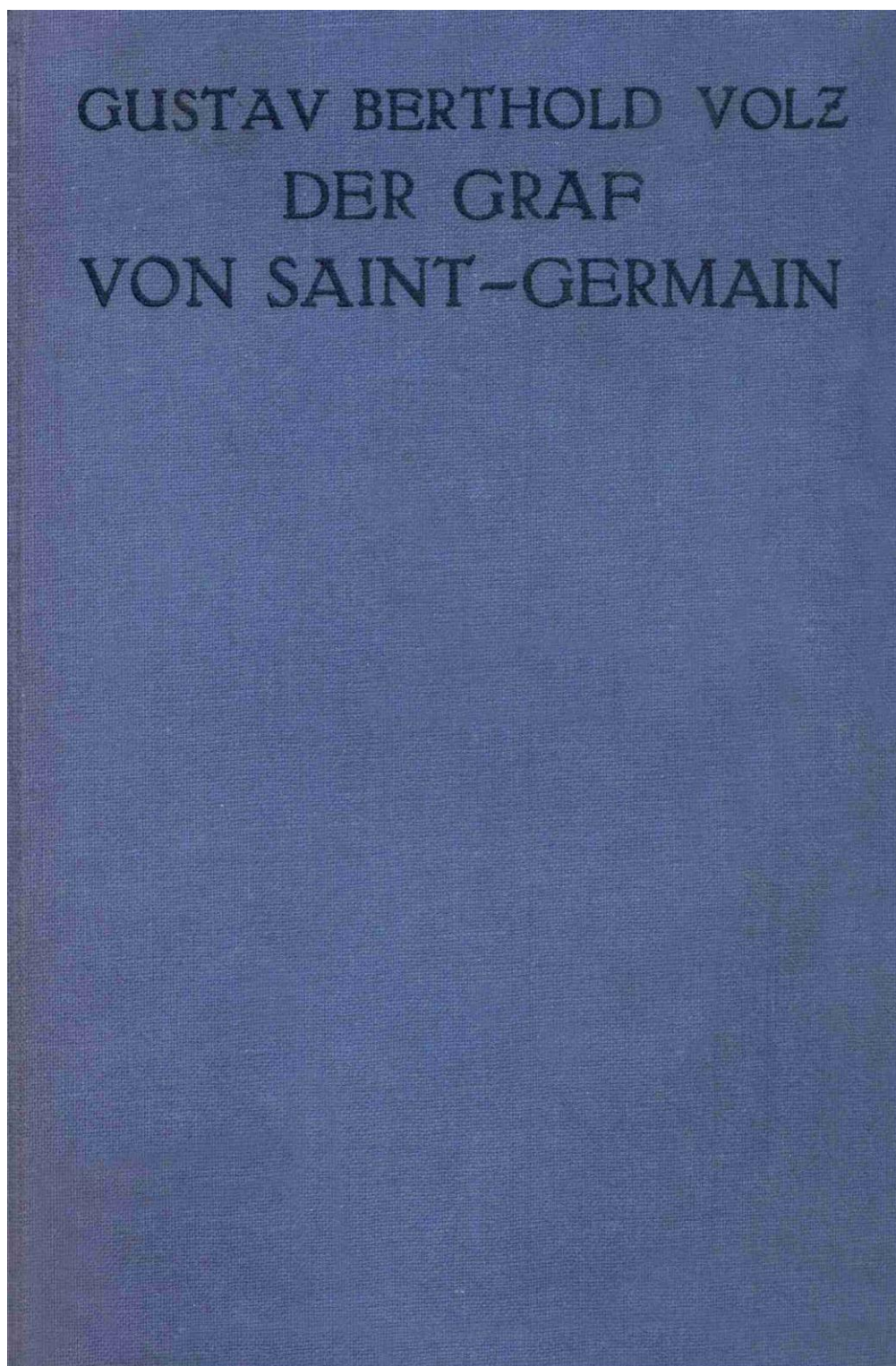

Граф Сен-Жермен. Жизнь алхимика

Густав Бертольд Вольц

Электронная книга проекта Гутенберг «Граф Сен-Жермен» Граф Сен-Жермен: жизнь алхимика

Это электронное издание предназначено для бесплатного использования в любой точке США и большинства других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать его в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к данному электронному изданию или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием данного электронного издания вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: Граф Сен-Жермен: Жизнь алхимика

Автор: Густав Бертольд Вольц

Дата выпуска: 25 августа 2022 г. [электронная книга № 68838]

Последнее обновление: 19 октября 2024 г.

Язык: немецкий

Оригинальное издание: Германия: Paul Aretz Verlag, 1923

Благодарности: команде онлайн-корректоров <https://www.pgdp.net>

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА GUTENBERG ГРАФ СЕН-ЖЕРМЕН: ЖИЗНЬ АЛХИМИКА ***

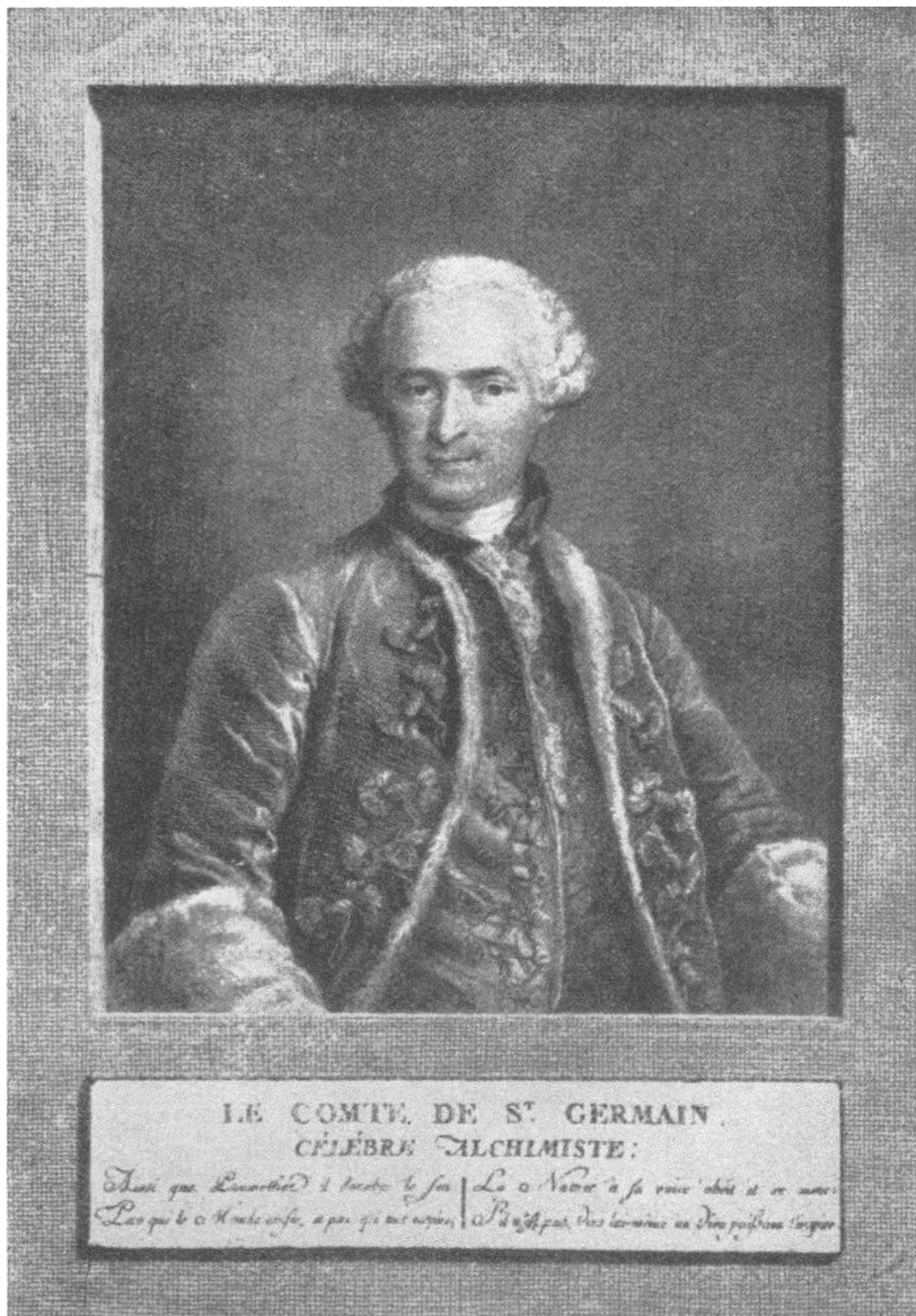
Примечания к транскрипции

Настоящий текст был воспроизведен на основе книжного издания 1923 года с максимальной точностью по отношению к оригиналу. Типографские ошибки были исправлены без указания на них. Необычные и более не используемые сегодня написания остались неизменными по отношению к оригиналу.

Для большей наглядности оглавление было перенесено в начало текста. Номера страниц в [списке иллюстраций](#) были приведены в соответствие с расположением изображений в тексте.

В зависимости от шрифта, установленного в соответствующем устройстве для чтения, фрагменты, напечатанные в оригинале *с заглавными буквами*, могут отображаться с заглавными буквами, без засечек или без засечек и с заглавными буквами.

БИБЛИОТЕКА OPAL

Граф Сен-Жермен

Гравюра Николаса Томаса по картине, принадлежащей маркизе д'Урфе

ГРАФ СЕН-ЖЕРМЕН

ЖИЗНЬ АЛХИМИКА

По большей части по неопубликованным документам Под редакцией и с предисловием
ГУСТАВА БЕРТХОЛЬДА ФОЛЦА

*

Немецкий перевод ФРИДРИХА ВОН ОППЕЛЬН-БРОНИКОВСКИ

С 16 иллюстрациями

*

ИЗДАТЕЛЬСТВО PAUL ARETZ, ДРЕЗДЕН

DER GRAF VON SAINT-GERMAIN

DAS LEBEN EINES ALCHIMISTEN

Nach größtenteils unveröffentlichten Urkunden

Herausgegeben und eingeleitet von

GUSTAV BERTHOLD VOLZ

Deutsch von

FRIEDRICH VON OPPELN-BRONIKOWSKI

Mit 16 Bildbeigaben

PAUL ARETZ VERLAG
DRESDEN

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5

«Знаменитый алхимик» С. 5. — Загадка его происхождения С. 7. — Загадка его возраста С. 10. — Первое появление С. 11. — Его пребывание во Франции С. 13. — Миссия графа Сен-Жермена в Гааге С. 15. — Сен-Жермен в России С. 20. — Приключение в Турне С. 23. — Исход С. 27. — Искусства и тайны Сен-Жермена С. 31 — Был ли Сен-Жермен масоном и каббалистом? С. 34. — Личность Сен-Жермена и формирование легенды С. 37.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

ОБЩИЕ ОПИСАНИЯ, АНЕКДОТЫ И ПОДДЕЛКИ

Из «Воспоминаний» барона фон Глихена	47
Из «Дневника ребенка мира» графа Ламберга	59
Письмо графа Ламберга к Опицу	67
Из «Критических, моральных и политических писем» Ламберга	68
Эпиграмма графа Ламберга на Сен-Жермена	68
Надгробная надпись Сен-Жермена графу Ламбергу	68
К критике Ламберга (Моэн)	69
Из «Мемуаров» графини Женлис	70
Из «Посмертных сочинений» Грослея	76
Анекдоты	85
(I. Шёнинг, с. 85. II. Корберон, с. 85. III. Лендорф, с. 86. IV. Мадам Кампан, с. 87. V. Бертух, с. 87. VI. Мирабо, с. 88.)	
Из «Воспоминаний» леди Крейвен	89
Из «Воспоминаний» маркизы де Креки	91
Из «Заметок об истории графа Калиостро». Визит Калиостро в Сен-Жермен. Сатира (Луше)	100
Характеристика графа Сен-Жермена	107
Критика «Характеристики» мастера	108
Сен-Жермен и Калиостро	108
Граф Сен-Жермен (от Луше)	110
Характеристика графа Сен-Жермена	112
Критика «характеристики»	114

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

ДОКУМЕНТЫ О ЖИЗНИ

ГРАФА СЕН-ЖЕРМЕНА

Сен-Жермен в Лондоне (1743-1745)	119
I. Из переписки Горация Уолпола	119
II. Из: «The London Chronicle»	120
Сен-Жермен во Франции	122
I. Из «Мемуаров» Казановы и «Монолог мыслителя»	122
II. Из «Мемуаров» мадам дю Оссе	126
III. Отчет Эллена (1760)	139
IV. Сен-Жермен в замке Шамбор. (Из переписки маркиза де Мариньи)	141
V. Из письма графа Бернсторфа (1779)	143
VI. Из «Эпизодов моей жизни» графа д'Ангивиллера	143
Миссия Сен-Жермена в Гааге (1760)	144
I. Из переписки герцога де Шуазеля	144
II. Меморандум графа д'Аффри Генеральным штатам	160
III. Протокол заседания Генеральных штатов	161
IV. Из записей графа Бентинка	162
V. Из переписки Йорка	170
VI. Из переписки Хелллена с Фридрихом Великим	182
VII. Из переписки Кныпхаузена и Мишеля с Фридрихом Великим	189
VIII. Из переписки Митчелла	194
IX. Отчеты Райшаха графу Кауницу ()	196
X. Из переписки Каудербаха	206
XI. Фридрих Великий и Вольтер	215
XII. Из «Истории Семилетней войны» Фридриха Великого	216
XIII. Из «Лондонской хроники»	218
XIV. Граф Даннескьольд-Лаурвиген в Сен-Жермене	219
Сен-Жермен в Голландии (1762)	221

I.	Из переписки герцога де Шуазеля	221
II.	Из записей Харденбрука	222
	Сен-Жермен в Австрийских Нидерландах (1763)	225
I.	Из переписки графа Карла Кобенцля	225
II	Из «Воспоминаний» графа Филиппа Кобенцля	280
III.	Из «Мемуаров» Казановы	284
	Сен-Жермен в Ансбахе (1774–1776)	288
	«Сведения о чудотворце, маркизе Сен-Жермене, и его пребывании в Ансбахе от очевидца» (барон фон Гемминген).	
	Сен-Жермен в Лейпциге и Дрездене (1776–1777)	304
I.	Из дневников графа Лендорфа	304
II.	Из переписки Фридриха Великого с принцем Генрихом, принцессой Вильгельминой Оранской и Альвенслебеном	306
III	Из писем курфюрста Максимилиана III Иосифа Баварского	323
IV	Из переписки принца Фридриха Августа Брауншвейгского	324
	Сен-Жермен в Берлине	338
I.	Из «Воспоминаний» Тьебо	338
II.	Из «Фрагментов о Фридрихе Великом» Циммермана	342
III.	Граф Сен-Жермен («Берлинский ежемесячник»)	343
	Сен-Жермен в Гамбурге (1778)	350
	Сен-Жермен в Шлезвиге и Экстернёрде (1779–1784)	353
I.	Из «Воспоминаний» принца Карла Гессен-Кассельского	353
II.	Принц Карл Гессенский принцу Кристиану Гессен-Дармштадтскому (1825)	360
III.	Принц Фердинанд Брауншвейгский принцу Фридриху Августу Брауншвейгскому (1779)	360
IV	Из писем графа Варнштедта	361

	(1779)	
V	Фридрих Великий королеве- вдове Юлиане Датской (1784)	362
	Смерть Сен-Жермена в Эккернёрде	363
I.	Из «реестра умерших» церкви Святого Николая в Экернёрде	363
II.	Из «Доходов от открытия захоронений и погребальных взносов»	363
III.	Из перечня «Сборов за колокола»	364
IV.	Обращение мэра и совета города Эккернёрде	364
V.	Некролог профессора Ремера в «Neuen Braunschweigischen Nachrichten» (1784)	366
	СПИСОК ЛИЦ	368
	СПИСОК МЕСТ	375
	СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	378

ВВЕДЕНИЕ

«Знаменитый алхимик»

Имя графа Сен-Жермена переносит нас в мир авантюристов, затевателей проектов и мошенников, которыми кишела XVIII век, с гордостью называемый веком Просвещения, ведь редко когда авантюризм процветал так, как в то время. Непрерывно перемещаясь из одного государства в другое, то исчезая, то неожиданно появляясь в другом месте, меняя имена и обличья, как хамелеоны, эти авантюристы наводнили всю Европу. Прежде всего, Франция, Англия и Италия были благодатными местами для их темных дел, но и Россия, которая с начала века начала превращаться из азиатской империи в члена европейского сообщества государств, была благодарным полем для их деятельности. Они действуют не только в низших и средних слоях общества, как это было во все времена, но некоторые избранные проникают и в круги высшего общества, вплоть до непосредственной близости от княжеских тронов. И их ремесло отнюдь не является ремеслом мелких мошенников и аферистов. Они приходят с большими планами по счастью народов, ведут себя как благодетели человечества, и что придает их деятельности особый отпечаток, они окружают себя ореолом таинственности, то выступая в роли алхимиков, то в роли ясновидящих, то даже в роли магов.

На единственном портрете, который у нас есть от Сен-Жермена, он также обозначен как «знаменитый алхимик». Его восторженно прославляют за то, что он владел природой, которая, как и Создатель, послушно подчинялась ему.

С древних времен исследователи, изучавшие великую книгу природы, ставили перед собой высшую цель — искусственное создание драгоценных металлов. Именно эту задачу ставила перед собой алхимия. Ее колыбель находилась в Египте. Когда в VII веке арабы завоевали эту страну, они присвоили себе эту тайную науку и перенесли ее в Испанию, откуда она начала свое победное шествие по всей Европе. Так алхимия процветала на протяжении всего средневековья и вплоть до более позднего времени, и только развитие химии как науки положило конец этой суеверной вере. Таким образом, Сен-Жермен был одним из последних великих представителей «адептов», как называли мастеров этого секрета, владевших «философским камнем»; ведь в конечном итоге все исследования и эксперименты сводились к поиску *materia prima*, первоматерии для получения «философского камня», с помощью которого можно было решить проблему искусственного производства золота и превращения металлов. А тот, кто владел «философским камнем», владел одновременно и секретом универсального лекарства или «эликсира», дававшего практически вечную жизнь.

Мистическая тайна, которой Сен-Жермен окружал свою личность, до сих пор практически не раскрыта. Большинство известных на сегодняшний день сообщений — причем частично апокрифического характера — едва ли выходят за рамки анекдотических. Исключение составляют только записи мадам дю Оссе, камер-фрейлины маркизы де Помпадур, и министра Ансбаха барона фон Геммингена. Но и они проливают свет лишь на короткие отрезки изменчивой жизни этого авантюриста. Многочисленные новые документы, которые мы приводим ниже из различных архивов и которые составляют более половины этой книги, не только дают дополнительную ценную информацию о его судьбе, но и позволяют впервые четко очертить контуры его личности. И даже если не все загадки могут быть разгаданы, завеса все же приоткрывается. ореол «адепта» исчезает, и остается только образ рыцаря-промышленника, увлеченного приключениями.

Загадка его происхождения

Сен-Жермен с величайшим искусством умел окутывать свою родословную тайной. Он с удовольствием указывал на свое происхождение из княжеского рода; более того, в доверительных беседах он называл себя потомком последнего князя Семигорской области. Другие выводят его происхождение из последнего испанского правящего дома. В ярком контрасте с этим стоят сведения, согласно которым он был португальским евреем. Наконец, его называют сыном савойского сборщика налогов по имени Ротондо или итальянским скрипачом Каталани () [1]. Насколько достоверны эти отдельные сведения?

Сначала рассмотрим вопрос о его происхождении от Франца II Ракоци, последнего князя Семигорской. Все сведения принца Карла Гессенского весьма запутаны. Так, он делает нашего героя сыном от первого брака князя с некой Токели; однако она была не первой женой, а матерью самого князя. Сен-Жермен говорит о двух братьях. На самом деле у князя было трое сыновей, но старший, Леопольд Георг, за которого выдает себя Сен-Жермен, по достоверным данным, умер в детском возрасте; он родился в 1696 году и умер в 1700 году. Вероятно, верно, что два брата, Иосиф и Георг, выросли при венском дворе, где они получили имена маркиз де Сан-Марко и маркиз делла Санта-Элизабетта. Но оба сбежали (в 1726 и 1734 годах) — то есть они не подчинились своей судьбе трусливо и смиренно, как Сен-Жермен рассказывает прусскому послу фон Альвенслебену и гессенскому принцу, и тем самым теряет смысл и посыл, что он сам, в отличие от униженного поведения своих братьев, называл себя «святым братом», *Sanctus Germanus* (Сен-Жермен). Как видно, вся басня о происхождении из семиградского княжеского рода стоит на слабых ногах.

Подозрительным является и тот факт, что все члены рода, чьи показания могли бы разоблачить его ложь, уже были мертвы. Умер и последний князь из дома Медичи, который, по рассказу Гессена, должен был воспитать его как второй отец.

Князь Франц II Ракоци

Картина Адама Маньоки

Не вызывает большего доверия и легенда о его происхождении из испанской королевской династии. Не то чтобы Карл II (умер в 1700 г.) был его отцом. Королева — Мария Анна Пфальц-Нойбург — якобы родила его во время своего пребывания в Байонне (1705 г.) в результате внебрачной связи. Таким образом, он в некотором смысле является претендентом на испанский трон, освободившийся после смерти Карла II, и только если учесть этот исторический контекст, становится понятен вопрос испанского гранда, переданный Гросли, по возвращении королевы в Мадрид: «Она в положении?» И даже если, как утверждают слухи [2], Сен-Жермен действительно несколько раз подписывался как «*принц Испании*», это

еще не является убедительным доказательством его происхождения из этого дома. Напротив, эта подпись скорее доказывает, что его претензии ложны, поскольку испанские принцы официально носили титул «*инфант* Испании».

В пользу его португальского происхождения говорит неоднократно подтвержденное знание языка, что тем более удивительно, что Португалия уже в то время не играла большой роли в мировой политике. К тому же, как свидетельствуют различные источники, во время своего пребывания в Голландии весной 1760 года он жил у богатых португальских евреев в Амстердаме и Гааге, что вполне естественно, если он был их соплеменником.

Но и гипотезу о том, что он происходил из савойской деревни Сан-Джермано, нельзя просто отбросить, поскольку она самым простым и естественным образом объясняет происхождение его имени.

С его происхождением, будь то из Португалии или из Савойи, легко согласовать его ответ на соответствующий вопрос принцессы Амалии Прусской (), поскольку, согласно отчету Тьебо, он ответил, что его родина — это страна с наследственными князьями. Но это относится как к Португалии, так и к Савойе.

Что же касается версии, приписанной маркизе де Креки, о том, что Сен-Жермен был сыном еврейского врача Вольфа из Страсбурга, то следует отметить, что «воспоминания» этой дамы являются грубой фальшивкой более позднего времени. Столь же недостоверно и рассказ Монтеня [3], который сообщает о некоем Жермене, которого он видел в Витри и который воспитывался как девочка, пока случай не выявил его истинный пол.

Таким образом, хотя загадка его происхождения и не раскрыта полностью, одно можно сказать наверняка: он не был княжеского происхождения, поскольку нет ни малейших доказательств этого.

Загадка его возраста

Он умело скрывал не только свое происхождение, но и год своего рождения. Он намекал, что его возраст исчисляется не годами и десятилетиями, а столетиями. Шутник «милорд Гоуэр», о котором рассказывает барон фон Глихен, послужил ему предшественником в создании мифа о том, что он был современником Христа. В своих беседах Сен-Жермен любил намекать, что он жил еще в предыдущих столетиях. Для тех, кто, как Альвенслебен, хотел его разоблачить, он, загнанный в угол, имел готовый ответ, что он время от времени уходит из мира (). Отдельные репортеры тщетно пытаются сделать выводы о его возрасте по его внешнему виду. На фоне всех свидетельств посторонних лиц, таких как графиня Герги, которая хотела найти его через десятилетия с неизменной внешностью, большое значение имеет собственное признание графа Сен-Жермена, который, по записям принца Гессенского, объяснил ему, что по прибытии в Шлезвиг (1779) ему было 88 лет. Это примерно соответствовало бы возрасту, указанному для сына сборщика налогов из Сан-Джермано.

Но, можно возразить, разве не свидетельствует о его возрасте альбом с записями Монтеня и старшего графа Ламберга? На это можно ответить встречным вопросом: были ли они подлинными? Уже младший Ламберг намекает на возможность подделки. Но если они были подлинными, то где доказательства того, что альбом не попал в руки Сен-Жермена позже? Ведь эти записи носят совершенно безличный характер. Таким образом, семейная книга не может служить аргументом в вопросе о возрасте графа.

Первое появление

Как и происхождение Сен-Жермена, первая половина его жизни окутана тайной. Говорят, что он приобрел большое состояние в Мексике благодаря браку и сбежал с ним в Константинополь. Есть подтверждение его пребывания в Гааге в 1735 году, поскольку 22 ноября того же года он направил оттуда письмо английскому ученому Слоуну, в котором речь идет о старинном библейском издании, но не содержится никаких личных сведений [4].

Только с его появлением в Англии около 1744 года мы обретаем твердую почву под ногами, а именно Гораций Уолпол упоминает его в письме от 9 декабря 1745 года. Мы видим Сен-Жермена как участника борьбы, которую Карл Эдуард Стюарт, внук изгнанного в 1688 году короля Якова II, вел с английским правительством за свои права на корону. Претендент смело высадился в Шотландии, взял Эдинбург и в начале декабря уже стоял в Дерби, готовясь к маршу на Лондон. Однако под давлением шотландских вождей, отказавшихся поддержать его, он был вынужден повернуть назад, и поражение при Каллодене (27 апреля 1746 года) решило его судьбу.

Согласно отчету Уолпола, Сен-Жермен, по-видимому, был скорее соратником, чем соратником, если не сказать, что, как сообщает *London Chronicle* от 1760 года, он был невинно вовлечен в восстание претендента. В любом случае, он не играл героической роли, поскольку в следственных материалах по восстанию о нем ничего не говорится [5].

Более значительные, но бескровные лавры он завоевал, представившись виртуозом-скрипачом. Именно в это время, вероятно, и возник его «Трактат о музыке по правилам здравого смысла для английских дам, любящих истинный вкус в этом искусстве» [6].

В любом случае, мы слышим, что память о его пребывании в Лондоне у англичан еще не угасла и в 1760 году.

Следующее десятилетие снова остается в тени. В это время граф совершил два путешествия в Индию. По крайней мере, так он рассказывает в более позднем письме от 1773 года, которое сохранил его друг граф Ламберг. Но мы знаем подробности только о втором путешествии. Он, по его словам, отправился в него в 1755 году вместе с адмиралом Уотсоном и Робертом Клайвом, знаменитым завоевателем Ост-Индии. Однако детали, которые он сообщает, настолько ничтожны и нелепы, что трудно воспринимать этот отчет всерьез. При этом ни в коем случае не следует отрицать, что он совершал дальние путешествия и посещал Восток, поскольку, как мы слышим от критически настроенных очевидцев, он умел увлекательно рассказывать, а это позволяет предположить, что он сам видел страны и людей, о которых он так увлекательно рассказывал.

Его пребывание во Франции

Теперь мы переходим к его пребыванию во Франции, которое представляет собой кульминацию его жизни.

Когда именно Сен-Жермен прибыл во Францию, точно неизвестно. Судя по записям Казановы об Элизабете де Ла-Гер (), с которой его пути пересекались несколько раз, он прибыл туда уже в 1757 или 1758 году. В Шамбор он появляется в 1758 году, в то время как анонимный автор «Анекдотов» [7] помещает его во Францию только в 1759 году.

Здесь его звезда начала восходить. Он снискал благосклонность маркизы де Помпадур. Очень наглядно об этом свидетельствует отчет ее фрейлины, мадам дю Оссе, о его отношениях при дворе; ведь благодаря маркизе он также установил связи с Людовиком XV,

которому был представлен, у которого обедал и с которым занимался алхимическими исследованиями. В этом заключался умный расчет Помпадур. Ведь она постоянно размышляла о том, как избавить уставшего от дел правителя от скуки. С этой целью она устроила для него в Версале интимный театр, в котором участвовали она сама и ее доверенные лица. Затем, когда она сама начала стареть, она создала печально известный оленьи парк. Теперь она привлекла Сен-Жермена, чтобы он помог ей в алхимических экспериментах с уставшим от правления королем.

Положение, которым он пользовался при дворе, репутация алхимика, окружавшая его голову как ореол, блеск его богатства, о котором ходили невероятные слухи, — все это вместе принесло ему высокий авторитет и политическое влияние. По словам прусского посла фон дель Хеллена [8], падение генерального контролера Силуэ, который руководил французскими финансами, было его делом.

Кроме того, он чувствовал себя призванным поднять экономическую жизнь Франции. Этот план должен был быть реализован за счет использования секретного средства для получения красок и красителей (), которым он якобы владел. Поэтому в самых широких кругах вызвало огромный резонанс, когда король предоставил ему для работы помещения в замке Шамбор, бывшей резиденции маршала Саксонии.

Удивительно ли, что у этого явного любимца фортуны не было тайных врагов и завистников? Его репутация уже пострадала, слухи о его неизмеримом богатстве были опровергнуты — как мы узнаем от очевидца —, но удача вновь улыбнулась ему: в начале 1760 года он был отправлен в Голландию с секретной миссией от имени двора.

Миссия графа Сен-Жермена в Гааге

Чтобы понять роль, которую Сен-Жермен играл в Гааге, мы должны кратко описать общий политический контекст.

Уже несколько лет продолжалась англо-французская колониальная война, европейские державы вели между собой ожесточенную борьбу. Многочисленные попытки восстановить мир не увенчались успехом. Между тем во Франции все сильнее становилось стремление к миру, но и в Англии существовала сильная партия мира. Осенью 1759 года испанская корона предложила свои услуги в качестве посредника.

Гораздо более значимым был шаг, который предприняли в ноябре того же года английское и прусское правительства. Они заявили о своей готовности направить в еще не определенное место уполномоченных для проведения переговоров с противниками о заключении всеобщего мира (). Принц Людвиг Брауншвейгский, опекун наследного принца Оранского, взял на себя обязанность передать это заявление представителям вражеского Тройственного союза в Гааге (графу д'Аффри, барону Райшаху и графу Головкину). 25 ноября в замке Рисвейк состоялась торжественная церемония. Затем Генеральные штаты предложили Бреду в качестве места проведения конференции. Но план проведения конгресса провалился, поскольку 3 апреля 1760 года три приглашенные державы (Австрия, Франция и Россия) через своих представителей передали принцу Людвигу встречное заявление о том, что без привлечения своих остальных союзников (Саксонии и Швеции) они не могут вступать в какие-либо переговоры с Пруссией.

Версальский двор, который уже вступил в секретные переговоры с лондонским правительством через своих послов в Гааге, графа д'Аффри и генерала Йорка, добавил еще одно заявление о том, что он готов к отдельному соглашению с Англией. Лондонский кабинет

стоял перед вопросом, следует ли ему предать своих союзников, Пруссию и остальных немецких князей, с которыми он заключил договоры о субсидиях. Однако Уильям Питт, руководитель английской политики, настаивал на их включении в мирный договор. Таким образом, между Англией и Францией также не было достигнуто соглашение, и общая война продолжалась.

Наряду с переговорами, которые вели уполномоченные представители держав, велись и другие, не носящие официального характера. Некоторое время (1759 г.) Вольтер выполнял функции посредника между Фридрихом Великим и французским премьер-министром Жозефом-Фредериком-Анри-Бартелеми-Де-Фуа-Де-Сен-Жерменом, герцогом Шуазелем. В феврале 1760 года молодой барон фон Эдельсхайм был отправлен в Париж в качестве тайного прусского агента. Теперь на сцену в Гааге вышел и Сен-Жермен, чтобы заработать себе дипломатические лавры.

В середине февраля 1760 года он прибыл в Голландию и сначала остановился в Амстердаме. Когда в начале марта в Гааге праздновали свадьбу сестры наместника, он появился в столице Голландии. На публике он говорил о займе, который он должен был организовать для Франции, о своей задаче обеспечить продовольствием французские колонии, отрезанные от метрополии. Одному из друзей он признался, что его поручили информировать о ходе мирных переговоров. Однако в тайне он связался с Йорком, чтобы сделать ему предложения о заключении англо-французского мирного договора.

Он ссылаясь на трех влиятельных покровителей: на Помпадур, министра войны, маршала де Бель-Иль, от которого он мог предъявить два письма и паспорт, и — в ходе второй беседы — на графа де Клермона, принца крови, который в 1758 году командовал французскими войсками в Западной Германии.

Тем не менее, переговоры Сен-Жермена закончились преждевременным и бесславным фиаско. Конечно, он сумел ловко привлечь на свою сторону графа Бентинка, которого выбрал в качестве своего инструмента [9]. Но письмо, которое он направил с этим сообщением 11 марта маркизе де Помпадур, стало для него роковым. Маркиза передала письмо герцогу Шуазелю (), поскольку версия Сен-Жермена о том, что это письмо попало в его руки в результате «кражи» [10], не выдерживает критики. В результате герцог под угрозой серьезных наказаний запретил графу вмешиваться в политику. А когда он узнал о заявлениях Сен-Жермена относительно заключения мира, то, придя в ярость, приказал послу графу д'Аффри потребовать выдачи «авантюриста» из Голландии. Да, ему бы хотелось, чтобы д'Аффри избил его, чтобы опозорить перед всем миром этого «негодяя», который осмелился помешать его политическим планам. По крайней мере, он позаботился о том, чтобы в газетах появилось сообщение, в котором Сен-Жермен был обвинен в злоупотреблении гостеприимством, оказанным ему во Франции, в самых резких выражениях [11]. Прежде чем посол подал официальный запрос в Генеральные штаты, он представил его герцогу. Таким образом, только 30 апреля меморандум с официальным запросом об экстрадиции был передан голландскому правительству. Оно похоронило запрос, передав его комиссиям. Кроме того, он стал бессмысленным, поскольку Сен-Жермен вовремя пронюхал об угрожающей ему опасности и с помощью Бентинка бежал в Англию.

Но и здесь ему не суждено было остаться. Немедленно взятый под стражу полицией, он вскоре был снова депортирован, поскольку английское правительство опасалось, что его пребывание в Англии скомпрометирует его перед Францией. Речь шла о его переезде в Восточную Фрисландию, где король Фридрих хотел предоставить ему убежище при условии,

что в будущем он будет держаться подальше от любой политической деятельности. Однако он снова отправился в Голландию, где нашел приют.

Сравните это описание, основанное на отчетах участников событий, с картиной, которую Сен-Жермен рисует в своем позднем письме графу Ламбергу. Это сплошная ложь!

В заключение еще один вопрос: действовал ли Сен-Жермен при своих мирных переговорах с генералом Йорком по поручению двора? Проводил ли Людовик XV за спиной своего премьер-министра, как тот обвиняет его в своем описании, собственную политику? Были ли король и Помпадур его тайными заказчиками? На этот вопрос можно ответить отрицательно. Во-первых, известно, что именно Помпадур навела герцога де Шуазеля на след Сен-Жермена, передав ему отчет, который граф немедленно составил о своей политической деятельности в Гааге. Второе доказательство — письмо, в котором маршал Бель-Иль, пусть и в мягкой форме, упрекает своего протеже за его поведение и дает понять, что за решение политических вопросов отвечает посол д'Аффри [12].

Но, можно возразить, к чему же тогда относились письма Бель-Иля и Клермона, которые Сен-Жермен представил генералу Йорку в качестве своего рода доверенности? Все указывает на то, что они касались 30-миллионного займа, который он должен был организовать для нуждавшегося в деньгах Версальского двора () и, как мы можем добавить, по его поручению [13]. Очевидно, он вел переговоры об этом займе в Амстердаме, а также в Гааге со своими хозяевами, еврейскими банкирами.

Его привлекала политическая амбиция самостоятельно сыграть роль миротворца или, как пишет Каудербах, спасти Францию во второй раз, как вторая Жанна д'Арк. Но его дипломатическая карьера закончилась быстро и печально: его появление на мировой политической арене было похоже на блестящий мыльный пузырь, который после короткого полета внезапно лопнул.

Сен-Жермен в России

Существующие предания предполагают, что после своего неудачного политического дебюта в Гааге и изгнания из Англии Сен-Жермен направился в Россию и сыграл важную роль в революции, в результате которой в июле 1762 года царь Петр III лишился трона и жизни. Однако ни в одном из источников и описаний того времени его имя нигде не упоминается. Последние исследования показали, что в тех событиях участвовал только один иностранец, а именно пьемонтец Одар, который находился на службе у Екатерины II [14].

С другой стороны, возникает вопрос, как быть с переданным нам высказыванием князя Григория Орлова, известного фаворита царицы, которое свидетельствует о полной противоположности. По сообщению Глихена, он, проезжая через Нюрнберг, сказал о нашем герое: «Этот человек сыграл большую роль в нашей революции». Но сообщение Глихена не является достоверным. Он путает братьев: через Нюрнберг проезжал не Григорий, а Алексей Орлов. Глихен также не был очевидцем и свидетелем, как министр Ансбаха фон Гемминген, который ничего не знает об этом высказывании Орлова: он довольствуется цитированием Глихена. Кроме того, это высказывание находится в явном противоречии с тем, что Альвенслебен в 1777 году сообщает как «установленный факт»: Алексей Орлов дал графу Сен-Жермену, с которым он был «в тесных отношениях», рекомендательное письмо своему брату, князю Грегору, и рекомендовал ему графа как «своего закадычного друга». Но если Сен-Жермен был одним из заговорщиков 1762 года, зачем ему было нужно особое рекомендательное письмо Грегорию, который вместе с Алексеем играл одну из главных ролей в этом драматическом событии?

Последние сомнения развеяны решающим фактом, что местонахождение Сен-Жермена в тот критический период можно достоверно установить. После возвращения из Англии он вел нестабильную жизнь в Голландии под чужим именем, пока весной 1762 года не поселился на своей новоприобретенной усадьбе Убберген недалеко от Неймегена, после чего принял имя *Сурмонт*. Тогда же, по просьбе графа д'Аффри, герцог де Шуазель явно отказался от дальнейшего преследования авантюриста в Голландии [15]. Если до этого Сен-Жермен еще часто бывал в Амстердаме, то в августе 1762 года — как явно подтверждает Э Hardenbroek — он уехал оттуда, вероятно, для полного переезда в Убберген, после чего, как мы увидим в следующем разделе, весной 1763 года он появился в Брюсселе, чтобы нанести там свой знаменательный визит австрийскому министру графу Кобенцлю.

После этого участие Сен-Жермена в русской революции окончательно относится к сфере вымысла. То же самое относится и к переписке, которую он якобы вел с царицей Екатериной II.

Его отношения с семьей Орловых также подвергаются некоторым ограничениям. Тем не менее, по словам нашего источника, он «имел счастье» познакомиться с графом Алексеем, с которым он, следуя своей любимой практике, занимался алхимическими исследованиями, пока тот не устал от него [16]. В Италии, где Алексей в течение длительного времени находился в качестве адмирала русского флота во время Турецкой войны (1768-1774), знакомство, по-видимому, возобновилось. По крайней мере, Глейхен сообщает об их встрече в Ливорно в 1770 году. Однако до конца не ясно, что представляет собой российский генеральский патент, который якобы был вручен ему Алексеем в Нюрнберге по пути в Россию. Возможно, это связано с боями, которые происходили в архипелаге во время Турецкой войны, но в которых, как злобно заметил лейпцигский банкир Дюбоск в 1777 году, Сен-Жермен, несмотря на все свои рассказы, не участвовал. Таким образом, патент следует считать наглым подделкой, тем более что на нем, что примечательно, была только подпись графа Алексея, но не царицы.

И все же, как следует из наших пока еще неизвестных источников, Сен-Жермен действительно ступал на святую землю России — правда, не как заговорщик и политический авантюрист, как он хотел бы себя представить, а как простой купец, желавший извлечь выгоду из своих прекрасных изобретений. Как и во Франции, он попытал счастья с помощью своих красок. Он работал на ситцевой фабрике в Москве, но удача отвернулась от него, и он был вынужден покинуть место своей новой деятельности нищим. С состраданием к нему, хромающему и с трудом бредущему по дороге, швейцарец Хотц подобрал его с улицы, как он впоследствии рассказал в 1777 году в Лейпциге, где он снова встретил Сен-Жермена [17]. Но пребывание в России не было для Сен-Жермена полным провалом. Он утверждал, что открыл шахту, дававшую красивые полудрагоценные камни, похожие на топазы, и право на ее эксплуатацию принадлежало ему. С тех пор он подумывал о том, чтобы сделать из этого прибыльный вид торговли, хотя, конечно, его планы не встретили большого доверия и одобрения [18].

По всей вероятности, этот российский эпизод относится к периоду между приключением в Турне, к которому мы теперь перейдем, и началом турецкой войны.

Приключение в Турне

В начале 1763 года Сен-Жермен, который, как уже упоминалось, тем временем купил себе титул в Голландии и взял себе прозвище *Сурмонт* (), прибыл в Брюссель, где познакомился

с графом Карлом Кобенцлем, полномочным министром Австрийских Нидерландов, и умело воспользовался этим знакомством. Только благодаря открытой нами переписке Кобенцля с канцлером двора и государства графом Кауницем мы получили достоверную информацию об этом эпизоде из жизни Сен-Жермена. До сих пор он был почти полностью неизвестен.

Кобенцль сразу же проникся симпатией к Сен-Жермену. Тот умело перевел разговор на свои знания в области алхимии, продемонстрировал ему несколько экспериментов и начал рассказывать о миллионных прибылях, которые можно было получить с помощью его секретных средств. В восторге Кобенцль согласился, тем более что Сен-Жермен заверил его, что «из чистой дружбы», за небольшое вознаграждение, готов поделиться своими секретами. В лице владелицы брюссельского торгового дома мадам Неттин, которая с радостным энтузиазмом соперничала с ним, Кобенцль нашел личность, которая вложила необходимые средства для основания предприятия. Кауниц пытался охладить его рвение; он предупреждал о крупных и преждевременных расходах. И чтобы придать своим словам больший вес, он приложил анекдотический портрет, нарисованный в довольно мрачных тонах знатоком, который знал Сен-Жермена из Парижа.

Кобенцль, находившийся под влиянием Сен-Жермена и его грандиозного плана, не был настроен сдавать свои позиции. Он проигнорировал предупреждение и легкомысленно заявил, что личность не имеет значения, если только можно получить секретные средства. Они касались дешевого способа производства красок и красителей, окрашивания дерева, дубления и окрашивания шкур, производства металла, похожего на золото, рафинирования масел и создания фабрики по производству шляп.

Однако неприятные сюрпризы следовали один за другим. Сначала речь шла об отправке образцов: это были красители, окрашенная древесина, образцы кожи и металла. При экспертизе, проведенной Кауницем, выяснилось, что краски были низкого качества; за одним исключением, они уступали краскам, производимым в Австрии, не говоря уже о том, что не могли сравниться с английскими и французскими красками. Более того, цветовая гамма была неполной, так как в ней отсутствовали синий и зеленый цвета. И было слабым утешением, когда Сен-Жермен пообещал, что он все же найдет дешевый способ производства своих красок. Не менее неудовлетворительными оказались образцы дерева и металла, а только кожа получила более благоприятную оценку.

Второй разочарованием стал план предприятия. Сен-Жермен, который основывал огромный успех на дешевом производстве продукции, довольствовался сопоставлением высоких старых и дешевых новых цен, разница между которыми составляла несколько сотен процентов. Но поскольку отсутствовали любые дополнительные документы, такие как, например, прогноз ожидаемого объема продаж, весь план висел в воздухе.

Третьим разочарованием было то, что, несмотря на предупреждения из Вены, реализация плана в Турне уже началась, дома и оборудование уже были куплены. Оказалось, что расходы уже составили внушительную сумму в 100 000 гульденов. При этом еще не было закуплено сырье и не было выделено средств на оплату труда!

Как все это могло развиваться так быстро и так далеко? Это было делом рук Сен-Жермена. Пока план всего предприятия существовал только на бумаге, он должен был опасаться, что все пойдет насмарку, как только Вена наложит вето. Поэтому он настаивал — «с крайней упрямостью», как укоризненно замечает Кобенцль — на быстром приступлении к реализации. И поскольку мадам Неттина выступила вперед, все пошло гладко. Таким образом, дурак оказался в ловушке, потому что пути назад уже не было, или только с большими потерями. Но вскоре все сложилось иначе, чем первоначально предполагал

Кобенцль. Речь уже не шла о передаче секретов «из чистой дружбы» или только за небольшое вознаграждение. Напротив, был заключен контракт, который гарантировал графу Сен-Жермену половину чистой прибыли. Так что это была не убыточная сделка, если предприятие процветало! Но до этого было еще далеко. Между тем Сен-Жермен, следуя слову Библии, предпочел воробья в руке голубю на крыше. С помощью делового друга из Неймегена, который подтвердил, что хранит ценности графа на сумму не менее миллиона, он обманом выманил у мадам Неттин авансы, которые должны были быть вычтены из его будущей доли чистой прибыли. На самом деле ценные бумаги были почти бесполезны, но авансы, выплаченные по ним добросовестно, — и это было новым горьким разочарованием — также составили около 100 000 гульденов. Таким образом, сумма уже понесенных расходов возросла до 200 000 гульденов, без малейшей гарантии успеха, не говоря уже о миллионных прибылях.

После отчета, который Кауниц представил императрице Марии Терезии, она категорически отказалась от приобретения предприятия, и оно перешло в руки мадам Неттине, которая уже ранее дала на это свое согласие. Кобенцль немедленно уволил графа Сен-Жермена. Перед тем как покинуть Турне, он заверил Неттину, что в течение нескольких месяцев вернет ей расходы на «». В противном случае, добавил он с кровавой насмешкой, она может рассчитывать на оплату из его тайных средств.

Таким образом, все его предприятие оказалось хитроумной аферой. Он был разоблачен как подлый мошенник, который, заманив жертв в свои сети, ловко обчистил их. С добычей он незамедлительно исчез из Брюсселя, чтобы, как говорили, отправиться в Германию к маркграфу Карлу Фридриху Баден-Дурлахскому. Однако на самом деле он, по-видимому, направился в Россию, где, как мы уже слышали, поселился в Москве.

Выход

Следующие десять лет также окутаны тайной. Однако, похоже, что в этот период Сен-Жермен сначала проживал в России, а затем преимущественно в Италии, поскольку мы слышим, что он бывал в Мантуе, Венеции, Пизе и Ливорно. Затем он появился в Германии.

Но поведение Сен-Жермена изменилось. О его богатствах больше не говорится; напротив, он, по-видимому, живет в бедности. Он больше не ищет светского общества, а тихое место, где, придя в безопасную гавань, он сможет успокоиться и провести закат своей жизни. Но он остается верен себе в том, что по-прежнему использует свои тайные знания в качестве визитной карточки, что он нацелен на великих мира сего.

Конечно, здесь его подход другой. Играя роль якобы бескорыстного человека, он ведет себя как благодетель человечества под прозрачным именем *Уэллдоун*, которое он теперь себе присвоил. Так он поступил с великим королем Пруссии, чей острый взгляд, однако, сразу раскусил обман. Король Фридрих энергично отмахнулся от него, когда Сен-Жермен прислал ему сопроводительное письмо — одно из трех сохранившихся образцов его почерка — с, так сказать, своим преysкурантом. Он велел ему сказать, что тот должен попытаться счастья в другом месте, поскольку в Берлине люди «очень неверующие». Сен-Жермену больше повезло, когда он стал «адептом» и обратился к князьям, которые поклонялись алхимическим наклонностям. Так, в 1774 году он был представлен маркграфу Александру Ансбахскому через его материнскую подругу, актрису Клерон, а затем в 1779 году — принцу Карлу Гессенскому в Шлезвиге, которому он сначала навязался, но затем сумел покорить.

В своих воспоминаниях министр Ансбаха, барон фон Гемминген, описал пребывание Сен-Жермена в Ансбахе, Швабахе и в замке Трисдорф [19]. Типичная картина: «адепт» и его княжеский ученик за работой в лаборатории. Или он пребывает в отведенных ему комнатах, размышляя над своими рецептами красок, над совершенствованием которых он неустанно работает за закрытыми дверями и окнами. Между тем он проводит практические эксперименты вместе с князем и его министром, результаты которых, однако, мало удовлетворяют последнего. Так прошло два года, в течение которых Сен-Жермен тщательно хранил тайну своей личности, пока во время поездки по Италии князь не узнал о личности своего странного гостя. Маркграф почувствовал себя обманутым. Тем не менее, он хотел продолжать предоставлять графу убежище, если тот выдаст ему письма, которые он писал ему на протяжении многих лет, и будет вести себя тихо. Но Сен-Жермен, почувствовав себя разоблаченным, предпочел продолжить свою деятельность. Хотел ли он оправдаться за все неудачные попытки или впечатляюще продемонстрировать князю убытки, которые тот понес в результате его ухода? Достаточно сказать, что в последней большой беседе с министром он выразил сожаление о том, что разрыв произошел именно в тот момент, когда он, Сен-Жермен, был готов «осуществить то, что обещал».

В октябре 1776 года он прибыл в Лейпциг. Саксонский двор попытался его переманить. Но договоренности достигнуто не было; напротив, Сен-Жермен горько жаловался прусскому послу в Дрездене на недружелюбный прием, который ему оказали в Саксонии, и теперь предлагал свои ценные услуги прусскому королю. Как мы уже слышали, Фридрих отблагодарил его иронически. Тем не менее, Сен-Жермен, по-видимому, отправился в Берлин, где прожил год в тихом уединении.

Осенью 1778 года мы встречаем его в Гамбурге, а год спустя, в конце лета 1779 года, он наконец переехал в Шлезвиг. Принц Карл Гессенский, его новый покровитель, описал в своих мемуарах, как Сен-Жермен посвятил его в свои секреты. В соседнем Эккёрне, как и в Турно, был предпринят попытка основать промышленность с помощью его секретных средств, красок и красителей.

По словам мадам де Женлис, пока принц был в путешествии, Сен-Жермен, мучимый мрачной меланхолией и угрызениями совести, тихо и в одиночестве, как и последнее десятилетие своей жизни, скончался 27 февраля 1784 года в Эккёрне. Через три дня, 2 марта, состоялись его похороны в местной церкви Святого Николая, но уже невозможно установить, в каком месте церкви находится его могила. Старое здание фабрики, сегодня Christianspflegehaus, вместе с церковью Святого Николая является последним видимым напоминанием о пребывании Сен-Жермена в этом месте.

Искусство и секреты Сен-Жермена

Для культурной истории XVIII века список его искусств, который он составил в 1777 году для прусского короля и который мы публикуем впервые, представляет собой документ первостепенной важности, поскольку в нем в аутентичной форме содержится обзор всех его искусств.

Наибольшее место в списке занимают его секретные средства, предназначенные для практического использования в промышленности. Здесь преобладают его краски и красители. Очевидно, они составляли его специализацию, ради которой он путешествовал, поскольку они хорошо известны нам еще по его пребыванию во Франции, Брюсселе, Москве

и Швабахе. Также мы знаем о его искусстве обработки кожи из Турне. К этому добавляются новые методы стирки шелка, отбеливания льняной ткани, хлопка и т. д.

Вторую категорию составляют его секретные методы обработки металлов. Конечно, это не было изготовление золота, как того жаждали алхимики, но в алхимии уже довольствовались и более скромными успехами; вместо обогащения металлов они довольствовались их преобразованием и таким образом получали смеси и составы, такие как упоминаемое в наших документах *similor*, продукт « », о котором, однако, граф Кауниц не хотел ничего знать. О достижениях Сен-Жермена в этой области рассказывает и министр из Ансбаха, но только в общих чертах, что не позволяет сделать однозначных выводов о его секретном методе.

На третьем месте стоит его «эликсир жизни». В своем списке для короля Фридриха он, конечно, благоразумно воздерживается называть свой препарат этим именем. В чем он состоял и к чему приводил? Речь идет о чае, который и сегодня носит имя графа, так называемом «чае Сен-Жермен», основным компонентом которого являются листья сенна, обладающие слабительным действием. Этот чай имел большое значение в системе, по которой жил Сен-Жермен. Он следовал строгой диете в своем образе жизни и питании, которой он неукоснительно придерживался, что в дальнейшем также способствовало приданию его личности вида особенного и необычного.

Наконец, он также хвастался секретом искусственного производства драгоценных камней. Так, в своем письме графу Ламбергу он рассказывает о большом алмазе, который он вместе с графом Зобором создал после долгих усилий. Но этот алмаз играет роль только в лживом рассказе, который он дает о своем предполагаемом аресте в 1760 году. Поэтому мы вправе усомниться и в его рассказе об искусственном производстве алмазов.

Иначе обстоит дело с приписываемым ему, но не указанным в списке 1777 года искусством удаления пятен с алмазов. Конечно, примеры, о которых рассказывают мадам дю Оссе, Казанова и принц Гессенский, все еще не являются безупречным доказательством. Но когда швейцарец Пикте рассказывает французскому дипломату Корберону, что его тесть Маньян, огранщик алмазов, откладывал для Сен-Жермена все алмазы с какими-либо пятнами, это свидетельство, которое нельзя просто отмахнуться и которое, несомненно, говорит в пользу Сен-Жермена. , как рассказывает мадам дю Оссе, даже знаменитый врач и экономист Кенэ не отрицал его искусства увеличивать жемчужины и придавать им красивый блеск.

Церковь Святого Николая в Эккернёрде. Могила Сен-Жермена

Вышеперечисленными средствами список его искусств 1777 года еще не исчерпан. Он также вскользь упоминает свое искусство изготовления масел, ликеров, косметических средств, виноделия, секретных средств для сельского хозяйства. Таким образом, он предстает перед нами как человек удивительной многогранности. Но что можно сказать, когда в пункте 25 списка написано: «Изготовление других полезных вещей, о которых я умалчиваю». И далее в конце: «О еще одном пункте по разным причинам ничего сказать нельзя. Он остается засекреченным». Это был не что иное, как язык рекламщика!

Подведем итог вышесказанному. Хотя Сен-Жермен в своем неоднократно упоминаемом письме графу Ламбергу и хвастался обладанием «философским камнем», он не был «адептом». Он не владел секретом искусственного производства золота. Попытка продемонстрировать это искусство, которую он предпринял перед Казановой в Турне, выглядит скорее как фокус. Остальные его работы в области преобразования и обогащения металлов, относящиеся к области алхимии, по мнению экспертов, были невысокого качества. То, что он представляет как «эликсир жизни», на самом деле оказывается вполне безобидным рецептом.

Не лучше обстояли дела с его секретами и тайными методами, которые распространялись на экономическую жизнь.

Если мы проанализируем его жизнь, то увидим, что именно на них лежал основной акцент. Их использование было главной целью его деятельности. Однако его большая афера в Турне показывает, что ему не было важно честно зарабатывать и получать прибыль. Таким образом, он принадлежит к большой армии промышленных рыцарей, которые сеяли хаос в XVIII веке и о которых король Фридрих с особым упором предупреждал своих преемников в своем политическом завещании 1752 года.

Пусть он и разбирался в искусстве очистки бракованных бриллиантов от пятен, это не меняет образа авантюриста, каким нам представляется его жизнь и деятельность.

Был ли Сен-Жермен масоном и каббалистом?

В средние века и даже в более позднее время, наряду с алхимией, важную роль играло тайное учение каббалистов. Еврейская «каббала», то есть традиционное учение, изначально было тайным знанием, которое занималось учением о божественном и творении. Однако со временем оно все больше приближалось к магии, которая хвасталась обладанием сверхъестественными силами. Главной целью было предвидение будущего. В качестве средства для этого использовалось искусство пунктирования; цифры, слова и буквы приобретали тайное значение. В средневековье искусство каббалы, как и алхимия, процветало в Испании, откуда оно также распространилось по всей Европе.

Подобный процесс повторился в масонстве. В первой половине XVIII века в европейских ложах произошло движение, которое вышло за рамки старой цели продвижения гуманности в мышлении и деятельности. Здесь также произошел поворот к мистике. Масонство утверждало, что тайное знание тамплиеров, утраченное миром с гибелью ордена, было вновь обретено на Востоке, и в результате оно заявило о своем праве раскрывать тайны магии в высших степенях.

Известный граф Калиостро выступал как масонец. Но он изобрел собственную систему, которую назвал египетским масонством. Помимо алхимических искусств, он также занимался вызыванием духов. Его учителем и наставником считается граф Сен-Жермен, однако это неверно, поскольку его таким провозгласили только *«Mémoires authentiques pour servir à l'histoire du comte de Cagliostro»* («Подлинные мемуары, служащие истории графа Калиостро»), подделка, написанная маркизом де Луше и анонимно опубликованная после смерти Сен-Жермена в 1785 году. Луше был тайным советником на службе у ландграфа Гессен-Касселя. Он был убежденным противником всех масонских устремлений, поэтому и написал эти «Мемуары», которые представляют собой грубую насмешку над масонством. Он отправляет Калиостро в путешествие по миру вместе с его женой, представленной как маркиза. Тот, не чувствуя себя еще готовым к Парижу, оплоту авантюризма, после неудачного дебюта в Вене решает подготовиться к своей карьере в России. Чтобы достойно начать ее, он сначала вместе с женой получает в Шлезвиге посвящение от графа Сен-Жермена. То, что эта церемония проходит в крайне гротескной форме, естественно, учитывая тенденцию произведения. *«Correspondance littéraire»*, возглавляемая известным писателем Мельхиором Гриммом, не преминула предупредить об этих «запоминающихся событиях» с их «» («или ложными, или рискованными анекдотами»).

Еще в одной книге, которая появилась несколько лет спустя и также была анонимной, Луше выступил против Сен-Жермена в политическом памфлете, направленном против ордена иллюминатов, основанного в 1776 году из идеальных побуждений, который он обвинил в опасных, подрывных планах. И здесь тайное знание Сен-Жермена, с помощью которого он пытался покорить мир, особенно великих людей, осыпается насмешками и издевательствами.

Этими «мемуарами» объясняется то, что Калиостро, который, вероятно, никогда не видел графа Сен-Жермена, был связан с ним и с тех пор считался его учеником.

Но Сен-Жермен не был каббалистом. Во всех современных источниках нет никаких указаний на это.

Что касается дальнейшего вопроса о его отношении к масонству, то богатую информацию дает масонская переписка принца Фридриха Августа Брауншвейгского, великого приора лож в Пруссии, которую мы приводим. В кругу этого принца Сен-Жермен во время своего пребывания в Лейпциге был предметом пристального внимания. Если не брать во внимание банкира Дюбоска, который видел в «загадочном человеке» только мошенника, то как саксонский министр фон Вурмб, который серьезно «прощупывал его», так и Бишофвердер, которого принц специально попросил высказать свое мнение, сходятся в суждении: «Он не один из нас» — с этим суждением согласился и розенкрейцер Фрелих из Гёрлица, ученик Шрепфера, сказав: « » («Он не масон; он не маг и не теософ [20]»). Подобно им, в 1778 году Дрессер, который в течение четырех лет был мастером ложи «Георг» в Гамбурге, пытался разгадать тайну этого странного незнакомца [21]. Но Сен-Жермен держался в стороне от всех масонских дел, хотя он упоминается как член Страсбургской ложи «*de la Candeur*» (1776) [22] и сам признавал, что имеет четвертую степень. Да, он не скрывал своего безразличия [23]. Таким образом, нельзя говорить о какой-либо ведущей роли, которую он якобы играл в масонстве!

Личность Сен-Жермена и формирование легенды.

Хотя, как мы видели, его искусства и секреты были в целом весьма сомнительными, Сен-Жермен сумел завоевать себе имя, которое пережило его смерть. В чем заключается загадка его успеха?

Подводя итог, можно сказать: в очаровании его личности. Не то чтобы в его натуре было что-то демоническое, что притягивало людей к нему с сверхъестественной силой. Сила, которую он проявлял, была совсем другого рода. Он был блестящим собеседником, который умел привлекать людей. Он обладал даром увлекательного разговора; люди с удовольствием слушали его, когда он рассказывал о своей жизни, молодости, путешествиях по , о чудесах мира. Он очаровывал слушателей, потому что говорил с энтузиазмом и воодушевлением. По словам Альвенслебена, он обладал «превосходным ораторским талантом» или, как называет это Йорк, «красноречием». Когда прусский посол хотел его поймать, Сен-Жермен ускользнул от него, притворившись откровенным, но не говоря ничего существенного. При этом он любил споры, но яростно набрасывался на тех, кто осмеливался ему противоречить. Если же он сталкивался с серьезным сопротивлением, то прибегал к тактике своевременного молчания.

При этом он обладал необычайной способностью приспосабливаться к окружающей обстановке. Он внимательно наблюдал за людьми, с которыми имел дело. Быстро выяснял, что он может им предложить. Неумным верующим он нагло впаривал свои ложь, а перед умными вел себя сдержанно. Он давал понять только то, что не осмеливался сказать открыто. Особенно он любил играть полусловами, которые стимулировали воображение слушателя. Это удавалось ему тем легче, чем больше его темное искусство, которым он хвастался, оказывало на людей неотразимое воздействие.

Таким образом, он в высокой степени владел искусством обращения с людьми. И поэтому ему удалось проникнуть в высшие круги, закрытые для большинства простых людей. Но что еще более важно, он умел там утверждать себя. Несомненно, он играл важную роль при дворе Людовика XV, пока гаагское приключение не сломало ему шею. Тем не менее, позже ему удалось установить более тесные отношения с другими князьями, такими как маркграф Ансбаха и принц Гессенский, который сохранял к нему благосклонность до самой смерти. Он

даже сумел так очаровать графа Кобенцля, занимавшего высокий государственный пост (), что тот восхвалял его: «Он поэт, музыкант, писатель, врач, физик, химик, механик и глубокий знаток живописи. Одним словом, он обладает универсальным образованием, какого я еще не встречал ни у одного человека [24]».

Было бы ошибкой отрицать все его знания и умения. В его пользу свидетельствуют серьезные свидетели. «Он очень одаренный человек с очень живым умом», — так описывает его Альвенслебен [25]. В то же время он называет его «бессудимым», «безмерно тщеславным» и льстивым. Тщеславие было движущей силой, приводившей в действие его механизм. Мы также слышим, что он любил хвастаться своим якобы высоким происхождением. Он осмелился сказать: «Я держу природу в своих руках, и, как Бог сотворил мир, так и я могу вызвать из ничто всего, что захочу».

Его «фокусы», как свидетельствует Альвенслебен, открывали ему двери домов великих людей. Но они также служили ему для эксплуатации человечества. Поэтому мы не удивляемся, встретив в салоне маркизы д'Урфе, который украшал его портрет, мошенника типа Казановы — достойную пару, которая одинаково обманывала даму, верующую в чудеса, хотя он обычно избегал мира, в котором вращались Казанова и Калиостро.

От них его отличает и тот факт, что женщины не играли никакой роли в его жизни, хотя, как упоминает Глихен, он ухаживал за дочерью шевалье Ламбера в Париже и, как записывает в своих слухах Э. Г. Харденброк (), высказывал намерение жениться на ней. Еще более сомнительным представляется то, имела ли вообще какое-либо отношение к нему та неизвестная дама в Амстердаме, о которой так загадочно рассказывает Гросли. И со всеми остальными сообщениями о его конце противоречит утверждение Гликена, что в последний год своей жизни Сен-Жермен «как второй Соломон» позволял женщинам ухаживать за собой и ласкать его и умер в их объятиях.

Помимо его темных искусств, ему помогла завоевать положение в высшем обществе легенда о его сказочных богатствах. Он хвастался своими драгоценными камнями, но их подлинность оспаривается. Он приобрел поместья во Франции и Голландии, но не смог их оплатить. Мадам Неттин в Брюсселе на своем горьком опыте узнала, чем обернулись его ценности, депонированные в Неймегене. Стоимость его коллекции картин также оспаривается. Наконец, общеизвестным фактом является то, что у маркграфа Ансбаха и в Лейпциге он жил в нищете. Даже его квартира в Париже была скромной. Но удивительно, что, несмотря на все это, он умел создавать себе репутацию богатого человека, и ему верили.

Еще одной загадкой, которую представляла его личность, было то, что он постоянно выступал под чужим именем, хотя предпочитал имя графа Сен-Жермена, под которым он и вошел в историю [26]. Эта постоянная смена имени кажется вполне оправданной его приключенческой жизнью. Но для него характерно, что он знал, как дать этому таинственное объяснение. Оно было передано нам министром Ансбаха фон Гемминген. Согласно ему, речь шла о великом неизвестном, который имел в руках доказательства его происхождения, преследовал его и от которого Сен-Жермен должен был скрываться. И лишь еще одним украшением этой сказки является то, что он рассказал в родительском доме мадам де Женли, что в семилетнем возрасте ему пришлось бежать, поскольку за его голову была назначена награда.

Как видите, здесь есть все, чтобы создать полный образ авантюриста. Здесь есть все: загадочное происхождение, великий неизвестный, преследующий его, неизвестная красавица, сказочное богатство. К этому добавляются все чудеса, связанные с именем

«знаменитого алхимика». Он обладает «философским камнем», знает секрет искусственного производства золота, владеет эликсиром жизни.

Стоит ли удивляться, что в более поздних преданиях, как и в записях Ламберга и Глихена, таинственное и загадочное все больше затмевает историческую достоверность современных ему сообщений? Ведь позже мы почти не слышим о всех его ремесленных навыках, таких как крашение и обработка кожи, которые, однако, составляли основную сферу его деятельности. Вместо этого он становится золотоделом. А еще большее поле для фантазии дает человеческому воображению его эликсир жизни. Он становится современником Христа, а леди Крейвен, знакомая с ним только понаслышке, в своих мемуарах « » (Записки леди Крейвен) все больше раздувает эту басню, украшая ее всевозможными барочными выдумками. С другой стороны, поскольку эликсир жизни обладает свойством молодости, возникает история о воровке-камерной горничной, которая похищает эликсир, купленный ее хозяйкой за большие деньги, и в результате принятия слишком сильной дозы снова становится маленьким ребенком. Из одной горничной в *London Chronicle* (у Гросли) и у Глейхена фальсификатор «Воспоминаний маркизы де Креки» с помощью драматического преувеличения делает двух. И кульминацию веселья у Ламберга достигает старая женщина, которая даже снова становится эмбрионом.

Сопоставляя одновременные документы, в которых о нем говорится, и более поздние записи, которые о нем были сделаны, мы впервые сталкиваемся с историческим образом этого авантюрного мошенника. В то же время этот обзор позволяет проследить процесс постепенного формирования легенды, которую он сам умело подпитывал и благодаря которой он стал «знаменитым алхимиком», которым он остается и по сей день. —

Чтобы сохранить строго исторический характер книги, мы принципиально отказались от учета чисто литературных произведений. К ним относятся, например, фантазийные описания визитов Сен-Жермена в Вену, ко двору Карла Августа в Веймаре, ко двору королевы Марии-Антуанетты, которые приводит Франц Греффер в своих «Маленьких венских мемуарах» (Вена, 1845), А. фон дер Эльбе в рассказе «Brausejahre» («Gartenlaube», 1884) или романист Этьен Леон де Ламот-Лангон в анонимно изданных «*Souvenirs sur Marie Antoinette et sur la cour de Versailles par Madame la comtesse d'Adhémar, dame du palais*» (Париж, 1836); потому что, чтобы подчеркнуть это явно, графиня д'Адемар, как доказано, не является исторической личностью, а является чистым плодом поэтического воображения. Таким образом, единственная доступная на сегодняшний день биография авантюриста, незавершенная работа теософа Дж. Купер-Окли: «Граф Сен-Жермен» (Милан, 1912), не претендует на научную значимость, поскольку она безкритично черпает информацию из тех же источников и рассказывает сказки о предполагаемой графине д'Адемар как о исторических событиях; ценность ее книги основана исключительно на информации из иностранных архивов.

Я выражаю огромную благодарность руководству многочисленных архивов и библиотек, особенно в Берлине, Вене и Вольфенбюттеле, за предоставленные мне обширные новые сведения. Кроме того, я хотел бы выразить искреннюю благодарность нотариусу Лангевельду из Гааги за любезную поддержку, которую он оказал моей работе.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

ОБЩИЕ ОПИСАНИЯ, АНЕКДОТЫ И ПОДДЕЛКИ

ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ» БАРОНА ФОН ГЛИХЕНА [27]

По возвращении в Париж в 1759 году [28] я навестил вдову шевалье Ламбера, старую знакомую. После меня вошел среднего роста, очень коренастый мужчина, одетый с нарочитой, великолепной простотой. Он бросил шляпу и шпагу на кровать хозяйки дома, сел в кресло у камина и прервал говорящего господина словами: «Вы не знаете, о чем говорите. Этот вопрос находится исключительно в моей компетенции. Я исчерпал его, так же как и музыку, которой я отказался, потому что достиг предельной границы».

Удивленный, я спросил своего соседа, кто этот человек, и узнал, что это был знаменитый Сен-Жермен, владелец самых редких секретов, которому король [29] предоставил апартаменты в замке Шамбор, который проводил целые вечера в Версале с Его Величеством и мадам де Помпадур и за которым весь мир бегал, когда он приезжал в Париж. Госпожа Ламберт пригласила меня на обед на следующий день и с торжествующим видом добавила, что я буду обедать с господином Сен-Жерменом, который, между прочим, ухаживал за одной из ее дочерей и жил в ее доме.

Наглость этого человека заставила меня долго хранить уважительное молчание за ужином. Наконец я осмелился сделать несколько замечаний о живописи и рассказал о различных вещах, которые я видел в Италии. Мне посчастливилось найти милость в глазах Сен-Жермена. «Я доволен вами, — сказал он мне, — и вы заслуживаете, чтобы я показал вам дюжину картин, которых вы не видели в Италии». И действительно, он почти сдержал свое слово, потому что все картины, которые он мне показал, отличались своеобразием или совершенством, что делало их более привлекательными, чем многие классические произведения, в частности «Святое семейство» Мурильо, по красоте не уступавшее Рафаэлю в Версале.

Но он показал мне и совсем другие вещи: множество драгоценных камней, в частности цветные бриллианты удивительных размеров и совершенства. Мне показалось, что я вижу сокровища из волшебной лампы Аладина. Среди прочего я увидел опал огромных размеров и белый сапфир размером с яйцо, который своим блеском затмевал все драгоценные камни, которые я держал рядом с ним. Я смею похвастаться тем, что являюсь знатоком драгоценных камней, и могу заверить, что глаз не мог обнаружить ничего, что могло бы вызвать сомнения в подлинности этих камней, тем более что они не были оправлены.

Я оставался с ним до полуночи и ушел от него как его верный последователь. В течение шести месяцев я следовал за ним с покорной настойчивостью и не научился у него ничему, кроме практик и особенностей шарлатанства. Никто, как он, не обладал даром пробуждать любопытство и использовать легковёрность. Он умел подбирать свои чудесные истории в зависимости от восприимчивости слушателей. Рассказывая глупцу историю из времен Карла V, он открыто признавался ему, что был там. Если он разговаривал с кем-то менее легковёрным, то описывал лишь мельчайшие детали, мимику и жесты говорящих, даже комнату и место, где они стояли, со всеми подробностями и такой живостью, что создавалось впечатление, будто слушаешь настоящего очевидца события. Иногда, когда он воспроизводил речь Франциска I или Генриха VIII [30], он делал вид, что рассеян, и говорил:

«Король обратился ко мне...», но быстро исправлялся и, как человек, который оговорился, поспешно продолжал: «обратился к такому-то герцогу».

В целом он знал историю до мельчайших подробностей. Он создал в своем воображении образы и сцены и говорил о самых дальних временах с такой естественностью, с какой едва ли кто-либо из его современников говорил о ближайшем настоящем.

«Глупые парижане, — сказал он мне однажды, — верят, что мне 500 лет, и я поддержал их в этом предположении, потому что вижу, что им это доставляет большое удовольствие. Конечно, я намного старше, чем выгляжу», — добавил он, потому что хотел в некоторой степени ввести в заблуждение и меня. Но парижане были не только настолько глупы, что приписывали ему возраст в несколько сотен лет, но даже сделали его современником Христа, и вот почему.

В Париже жил забавный человек, которого называли милорд Гоуэр, потому что он превосходно имитировал англичан. После того как правительство использовало его в качестве шпиона в английской армии во время Семилетней войны, он стал игрушкой в руках некоторых придворных, которые хотели посмеяться над простодушными парижанами. Его наряжали в самые разные костюмы и заставляли копировать всех возможных людей. Так этот милорд Гоуэр был представлен в Марэ [31] как господин Сен-Жермен, чтобы удовлетворить любопытство дам и зевак этого района города, которых легче обмануть, чем людей в районе Пале-Рояль. На этой сцене наш ложный адепт позволил себе сыграть свою роль. Сначала он немного преувеличивал. Однако, увидев, что все воспринимают это с восхищением, он перешел от одного века к другому, вплоть до Иисуса Христа. Он говорил о нем с такой близостью, как будто был его другом. «Я очень хорошо его знал, — говорил он. — Он был лучшим человеком на земле, но романтическим и опрометчивым; я часто говорил ему, что он закончит плохо». Затем наш актер перешел к услугам, которые он пытался оказать ему через жену Пилата, в доме которой он бывал ежедневно. Он утверждал, что хорошо знал святую Деву Марию (), святую Елизавету (St. Elisabeth [32]), да даже ее старую мать, святую Анну (St. Анна [33]). «Ей, — сказал он, — оказал ей большую услугу после ее смерти. Без меня она никогда не была бы канонизирована. К ее счастью, я был на Никейском соборе [34], и, поскольку я знал нескольких епископов, собравшихся там, я так искренне просил их и так часто рассказывал им, какой она была хорошей женщиной и как мало это им стоило, что она действительно была канонизирована». Эта безвкусная шутка довольно серьезно передавалась в Париже и принесла господину де Сен-Жермену репутацию обладателя эликсира жизни, который омолаживал его и делал бессмертным. Отсюда возникла байка о старой горничной одной дамы, которая тайно хранила флакончик с этим божественным эликсиром. Старая горничная выкопала его и выпила столько, что стала все моложе и моложе и в конце концов превратилась в маленького ребенка.

Хотя все эти басни и несколько анекдотов о возрасте Сен-Жермена не заслуживают ни веры, ни внимания со стороны разумных людей, тем не менее удивительным остается то, что многочисленные достоверные лица подтвердили мне его долгую жизнь и почти непостижимую неизменность его внешности. Так, я слышал, как Рамо [35] и старая родственница французского посла в Венеции [36] уверяли, что, когда они познакомились с Сен-Жерменом там в 1710 году, он выглядел как пятидесятилетний человек. В 1759 году он казался шестидесятилетним, и тогда Морен, мой будущий секретарь посольства, за правдивость которого я ручаюсь, возобновил в моем доме знакомство с ним, которое он завязал в 1739 году во время путешествия по Голландии, и был очень удивлен, что он не выглядел на год старше. Все люди, которые познакомились с ним после этого до его смерти — которая, если я не ошибаюсь, произошла в 1780 году в Шлезвиге [37] — и которых я

спрашивал о его предполагаемом возрасте, всегда отвечали мне, что он производит впечатление хорошо сохранившегося шестидесятилетнего человека. Таким образом, мужчина в возрасте 50 лет за 70 лет постарел всего на 10 лет — это кажется мне самым необычным и примечательным в его истории.

Он владел несколькими секретными химическими средствами, особенно для производства красок и красителей, а также своего рода симилором редкой красоты. Возможно, он сам изготовил упомянутые драгоценные камни, подлинность которых можно было бы опровергнуть только с помощью напильника. Но я никогда не слышал, чтобы он говорил о каком-либо универсальном лекарстве.

Он жил очень умеренно, никогда не пил во время еды, очищал организм самодельными листьями сенны и не давал своим друзьям никаких других советов, когда они спрашивали его, что нужно делать, чтобы жить долго. Вообще он никогда не хвастался сверхъестественными знаниями, как другие шарлатаны.

Его философия была философией Лукреция: он с таинственным восторгом говорил о глубинах природы и открывал воображению неопределенные, мрачные и бесконечные перспективы своего знания, своего богатства и своего благородного происхождения. е любил рассказывать о своем детстве и описывал себя, как он с многочисленной свитой прогуливался по роскошным террасам в прекрасном климате, словно он был наследником короля Гранады во времена мавров. Однако ни один человек, ни одна полиция так и не выяснили, кем он был и откуда он родом.

Он свободно говорил по-немецки и по-английски. Французский он говорил с пьемонтским акцентом, итальянский — отлично, но особенно хорошо он говорил по-испански и по-португальски без малейшего акцента.

Как я слышал, помимо нескольких немецких, итальянских и русских имен, под которыми его видели в разных странах, в прежние времена он также носил имя *маркиза Монферратского*. Насколько я помню, старый барон Стош [38] рассказывал мне, что во времена регента [39] он знал во Флоренции маркиза Монферратского, который считался внебрачным сыном вдовы Карла II [40], уехавшей в Байонну, и мадридского банкира.

Сен-Жермен бывал в доме герцога де Шуазеля [41] и был там желанным гостем. Поэтому мы были очень удивлены, когда этот министр сделал своей жене очень резкое замечание о нем. Он внезапно спросил ее, почему она ничего не пьет, и когда она ответила, что, как и я, с успехом следует диете Сен-Жермена, Шуазель ответил: «Барон, который, насколько я знаю, питает особую любовь к авантюристам, является своим собственным хозяином и может жить, как ему заблагорассудится. Но вам, мадам, чье здоровье мне дорого, я запрещаю подражать глупостям такого двусмысленного человека». Чтобы перевести разговор в другое русло, командор Солар [42] спросил герцога Шуазеля, действительно ли правительство не знает происхождения человека, который живет во Франции на столь высоком уровне. «Конечно, мы знаем, — ответил Шуазель (но он солгал), — он сын португальского еврея, который пользуется доверчивостью двора и города. Странно, — продолжил он, возбуждаясь, — что королю часто разрешают оставаться почти наедине с таким человеком, в то время как он выходит из дома, окруженный только гвардейцами, как будто мир кишит убийцами». Этот всплеск гнева был вызван его ревностью к маршалу Бель-Илю [43], которому Сен-Жермен посвятил себя душой и телом: ему он передал план и модель знаменитых плоскодонных лодок, с помощью которых должна была быть осуществлена высадка в Англии [44].

Последствия этой вражды и подозрительности Шуазеля проявились через несколько месяцев [45]. Маршал постоянно строил интриги, чтобы заключить отдельный мир с Пруссией и разорвать союз между Австрией и Францией, с , от которого зависела судьба герцога Шуазеля. Людовик XV и мадам де Помпадур желали этого отдельного мира, Сен-Жермен убедил их послать его к принцу Людовику Брауншвейгскому в Гаагу, которого он называл своим закадычным другом. Он обещал таким образом начать успешные переговоры, преимущества которых он ярко освещал своей красноречивостью.

Маршал составил инструкции, и король лично передал их ему с шифром для Сен-Жермена, который, прибыв в Гаагу, почувствовал себя призванным играть роль посланника. В результате его нескромности д'Аффри, в то время посол в Гааге [46], узнал о секрете этой миссии и отправил курьера к Шуазелю, жалуюсь ему, что тот оскорбляет старого друга его отца и достоинство посла, поручая малоизвестному иностранцу вести мирные переговоры под его носом, даже не поставив его об этом в известность.

Шуайзель немедленно отправил курьера обратно и приказал д'Аффри с всей возможной энергией потребовать от Генеральных штатов выдачи Сен-Жермена. Затем он должен был доставить его, скованного по рукам и ногам, в Бастилию. На следующий день Шуайзель зачитал в Королевском совете доклад д'Аффри и свой ответ на него. Затем он гордо оглядел своих коллег, поочередно устремив взгляд на короля и Бель-Иля, и заключил: «Если я не стал дожидаться приказа короля, то это было сделано из убеждения, что никто здесь не осмелится вести мирные переговоры без ведома министра иностранных дел Вашего Величества !» Он знал, что король установил и всегда соблюдал принцип, согласно которому ни один министр не должен вмешиваться в дела другого. И произошло то, что он и предвидел: король виновато опустил взгляд, маршал не осмелился произнести ни слова, и шаг Шуазеля был одобрен. Но Сен-Жермен ускользнул от него. Генеральные штаты заверили в своей покорности и отправили большое войско для ареста Сен-Жермена. Но тот был тайно предупрежден и бежал в Англию.

Из некоторых сообщений я полагаю, что он вскоре снова уехал и отправился в Санкт-Петербург. Затем он появился в Дрездене, Венеции и Милане, вел переговоры с местными правительствами, чтобы продать им секреты крашения тканей и основать фабрики. В то время он производил впечатление удачливого авантюриста и был арестован в небольшом городке в Пьемонте за просроченный вексель. Однако он показал владельцу ценности на сумму более 100 000 талеров, заплатил на месте, обращался с мэром этого города как с кафром и был освобожден с самыми почтительными извинениями.

В 1770 году он появился в Ливорно с русским именем и в генеральской форме. Граф Алексей Орлов [47] оказал ему честь, которую этот гордый и высокомерный человек обычно не оказывал никому. Это, вероятно, было связано с замечанием его брата, князя Григория Орлова, в адрес маркграфа Ансбаха (). Сен-Жермен поселился у него на несколько лет [48] и решил навестить знаменитого фаворита Екатерины II во время его проезда через Нюрнберг [49]. Маркграф Ансбахский. Тогда Орлов тихо сказал маркграфу о Сен-Жермене, которого он торжественно приветствовал: «Этот человек сыграл большую роль в нашей революции».

Он жил в Трисдорфе и вел там жизнь по своему усмотрению с аристократической дерзостью, которая ему очень шла. С маркграфом он обращался как со школьником. Когда тот задавал ему скромные вопросы о его науке, он отвечал: «Вы слишком молоды, чтобы я мог вам это рассказать». Чтобы еще больше укрепить свое уважение в этом маленьком дворе, он время от времени показывал письма Фридриха Великого. «Вы знаете этот почерк и эту печать?» — спрашивал он маркграфа, показывая ему письмо в конверте. «Да, это маленькая печать

короля». — «Что ж, вы никогда не узнаете, что в нем написано». С этими словами он снова спрятал письмо.

Маркграф утверждает, что он убедился в подлинности драгоценных камней Сен-Жермена: ему удалось тайно попросить своего ювелира проверить алмаз напильником, когда камень был показан лежащей в постели маркграфине [50], поскольку Сен-Жермен тщательно следил за своими камнями и не выпускал их из виду.

В конце концов, этот необыкновенный человек умер в Шлезвиге у принца Карла Гессенского, которого он полностью очаровал и побудил к спекуляциям, которые, однако, провалились. В последние годы своей жизни он позволял обслуживать себя только женщинам, которые ухаживали за ним и баловали его, как второго Соломона. После постепенного угасания сил он умер в их объятиях.

Напрасно друзья, слуги и даже братья принца [51] пытались выведать у него тайну его происхождения. Но поскольку принц унаследовал все документы Сен-Жермена [52] и получил все письма, которые пришли после его смерти, он, должно быть, знает об этом больше, чем мы, которые, вероятно, никогда не узнаем. Такая странная таинственность достойна его личности.

ИЗ «ДНЕВНИКА ДЕТИНА МИРА» ГРАФА ЛАМБЕРГА [53]

Станным явлением является *маркиз д'Аймар* или *Бельмар*, известный под именем *Сен-Жермен*. Он уже некоторое время живет в Венеции, где занимается отбеливанием льна, который придает ему вид итальянского сырого шелка, с помощью старых женщин, которых ему предоставляет аббатиса.

Он считает, что ему 350 лет, и, чтобы не слишком преувеличивать, утверждает, что знал Тамаса Чули-Кана в Персии [54].

Когда герцог Йоркский [55] прибыл в Венецию, он потребовал от сената преимущества перед ним. В качестве причины он указал, что все знают, кто такой герцог Йоркский, но еще не знают титула маркиза Бельмарского.

Он владеет омолаживающим бальзамом: старая женщина, которая слишком сильно им натерла себя, снова превратилась в эмбрион. Одному из своих друзей он дал волосы для завивки, и тот получил от банкира, который не знал маркиза, 200 дукатов наличными в рассрочку.

Я спросил его, вернется ли он во Францию. Он с убежденным видом заверил меня, что бутылка (с эликсиром жизни), которая поддерживает здоровье короля в его нынешнем состоянии, подходит к концу. В результате он снова появится на сцене с блестящим трюком, и его имя станет известно во всей Европе.

Он, по-видимому, был в Пекине, не назвав ни одного имени; когда полиция потребовала от него назвать свое имя, он оправдался тем, что сам не знает, как его зовут. «В Венеции, — сказал он, — меня называют господин «Какое тебе дело», в Гамбурге — «Монсеньор», в Риме — «Монсеньор», в Вене — «Пст». В Неаполе на меня свистят, в Париже на меня смотрят, и по

этому знаку я с удовольствием обращаюсь к каждому, кто на меня смотрит. Мое имя может быть вам безразлично, господа мандарины. Пока я живу с вами, я буду вести себя как носитель знаменитого имени. Называется ли я *Горох* или *Боб*, *Пизо* [56] или *Цицерон*, мое имя должно быть вам безразлично». Даже в Венеции он получает письма, на которых написано только «Венеция». Остальное оставляется незаполненным, и его секретарь просто запрашивает на почте письма без какого-либо адреса.

Король (Франции) подарил ему замок Шамбор после смерти маршала Саксенского [57] и обнял его, когда он уходил. Сен-Жермен бывал во всех знатных домах [] и даже был принят с почестями. Он часто ходил к княгине Анхальт-Цербст [58], матери нынешней царицы. «Я должен, — сказал он ей, — с удовольствием побыть у вас, чтобы забыть, что моя карета уже два часа ждет меня, чтобы отвезти в Версаль».

Кстати, никто не знает, кто этот странный человек. Его считают португальцем. Он обладает тысячей талантов, которые редко встречаются в одном человеке. Он великолепно играет на скрипке, но за ширмой; тогда кажется, что слышны пять-шесть инструментов одновременно.

Он много и хорошо говорит. Он обращается к каждому с такими уместными вопросами, что сначала это удивляет. В своего рода альбоме, в котором находятся подписи нескольких знаменитостей, он показал мне латинскую запись моего предка Каспара Феликса, умершего в 1686 году, с его гербом и следующей надписью: «*Lingua mea calamus scribae velociter scribentis*. Пс. 44, стих 2» [59]. Чернила и даже бумага были очень выцветшими и потемневшими и показались мне старыми. Дата — 1678 год. Другая запись Мишеля Монтеня [60] датирована 1580 годом: «Нет человека настолько честного, чтобы он не заслуживал десять раз виселицы, даже если все его поступки и мысли подчиняются проверке законов. И все же было бы очень жаль и несправедливо наказывать и вешать такого человека».

Из всего этого я делаю вывод, что создать два одинаковых почерка так же легко, как найти двух очень похожих друг на друга людей (). Ле Вейер [61] приводит примеры, из которых можно сделать вывод, что в прежние времена умение подделывать почерки считалось достоинством...

Обе упомянутые записи могли бы подтвердить возраст маркиза, если бы человеческая природа не противоречила этому. О каком бы веке он ни говорил, редко можно встретить ошибку. Он упоминает очень давние даты в нужном месте и при этом ни в коем случае не выставляет себя напоказ. Он редкий, удивительный человек, и что доставляет удовольствие: он выдерживает критику. Он сочетает в себе большую убедительность, необычную эрудицию и обширную память, хотя и ограниченную в пространственном отношении. Он утверждает, что научил дикаря искусству укрощать пчел и приучать змей к музыке и пению. Поскольку и то, и другое основано на установленных фактах, особенность маркиза заключается лишь в его пристрастии к новизне, которую он часто предпочитает другим признанным достоинствам.

Я переписал очень увлекательное письмо, которое он прислал мне из Мантуи в 1773 году.

Письмо Сен-Жермена Ламбергу

«Я видел его (дикого человека) в Гааге, когда меня там арестовали [62]. Прежде чем сдать свой шпагу, я настоял на том, чтобы поговорить с д'Аффри, французским послом при Генеральных штатах. Меня отвезли в моей карете в сопровождении офицера, который должен был охранять м. Посол принял меня, как будто был удивлен моим визитом, но вскоре приказал охраннику удалиться и, прежде всего, сообщить господам мэрам, что я пользуюсь

покровительством короля и, следовательно, нахожусь под защитой Его Величества, пока остаюсь в Голландии. Я счел своим долгом предложить офицеру алмаз чистейшей воды и, если можно так выразиться, необычного карата, но он отказался, и, поскольку все мои уговоры остались безрезультатными, я разбил камень большим молотком на несколько кусков, которые лакеи подобрали себе в пользу. Однако потеря алмаза, который был признан таковым в Бразилии и в империи Великих Моголов, не осталась для меня безразличной, тем более что его изготовление стоило мне бесконечных усилий. Граф Зобор, камергер покойного императора [63] (незабываемый князь благодаря своим возвышенным качествам и защите, которую он оказывал искусствам), делал со мной алмазы [64]. Принц Т.... около шести лет назад купил у меня один из изготовленных мною бриллиантов за 5500 луидоров, а затем продал его с прибылью в 1000 дукатов богатому дураку. По словам графа де Барре, нужно быть либо королем, либо дураком, чтобы тратить значительные суммы на бриллианты. Поскольку, кстати, в шахматах [65] дураки стоят ближе всего к королям, греческая пословица: Βασιλεὺς ἢ ὄνος (король или осел) и другая: *Aut regem aut fatuum nasci oportet* [66] никого не обижают. У госпожи Э. де С... был такой же голубоватый и так же плохо ограненный, как и тот; в оправе он выглядел как большой богемский камень с матовой огранкой.

«Ну, господин, человек вроде меня очень часто находится в затруднительном положении при выборе средств, и если верно, что только дураки или короли могут быть удостоены большого бриллианта, то я заслужил отказ офицера; несправедливость была полностью на моей стороне. Кстати, человек склонен часто приписывать природе определенные достижения в искусстве, которые принадлежат исключительно художнику. Потт, Марграф, Руэль [67] провозглашают со своего треножника, что никто не создавал алмазов, потому что они не знают причин, препятствующих успеху. Если бы все эти господа (а их много) хотели изучать людей больше, чем книги, они бы обнаружили в них секреты, которых не найдут в «Золотой цепи Гомера» и в большом и малом «Альбертусе», в таинственном томе «Пикатрикс» [68] и т. д. Великие открытия достаются только тем, кто путешествует.

«Открытием плавления драгоценных камней я обязан второму путешествию в Индию, которое я совершил в 1755 году с полковником Клайвом [69] под командованием вице-адмирала Уотсона [70]. Во время моего первого путешествия я приобрел лишь очень скудные знания об этом удивительном секрете. Все мои попытки в Вене, Париже () и Лондоне были лишь пробными; найти философский камень мне удалось в указанный период времени.

Макс Йозеф граф фон Ламберг

Гравюра Маага

«По уважительным причинам я представлялся в эскадре только как граф С...z. Везде, где мы причаливали, я пользовался такими же почестями, как и адмирал. Не спрашивая меня о моей родине, набоб из Бабы рассказывал мне только об Англии. Я помню, с каким удовольствием он слушал мое описание скачек в Ньюмаркете. Я рассказал ему, что знаменитая лошадь по имени Eclipse быстрее ветра, и я не солгал; ведь если предположить, что эта лошадь пробегает английскую милю за минуту, то есть $82\frac{1}{2}$ фута в секунду, то даже

если она выдерживает такой бешеный бег всего одну-две минуты, можно без опаски утверждать, что такая лошадь бежит быстрее ветра; ведь его максимальная скорость составляет 85 футов в свободном пространстве, и корабль, выдерживающий даже треть его удара, будет продвигаться со скоростью 6 (французских) миль в час, что соответствует максимальной известной скорости движения.

«Набоб предложил мне оставить у него моего сына, которого я взял с собой. Он назвал его своим лордом Бьютом [71], по образцу своих придворных, которые все носили английские имена. Среди детей этого набоба были принц Уэльский, герцог Глостерский, герцог Камберлендский и т. д. Когда Уотсон навестил его, он поинтересовался здоровьем короля Георга, и, узнав, что тот потерял сына [72], воскликнул с вздохом: «Я тоже потерял своего принца Уэльского!»

Маркиз Бельмар».

Один из даров, которым обладает только господин де Бельмар и который заслуживает того, чтобы его учили и культивировали в семьях, — это умение писать обеими руками одновременно. Я продиктовал ему около двадцати стихов из «Заира» [73], которые он одновременно написал на двух листах бумаги одним почерком. «Я не очень хорош, — сказал он мне, — но вы согласитесь, что я совершенно зря содержал своего секретаря. Прогресс в искусстве медленный; начинаешь с проб и в конце концов приходишь к твердой системе».

★★

★

В конце Ламберг исправляет информацию, опубликованную во флорентийской газете «*Le notizie del mondo*», которая в июле 1770 года в рубрике «Новости из мира» привела следующее сообщение:

«Тунис, июль 1770 года. Императорский камергер граф Максимилиан Ламберг посетил остров Корсика, чтобы провести различные исследования. Он находится здесь с конца июня в компании господина де Сен-Жермена, известного в Европе своими обширными знаниями в области политики и философии [74]».

Ламберг опровергает эту новость, указывая, что газета делает его спутником Сен-Жермена в Африке «в то время, когда господин де Бельмар из Генуи писал другу в Ливорно, что он хочет отправиться в Вену, чтобы снова увидеться с принцем Фердинандом фон Лобковицем [75], с которым он познакомился в Лондоне в 1745 году».

Письмо графа Ламберга к Опицу [76]

«Господин Сен-Жермен довольно долго жил в Париже и был предметом общего разговора. Он действительно утверждал, что ему четыреста лет. Я был очень любопытен увидеть его. Однажды я встретил его у покойной принцессы де Тальмонд. Я присмотрелся к нему и внимательно выслушал его. Он показался мне очень знающим и очень интересным собеседником. Вечером я рассказал о случайной встрече в доме, где я ужинал. Я сказал, что видел знаменитого графа Сен-Жермена. Меня спросили, действительно ли ему 400 лет, как он утверждает. Я холодно ответил: «Я думаю, он преувеличивает. Он выглядит не старше 200 лет». В остальном этот знаменитый авантюрист, который, похоже, большую часть своей жизни играл на доверчивости людей, заслуживает уважения благодаря своим знаниям и талантам. Его своеобразие — далеко не единственное его достоинство; было бы несправедливо полагать, что его репутация основана только на этом. Его путешествия и

исследования могли бы стать своеобразным и полезным материалом для писателя, располагающего достоверными сведениями».

Из «Критических, моральных и политических писем» Ламберга [77]

Кальостро [78] непроницаем и столь же своеобразен, как граф Сен-Жермен, учеником которого он якобы является, хотя и значительно уступает своему учителю в таланте и гениальности. Тот обязан своей славой своим знаниям, а этот — удаче и интригам: *Mundus vult decipi* [79].

Эпиграмма графа Ламберга о Сен-Жермене [80]

Триста лет я для мира.

Двести лет я считаю для своих друзей.

Когда пью, мне пятьдесят лет.

С Иридой — всего двадцать пять.

Я не враг Фортуны во всем,

Но она не делает меня своим игрушкой:

Я сам всегда играл с ней.

Надгробная надпись Сен-Жермена графу Ламбергу [81]

Скорбим о человеке мира, добродетельном гражданине,

Друга Бога, друга закона и права,

Друг императора и своего ближнего.

Ламберг умер бедным, но не незаслуженно.

Он устал приносить свет в мрачную глупость

Но судьба была справедлива:

потомкам она посвящает его дорогое имя,

Больное тело — червям, а сердце

Родине, а душу — дружбе.

Музам же свой высокий дух.

К критике Ламберга

Бранденбургский исследователь Моэн, вслед за Ламбергом, пишет в своих «Вкладах в историю наук в Марке Бранденбург», стр. 22 (Берлин и Лейпциг, 1783):

«Так и в наши дни знаменитый маркиз Бельмар или граф Сен-Жермен рассказал об исключительной силе такого омолаживающего бальзама, о котором ему стало известно от

апостольского камергера. Одна пожилая дама слишком сильно натерла им кожу и вскоре оказалась в состоянии эмбриона, и можно себе представить, как искусственно и тяжело пришлось графу, когда ему пришлось выносить ее снова и выхаживать».

ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ» ГРАФИНИ ЖЕНЛИ [82]

Теперь я перехожу к странной личности, которую я видела почти ежедневно в течение более полугода. Это был знаменитый мошенник граф Сен-Жермен. В то время он выглядел не старше сорока пяти лет, но, по свидетельству людей, которые видели его 30–35 лет назад, он был, безусловно, гораздо старше.

Он был не совсем среднего роста, хорошо сложен и имел очень легкую походку. У него были черные волосы, сильно загорелая кожа, очень умное выражение лица и довольно правильные черты. Он свободно говорил по-французски без малейшего акцента, а также по-английски, по-итальянски, по-испански и по-португальски.

Он был выдающимся музыкантом, аккомпанировал на фортепиано все, что пели, с такой совершенностью, что Филидор [83] был поражен этим, как и его прелюдиями.

Он был хорошим физиком и великим химиком. Мой отец, который мог это оценить, очень восхищался его знаниями в этой области. Он также рисовал маслом, конечно, не великолепно, но все же неплохо. У него был секретный способ получения действительно великолепных цветов, благодаря которому его картины получались превосходными. Он рисовал в стиле исторической живописи; его женские фигуры всегда были украшены драгоценностями. Для этих украшений он использовал свои краски, и его изумруды, сапфиры, рубины и т. д. действительно имели яркость, блеск и сияние настоящих камней. Латур, Ванлу [84] и другие художники осматривали его картины и восхищались удивительным искусством этих ярких красок, которые, однако, имели тот недостаток, что затмевали лица и разрушали их естественность своим удивительным обманом. Но для орнаментальной живописи эти странные цвета могли бы быть очень полезны, если бы Сен-Жермен не держал этот метод в секрете.

В разговоре он был поучительным и занимательным. Он много путешествовал и владел новейшей историей с удивительным знанием деталей. Поэтому говорили, что он говорит о давно умерших людях, как будто он жил с ними. Но я никогда не слышал ничего подобного из его уст.

Он демонстрировал лучшие принципы, добросовестно выполнял все внешние обязанности религии, был очень благотворительным и, как все признавали, обладал высочайшей нравственной чистотой. Одним словом, в его поведении, как и в его речах, все было сдержанным и нравственным.

Этот человек казался необыкновенным благодаря своим талантам, обширным знаниям и всему, что вызывает личное уважение — знаниям, благородному, сдержанному характеру, честному поведению, богатству и благотворительности. Тем не менее, он был мошенником или, по крайней мере, полудуром, который чрезмерно гордился своими несколькими

особыми секретными средствами, которые обеспечили ему крепкое здоровье и более долгую жизнь, чем у среднестатистического человека. Я убежден, и мой отец твердо верил в это, что Сен-Жермен, которому тогда было не более 45 лет, был по крайней мере 90-летним стариком. Если бы человек не злоупотреблял всем, он в целом дожил бы до более пожилого возраста; есть примеры этого. Без наших страстей и нашей неумеренности мы доживали бы до 100 лет, а при очень высоком возрасте — до 150–160 лет. Тогда в 90 лет человек обладал бы силой сорока-пятидесятилетнего. Таким образом, мое предположение о Сен-Жермене не является нелепым, при условии, что с помощью химии он нашел способ приготовления зелья или жидкости, соответствующей его темпераменту. Даже не веря в философский камень, можно предположить, что он был тогда намного старше, чем я предполагаю здесь.

В первые четыре месяца нашего близкого общения господин Сен-Жермен не делал никаких чрезмерных заявлений, даже необычных. В его характере было что-то настолько сдержанное и достойное уважения, что моя мать не осмеливалась спрашивать его о странностях, которые о нем рассказывали. Однако однажды вечером, когда он сопровождал меня на слух при исполнении нескольких итальянских арий, он сказал мне, что через четыре-пять лет у меня будет очень красивый голос. «А когда вам будет семнадцать-восемнадцать лет, — добавил он, — разве вы не хотели бы остаться в этом возрасте, по крайней мере на долгие годы?» Я был бы в восторге, ответил я. «Хорошо!» — продолжил он с полной серьезностью, — «я обещаю вам это». И сразу же перешел к другим вещам.

Фурмана фон Генлис

Литография Генри Мейера

Эти несколько слов ободрили мою мать, и вскоре она спросила его, действительно ли он родом из Германии. Он загадочно покачал головой и с глубоким вздохом ответил: «Все, что я могу сказать вам о своем происхождении, это то, что в семь лет я блуждал по лесам в сопровождении своего гувернера и что за мою голову была назначена награда!» Эти слова заставили меня содрогнуться, потому что я не сомневался в правдивости этого великого откровения. «За день до моего побега, — продолжил Сен-Жермен, — моя мать, которую я больше не должен был увидеть, прикрепила свое изображение к моей руке».

«О Боже!» — воскликнул я. Услышав этот возглас, Сен-Жермен посмотрел на меня и, увидев мои слезы, казался тронутым.

«Я покажу вам», — сказал он.

С этими словами он закатал рукав и показал браслет с красивой эмалевой росписью, изображавший прекрасную женщину. Я смотрел на него с глубоким волнением. Сен-Жермен больше ничего не сказал и перешел к другой теме.

Когда он ушел, моя мать, к моему большому огорчению, стала насмехаться над его «изгнанием» и его «королевой-матерью», потому что цена, назначенная за его голову в возрасте семи лет, и бегство в леса вместе с его гувернером давали понять, что он был сыном свергнутого правителя (). Я верил в эту королевскую сказку и *хотел* в нее верить, поэтому шутки моей матери очень меня огорчали. С того дня Сен-Жермен больше не говорил ничего примечательного на эту тему; он говорил только о музыке, искусстве и странностях, которые видел во время своих путешествий.

Каждый раз он приносил мне превосходные конфеты в форме фруктов, которые, как он уверял, делал сам. Из всех его талантов этот был мне не самый неприятный. Он также подарил мне очень странную конфетницу, крышку для которой он сам изготовил. Коробка была из черного перламутра и очень большая. Крышка была украшена гораздо меньшим агатом. Если поставить шкатулку на огонь и сразу же убрать, то агата больше не было видно, а на его месте появлялась милая миниатюра, изображавшая пастушку с корзиной цветов. Эта фигурка оставалась до тех пор, пока шкатулка снова не нагревалась; тогда агат появлялся снова и закрывал изображение. Это было бы прекрасным способом скрыть картинку. С тех пор я открыл состав, с помощью которого могу имитировать всевозможные камни, даже прозрачные агаты, с обманчивой точностью. Благодаря этому изобретению я разгадал секрет коробки Сен-Жермена.

Завершая свои воспоминания об этом странном человеке, я должен сказать, что 15–16 лет спустя, проезжая через Сиену в Италии, я узнал, что он жил в этом городе и что ему не давали больше 50 лет. Через 16–17 лет, когда я был в Гольштейне, я услышал от принца Гессенского, зятя короля Дании и тестя принца-наследника (ныне правящего) Фредерика-Антуана () [85], что Сен-Жермен умер у него за полгода до моего путешествия в Гольштейн. Принц ответил на все мои вопросы об этом знаменитом человеке. Как он мне сказал, на момент смерти тот не выглядел ни старым, ни немощным; только казался поглощенным непреодолимой тоской. Принц предоставил ему жилье в своем замке и проводил с ним химические эксперименты. Сен-Жермен прибыл к нему не бедным человеком, но без сопровождения и без блестящего внешнего вида. У него еще было несколько красивых бриллиантов. Он умер от истощения, причем с признаками ужасного страха смерти. Даже его разум был затуманен. За два месяца до смерти он был полностью невменяем. Все в нем указывало на мучительную совесть, которая вызывала в его душе огромное смятение. Этот рассказ опечалил меня; я все еще испытывал большую симпатию к этому странному человеку.

ИЗ «ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫХ ПИСЕМ» ГРОСЛИ [86]

Среди беженцев, которых принимает Голландия, есть люди, чьи невероятные приключения остаются и останутся неразгаданными. В 1758 году из Франции в Утрехт прибыла 36-летняя женщина, которая по манерам, характеру и поведению выдавала хорошее воспитание, а может быть, и благородное происхождение. Ничего не изменилось за четыре года, которые она провела в комнате гостиницы, где я жил. У нее не было знакомых и никаких связей с внешним миром, за исключением того, что она ежеквартально получала очень приличную

пенсию. Напрасно она вызвала беспокойное любопытство хозяина гостиницы, который после ее отъезда тщетно продолжал свои расследования. Он, казалось, по-прежнему восхищался благочестием и неизменной кротостью «прекрасной дамы», которую он подозревал в связи с известным авантюристом: так называемого графа Сен-Жермена, который блестяще выступал в Голландии, утверждал, что ведет переписку со всеми европейскими правителями, утверждал, что ему 74 года, хотя выглядел он едва ли старше пятидесяти, и притворялся, что владеет философским камнем.

Десять лет назад «красивая дама» переехала из Утрехта в Амстердам, и, поскольку ее пенсия не поступала, она устроилась на работу в старинное благотворительное учреждение французской церкви. И сегодня она является примером для подражания в этом учреждении благодаря своей кротости и набожности, а также всем христианским и человеческим добродетелям. Если бы я покинул Голландию через Амстердам, а не через Утрехт, то, возможно, благодаря тщательным исследованиям я бы узнал о ней все, что можно было узнать.

Результатом моих исследований о графе Сен-Жермене, чья история была связана с ее историей, являются следующие подробности, которые англичанин рассказал своим соотечественникам в *London Chronicle* от 5 июня 1760 года. Граф Сен-Жермен покинул Париж по приказу вышестоящего начальства и отправился в Лондон [87], где он вскоре привлек внимание общественности и удерживал его до тех пор, пока не исчез без следа в северных странах. Ниже приводится дословный перевод этой газетной статьи.

Лондонская газета Chronicle

от 5 июня 1760 года

«Какие причины привели сюда загадочного чужестранца, совершенно неизвестно, равно как и то, почему двор уделил ему столько внимания. Его загадочная жизнь и странные вещи, которые о нем рассказывают, придают нечто особенное его самым обычным поступкам, ареной которых является вся Европа.

«Почетные титулы, которыми он себя украшает, он не получил ни по рождению, ни по какой-либо княжеской милости. Даже его имя является тайной, которая после его смерти вызовет еще большее удивление, чем все чудесные события его жизни. Его нынешнее имя является вымышленным.

Слово «неизвестный», которым его обозначают, слишком слабо; а обозначения «авантюрист» и «солдат удачи» исходят из низких предпосылок, которые не соответствуют его образу жизни. Они были бы уместны, если бы ими обозначали человека — я бы даже сказал, человека высокого происхождения, — который много тратит и ни от кого не зависит, чьи источники дохода неизвестны, но который презирает мошенников и о котором никто и нигде не может сказать, что он кого-то обидел.

«Наши знания о его родине столь же скудны, как и о его происхождении. Самые смелые предположения заполняют пробелы, и на этой основе низкие настроения, которые везде предполагают и видят что-то плохое, придумывают истории, которые столь же смешны, сколь и позорны для их героя. Однако было бы справедливо и разумно воздержаться от суждений, пока его не узнают, и человеческий долг заключается в том, чтобы не принимать эти нелепые, беспочвенные истории без критики. Если ограничиться тем, что известно, то он предстает лишь как неизвестный человек, которому никто не может ничего предъявить и

который располагает средствами неизвестного происхождения, чтобы в течение длительного времени действовать таким образом. Много лет назад он появился в Англии [88]. С тех пор он посещал величайшие европейские дворы в сопровождении блестящей свиты, как знатный иностранец.

«Учитель Жиль Блажа [89] всегда имел деньги, и никто не знал, откуда они берутся. То же самое и с нашим неизвестным. Его поведение наблюдалось и отслеживалось в самых деликатных обстоятельствах, и он оказался безобидным и законопослушным. Единственное различие между героем романа и нашим героем заключается в том, что он, по-видимому, носит с собой все свои сокровища в крошечном объеме неизвестной формы. Можно провести аналогию с флаконом алхимиков, содержащим исходные вещества, с помощью которых они проводят все свои операции. Никто никогда не видел, чтобы у его дома выгружали бочки, полные серебра, которые ему были бы нужны, чтобы содержать такой большой дом.

«Он умело улавливает любимые склонности каждой нации, в которой появляется, благодаря чему он сумел сделать себя привлекательным и приятным повсюду. Во время своего первого путешествия в Англию он обнаружил большую любовь к музыке и восхитил нас своей игрой на скрипке. Его талант к этому инструменту настолько выдающийся, что, по словам одного из наших поэтов, можно сказать, что он родился со скрипкой в руках. Италия считала его равным своим виртуозам, а также своим лучшим знатокам старого и нового искусства. Германия ставила его на один уровень со своими самыми опытными химиками.

«При его обширных и разнообразных знаниях особое впечатление производило то, что он, казалось, никогда не занимался никаким другим искусством, кроме того, в котором хотел преуспеть. Так, в музыке он всегда выступал как исполнитель и композитор с одинаковой виртуозностью и одинаковым успехом (), а его беседы всегда вращались вокруг этого искусства, из которого он заимствовал тысячи образных выражений.

«Из Германии он привез во Францию репутацию совершенного алхимика, владеющего философским камнем и универсальным лекарством. Он якобы умел делать золото, и его блестящее поведение и расходы, казалось, оправдывали это утверждение. Об этом прослышал даже министр, который с улыбкой сказал, что он обязательно выяснит, из какой шахты он добывает свое золото. Но он тщетно проводил самые тщательные расследования по бумажным деньгам и векселям, в которых он видел эту шахту. В течение этих двух лет расследований Сен-Жермен жил как обычно, везде платил наличными, и никто не смог обнаружить, что вексель был отправлен для него во Францию. Это укрепило слухи о том, что он владеет философским камнем, и теперь ему приписывали всемогущее средство, даже эликсир против старения и его последствий.

«Одна знатная дама хотела проверить это. Как женщина, любящая похвалу, она с болью видела, как годы начинают искажать ее черты. Она идет к незнакомцу и говорит: «Господин граф, то, что я вам скажу, может показаться вам немного странным. Но вы сами доброжелательность воплощенная, поэтому перейду к делу. Говорят, что у вас есть нечто лучшее, чем секрет создания золота: дар исцелять недуги старости, да и предотвращать их. Пока я еще не страдаю от них, но годы идут, и я не хочу ждать, пока это станет необходимым. Говорите откровенно: у вас есть такое лекарство? Вы готовы дать его мне, и на каких условиях?»

Незнакомец окутался таинственной сдержанностью и сказал только, что тот, кто владеет такими секретами, избегает того, чтобы о них узнали. «Я это хорошо знаю», — ответила она и пообещала ему сохранить тайну. Тогда он согласился, и на следующий день принес ей флакончик вместимостью 4–5 ложек и прописал ей принимать по десять капель этого эликсира в первую четверть луны и в полнолуние. Средство было совершенно безвредным, но чрезвычайно ценным, и если его растратить, то, возможно, его не удастся восполнить.

«Дама заперла флакон в присутствии своих горничных. Будь то для того, чтобы скрыть свою слабость или отвлечь любопытство горничных, она сказала им, что это средство от коликов. В тот же вечер первая фрейлина почувствовала сильную боль в животе. Она подошла к флакону, открыла его, поднесла к носу, попробовала и, найдя вкус столь же восхитительным, как и аромат, выпила его. Средство подействовало быстро и надежно. Жидкость была прозрачной, как вода. Чтобы скрыть свою кражу, она наполняет флакон обычной водой, надеясь, что ее хозяйка не будет им пользоваться в ближайшее время, а затем погружается в глубокий сон.

«Ближе к утру ее хозяйка возвращается домой, заходит в свою комнату, зовет своих горничных, чтобы они ее раздели, и смотрит на ту, которая выпила флакончик. «Что вы здесь делаете?» — спрашивает она. «Откуда вы?» Вместо ответа спрошенная глубоко кланяется. «Ну, что вы здесь делаете?» — продолжает раздраженно хозяйка. «Я вас не звала. Уходите». — «Ваше Превосходительство обращается со мной необычайно строго», — отвечает упрекнутая. «Я никогда не пренебрегала своими обязанностями. К сожалению, я заснула, но разве это так плохо?» — «Вы хотите меня обмануть?» — отвечает дама. «Я вас не знаю и никогда не видела. У меня нет такой молодой служанки». — С этими словами она звонит в колокольчик и зовет Радегонду (так звали горничную, которая выпила флакончик). «Но я же здесь, госпожа!» — восклицает она. «Вы меня не узнаете?» Она смотрит в зеркало и к своему величайшему удивлению видит, что выглядит как шестнадцатилетняя девушка, хотя ей 45 лет.

«Вся Франция воскликнула, что это чудо, когда произошло это странное событие. Но незнакомец исчез, и несчастная дама была обречена стать старой женщиной.

Так рассказывают эту историю в Париже и, вероятно, будут рассказывать еще несколько поколений. Содержимое флакона превратило сорокапятилетнюю женщину в шестнадцатилетнюю? Была ли эта метаморфоза делом рук графа? Я не могу этого решить».

Если взвесить детали, приведенные в *London Chronicle*, то их следует рассматривать не столько как новости о графе Сен-Жермене, сколько как новости *от* него, которые он сообщил английской газете, чтобы сорвать расследование и сохранить иллюзию, необходимую для его роли. Эта роль, несомненно, заключалась в том, чтобы быть шпионом по высокому поручению, которому его заказчики предоставили средства, чтобы он мог впечатлять своим блестящим поведением и высокими расходами, к чему добавлялись еще и большие таланты графа, которые в совокупности составляли то, что итальянцы называют *un gran furbo*.

Господин де л'Эпин Даникан присоединился к нему во время его пребывания во Франции и использовал свои обширные знания в области металлургии для разработки до сих пор неизвестных рудников в нижней Бретани. Тот же Даникан хотел узнать графа Сен-Жермена в красивом мужчине, который всю жизнь провел в тюрьме Бреста за то, что во время покушения [90] на короля написал памфлет, за который по приказу министра был приговорен

к пожизненному заключению, приказ, который его преемники подтвердили или не отменили.

Этот человек, которого я видел в 1776 году в упомянутой тюрьме, был хорошей фигуры, внушительного вида и почтенного возраста. Его камера примыкала к одному из залов тюрьмы. Он получал еду со стола директора тюрьмы, ежедневно ходил на мессу, каждое воскресенье причащался и называл себя Людовиком Бурбоном. Князья и министры, которые с тех пор приезжали в Брест, видели его там и разговаривали с ним. В мемуарах по истории этого века он будет фигурировать как двойник человека в железной маске [91]. —

Через три года после написания вышеизложенного один голландец сказал мне, что в Голландии известно, что граф Сен-Жермен — сын княгини [92], бежавшей в начале этого века в Байонну, и Маркизы дель Карпио (), дочери еврея из Бордо. По возвращении на родину она была представлена одним из высокопоставленных дворян при дворе ее супруга с речью, полной похвал в ее адрес. Маркиз дель Карпио, который был ответственен за ее прием, подошел к оратору и вместо ответа тихо прошептал ему на ухо: «Она в положении?»

АНЕКДОТЫ

I

По преданию, король Фридрих Великий любил рассказывать следующий анекдот своему камергера *Шунингу* [93]: «Известный граф Сен-Жермен утверждал, что ему более 2000 лет и что он, среди прочего, много времени провел в Земле Обетованной. «Значит, вы видели Иисуса Христа?» — спросил его кто-то. — «Я хорошо его знал. С ним было очень легко ладить. Но после истории с храмом я потерял его из виду». Тогда этот человек обратился к слуге Сен-Жермена, чтобы проверить, умеет ли тот лгать так же хорошо, как его хозяин: «Дорогой друг, правда ли, что ваш хозяин так стар?» — «О, господин, я не могу вам этого сказать, потому что я служу ему всего 300 лет».

II

Французский поверенный в делах в Петербурге, шевалье *Корберон*, в своих записках [94] от 30 марта 1776 года рассказывает о беседе с купцом Пикте из Женевы:

«Разговор зашел о графе Сен-Жермене, которого знал Пикте. Он рассказывал ему о своей семье, а также маркизу дю Гуфье [95] о его семье. Пикте считает его великим химиком и верит, что он обладает секретным средством, позволяющим сделать пятнистый алмаз безупречным. Он верит в это, потому что тесть Пикте, шлифовщик камней Маньян, откладывал в сторону все алмазы с какими-либо дефектами и говорил, что делает это для графа Сен-Жермена».

III

Граф *Лендорф* (1727-1811), бывший камергер супруги Фридриха Великого [96], в феврале 1776 года сообщает о беседе с рыцарем Мальтийского ордена, графом Саграмозо, который был послом в Варшаве:

«Он очень хорошо знал печально известного графа Сен-Жермена, который выдавал себя за вечного, и рассказал мне о нем следующий анекдот: во время представления трагедии «Мариамна» [97] он заявил, что его вдвойне тронуло это произведение, поскольку он очень хорошо знал эту милую княгиню. Одна из присутствующих дам, желая поставить его в неловкое положение, взяла слово и сказала ему: «Тогда вы, наверное, знали и нашего господина Иисуса Христа?» — «Знал ли я его!» — ответил он; «так хорошо, что когда у него произошла та история в храме, я сказал ему: дорогой друг, это не может закончиться хорошо».

IV

Мадам *Кампан*, камер-фрейлина королевы Марии-Антуанетты, в «Анекдотах о правлении Людовика XV» [98] рассказывает о жене де Марше:

«Она сохранила красивые волосы до глубокой старости. Говорят, что печально известный граф Сен-Жермен, который выступал при дворе Людовика XV как знаменитый алхимик, дал ей эликсир, который сохранял волосы и защищал их от седины».

V

Фридрих Иоганн Юстин *Бертух* (1747-1822), советник посольства в Веймаре, в своей немецкой версии книги «Кальостро в Варшаве», с. 28, примечание (Страсбург, 1786) рассказывает о графе Сен-Жермене:

Его так называемый камердинер тайно сбежал от него и украл рецепт его чудодейственного порошка. Ему приносят известие, что этот парень где-то обосновался и хочет лечить людей, и говорят ему, что ему, должно быть, крайне неприятно видеть, как его *арканум* используют таким образом. — «Ничего подобного!» — ответил Сен-Жермен, — «Я сделаю так, чтобы оно не действовало в руках этого парня!»

VI

Граф *Мирабо* (1749-1791), известный французский писатель и политик, пишет в своей работе «De la monarchie prussienne sous Frédéric le Grand», т. 5, с. 69 (Лондон, 1788):

Сен-Жермен, о котором упоминал граф Ламберг в своем «Дневнике ребенка мира» [99], прожил тысячелетия. Он открыл чай, от которого исчезали все болезни. Он в мгновение ока создавал алмазы размером с кулак. Он сблизился с принцем Карлом Гессенским и, как и его предшественники, забыл умереть.

Элизабет фон Ансбах и Байройт (леди Крейвен)

Гравюра Фридриха Вильгельма Неттлинга

ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ» ЛЕДИ КРЕЙВЕН [100]

Другим чудотворцем был Сен-Жермен, который играл важную роль при дворе Людовика XV и здесь, как и в своих путешествиях, пользовался легкостью людей. Граф Ламберг [101] был его Иоанном и торжественно провозгласил его. Этот граф Сен-Жермен прожил несколько тысяч лет и общался с самыми выдающимися историческими личностями всех веков, поскольку обладал чаем, избавлявшим от всех болезней и являвшимся настоящим

лекарством от смерти. Только для развлечения он создавал алмазы огромных размеров. Как бессмертный, он никогда не употреблял пищу. Когда его приглашали за стол к великим мира сего, он не прикасался к хлебу, мясу, не подносил к губам бокал, а довольствовался тем, что рассказывал обществу всевозможные поучительные истории из своего тысячелетнего опыта. С Цезарем он часто беседовал о средствах, которые могли бы вдохнуть новую жизнь в пришедшую в упадок Римскую республику посредством монархической конституции. У Цезаря были свои собственные идеи на этот счет, которые пробудились в нем благодаря беседам с друидами в Британии [102]. Один из этих друидов даже был личным секретарем Цезаря, и Сен-Жермен узнал от него много интересного о прежнем состоянии Британии. Граф очень хорошо знал апостола Петра и часто дружески советовал ему сдерживать свой пыл. Иоанн был стройным, красивым мужчиной, с мягким характером и склонностью к мистицизму; он показывал свои сочинения Сен-Жермену перед публикацией, и тот исправлял некоторые неясные места.

Граф рассказывал такие и подобные истории с величайшей серьезностью, и ученые нередко имели возможность восхищаться его историческими знаниями.

В конце концов он примкнул к принцу Карлу Гессенскому, которому он закрутил голову. Но в конце концов этот бессмертный устал от жизни и умер, как любой другой обычный человек, как и все его предшественники.

ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ» МАРКИЗЫ ДЕ КРЕКИ [103]

Маркиза д'Урфе [104] постоянно искала порошок для превращения меди в золото и работала день и ночь, чтобы создать эликсир жизни. Она почти не покидала свою лабораторию и допускала туда лишь немногих. Ее общение ограничивалось адептами и розенкрейцерами [105]; она общалась только с печами, ретортами и дистилляционными колбами. В течение четырех лет она работала с предполагаемым графом Сен-Жерменом над каббалой и философским камнем, что стоило ей 100 000 талеров...

Граф Сен-Жермен был современником Христа, императора Тиберия и четырех князей Ирода Галилейского, от которого он получил толстую прядь каштановых волос. Он знал Понтия Пилата из Иерусалима и из Гренобля, где тот позже находился в изгнании, но этот человек был настолько тупой, что до появления Евангелий имел лишь смутное представление о Христе...

Однажды я посетила мадам д'Урфе в компании графини де Брион. Хотя алхимик почти не принимала посетителей, при виде моей ливреи ворота открылись, и мы поднялись наверх. Нас провели к ней без объявления, как было принято в этом таинственном доме, и мы застали маркизу — это было в июле — сидящей у яркого камина. Напротив нее сидел мужчина, одетый как в времена Олима. На голове у него была большая шапка с бахромой. При появлении графини он не снял ее и не встал. Она была очень удивлена этим.

«Вчера я получила письмо от господина де Креки-Канапле», — сказала мне маркиза д'Урфе. «Он жалуется, что в Артуа в разгар лета ему холодно». Сочувственно она добавила: «Он, очевидно, уже не в своем уме».

«Боже мой!» — воскликнул господин громко и резко, — «я знаю, откуда это! Я знал старого кардинала де Креки [106]. Я часто видел его во время первой сессии Тридентского собора

[107]. Он говорил там одни глупости. Могу вас заверить, что он был совершенно ненормальным. В то время он был епископом Ренна».

Я догадался, что передо мной сидел господин де Сен-Жермен, чьи хвастовства и истории, которые о нем рассказывали, всегда меня раздражали. Я повернулся к нему с открытым, безобидным выражением лица и сказал:

«Вы, наверное, имеете в виду епископа Нанта?»

«Нет, мадам, епископ Ренна, Ренна в Бретани. Я очень хорошо знаю, что говорю и о ком говорю!»

«Сэр, — ответила я несколько свысока и с вызывающей веселостью, — вы, очевидно, не знаете, с кем разговариваете».

«Мадам!» — воскликнул он громовым голосом и бросил на меня гневный взгляд.

«Не волнуйтесь, господин», — ответила я. «И раз вы так много знаете, будьте добры, скажите мне, как меня зовут».

«Среди прочего, — воскликнул он тоном жреца, — вы носите имя, корни которого происходят из куфического, еврейского и самаритянского языков, благословенное, победоносное имя, но окровавленное, лишенное своего блеска и пагубное!»

«Ах!» — прервал я его с укоризненным, обиженным выражением лица, — «совершенно куфическое и, прежде всего, губительное имя! Я, конечно, не соглашусь с этим!»

«Как вы догадались, что ее зовут Виктория?» — спросила его госпожа фон Урфе с нежным восхищенным взглядом.

«Я бы предпочла, — продолжила я несколько холодно, — чтобы господин сказал нам, что я маркиза де Креки. Кардинал де Креки, — добавила я, — никогда не был ничем иным, как епископом Нанта и Амьена, архиепископом Тира и патриархом Александрии. Прилагательное «старый» к нему тоже не относится, поскольку он умер от чумы в 45 лет, а что касается глупостей, которые он якобы произнес на первом заседании Тридентского собора в 1545 году, то его нельзя слишком строго за это винить, ведь ему тогда было всего пять-шесть лет...»

«Мадам, вы меня оскорбляете!»

«Нет, месье, я просто даю вам ответ, и этим я оскорбляю вас не больше, чем правда».

«Я ставлю 10 000 луидоров».

«Монсьор, я живу на доходы от своих поместий и не могу поставить на кон 10 000 луидоров».

«Тогда я ставлю 100 луидоров».

«Оставьте это», — ответила я ему властным тоном, так что ему пришлось проглотить свои обманы и грубости. «Только англичане или лакеи могут вызывать даму на дуэль словами «Я держу пари! Я держу пари!». И то только в том случае, если у них нет веских причин».

Госпожа д'Урфе, на которую я при этом посмотрел, казалась мне смешно сбитой с толку. Она попросила меня не говорить об этом ни дома, ни где-либо еще, потому что боялась кардинала Флери [108], который не был другом мошенников, и я с удовольствием обещал ей это. В результате мадам де Бретей () открывала мне дверь своей лаборатории только наполовину и только тогда, когда была одна.

Барон де Бретей, будучи министром королевского двора [109], обнаружил в архивах, что предполагаемый граф Сен-Жермен был сыном еврейского врача из Страсбурга и на самом деле звался Даниэль Вольф. Он родился в 1704 году, то есть ему было 68 лет, в то время как он выдавал себя за человека 1814 лет — благодаря эликсиру жизни, рецепт которого он якобы получил от королевы Иудеи, которая была ему очень благосклонна. В 68 лет он выглядел как человек этого возраста, обладающий крепким здоровьем. Он держался прямо и быстро шел, говорил уверенно и хорошо, хотя и с легким эльзасским акцентом. Его взгляд был твердым, даже дерзким, кожа белая и блестящая, волосы белые и густые, борода пышная, как и брови. Поэтому мадам д'Урфе говорила, что он похож на Бога-Отца [110] ...

Еще один решительный отказ, который вызвал много разговоров и был довольно забавным, получил Сен-Жермен от графа де Шателью в обществе господина Ле Нормана д'Этиоля [111]. Сен-Жермен поинтересовался гостями за столом и, в частности, посоветовался с господином де Шателью, прочитал книги и быстро подготовился к своей теме. Когда граф де Шательюк был представлен, он поспешил к нему и спросил, не является ли он потомком маршала Жана де Шательюка [112], который в XIV веке был наместником Нормандии. Господин де Шательюк ответил, что, по его мнению, он является его потомком в седьмом колене.

«Ваш прославленный предок был героем», — ответил Сен-Жермен. «В 1418 году король [113] заплатил за него выкуп в размере 2500 ливров. Я всю жизнь буду помнить, как видел его сидящим в хоре в качестве покровителя капитула и почетного каноника собора в Осерре. Для этого он носил под доспехами хорную рубашку, поверх которой надевал мантию каноника, а в руке держал маршальский жезл Франции. Его почтенная мать, Аликс де Бурбон-Монпейру [114], была родной племянницей его отца. Да, господин граф, этот почтенный маршал, ваш предок, был моим близким другом, и я любил его старшего сына как зеницу ока. Вы знаете? Его старший сын, Жан III де Бовуар, сеньор де Шастеллю и виконт д'Аваллон, который женился на дочери Жана де Ла-Форе () сеньора д'Ольнери. Я вижу ее перед собой и уверяю вас, что в 1493 году она была очаровательной женщиной! У молодого человека был только один недостаток: он был расточителен, как ландскнехт, и когда он велел вырубить высокие деревья в ваших лесах Куланж и Базерн, его отец был в ярости. Да, старый маршал был скупым! Я помню: однажды на Пасху он хотел, чтобы его семья и его люди продолжали поститься, потому что в его кухне осталось большое количество рыбы, которую он велел выловить на неделю поста.

«Простите, вы путаете деда с внуком», — ответил граф Шателью с благородной вежливостью и величайшим хладнокровием. «Маршал был великолепным щедрым человеком. Филипп II де Шателью, его внук, считался — бережливым».

Теперь начался спор о хронологии и взаимные цитаты; авантюрист взбесился, но дискуссия закончилась в пользу графа Шастеллюкса и щедрости его предка, маршала. Из библиотеки принесли две старые книги и привели в доказательство два старых насмешливых стихотворения Алена Шартье и Сен-Желе [115], написанных с разницей в 92 года. Таким образом, было доказано, что граф Сен-Жермен был лишь неумелым и плохо образованным мошенником.

Еще одна прекрасная история связана с принцем де Краоном, которого Сен-Жермен не знал лично и который однажды ворвался в отель Uzès, где собралась большая компания, где упомянутый Сен-Жермен как раз рассказывал свои глупости, а все слушали его с открытыми ртами. Речь шла о Николя Фламеле [116] и его жене Перронелле, их эликсире жизни и их симпатичном порошке.

«Боже мой!» — воскликнул принц де Краон, — «разве вы не знаете, что только что произошло у графини де Сеннектерре?»

«Что же? Что же?» — спросил Сен-Жермен, который «уступил» ей за 200 луидоров флакончик своего эликсира.

«Только представьте, месье, — ответил тот, — господин граф Сен-Жермен, хороший знакомый графини Сеннектер, из великодушия подарил ей флакончик эфирной жидкости, которая должна была омолодить ее, если она будет принимать по капле в 50 лет, по две после 60, по четыре в 90 и так далее. Она хотела скрыть это от своего мужа, которому всего 71 год. Видимо, она считает его еще слишком молодым».

«Без язвительных замечаний! Пожалуйста, переходите к делу!» — воскликнула герцогиня д'Юзес, которая умирала от нетерпения и беспокойства, поскольку принимала то же самое средство.

«Мадам де Сеннектерре доверила свою драгоценную бутылочку мадемуазель Жакоби, пожилой, честной и заботливой женщине. Вчера мадам де Сеннектерре пошла на бал, и когда она вернулась в 5 часов утра, кого она там застала, дамы? Маленькую девочку семи-восьми лет, которая лазала по всей мебели и прыгала по комнатам, как козленок. «Но что это за дерзкая маленькая девчонка, которая прыгает здесь? Где мои горничные?» — «Как это, госпожа графиня, — ответила девочка светлым, дерзким, хихикающим голосом, — вы не узнаете мадемуазель Жакоби, которая воспитывала вас с четырех лет? Это же ужасно!» — «Но как это возможно?» — «О боже, у меня болел живот, и я хотела попить воды господина де Сен-Жермен. Она так прекрасно меня вылечила! И я выпила всего лишь глоток». — «Вы могли бы хотя бы оставить мне пару капель в бутылочке», — сказала госпожа де Сеннектерр с едва скрываемым раздражением. «По крайней мере, пошлите мне Жюли, чтобы она меня раздела. Где же Жюли?» — «Вот она, госпожа графиня», — сказала ее старая гувернантка и засмеялась как сумасшедшая. При этом она указала на маленького ребенка, которому было не больше шести-восьми недель, сидящего на ковре и сосущего палец. «Это Жюли. Она все выпила, госпожа графиня, и теперь она так помолодела, что ее почти не видно».

«Уверяю вас, — с непоколебимой серьезностью продолжил принц де Краон, «что при применении эликсира жизни нужно быть очень осторожным. Месье де Сен-Жермен подвергает нас опасности снова стать детьми, а если у вас есть судебные процессы или дочерей нужно выдать замуж, то не всегда уместно возвращаться к слякоти и поводам. Так что нельзя быть слишком осторожным».

Месье де Сен-Жермен скрылся, как только понял, что принц де Краон считает его дураком. С тех пор все смеялись над Сен-Жерменом.

ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ О ГРАФЕ КАЛИОСТРО» [117]

Визит Калиостро к Сен-Жермену

Сатира

Они (супруги Калиостро) отправляются в Вену. Среди аристократии, духовенства и купцов царило такое недовольство, что они сразу же продолжают путь и отправляются в Гольштейн. Там свой скит устроил печально известный граф Сен-Жермен [118]. Этот великий человек уже несколько лет наслаждался благами бессмертия и мирно создавал счастье трех человек, которые поили его шампанским и венгерским вином — в благодарность за поток золота, который он направил в их страну.

Граф Калиостро попросил его о тайной аудиенции, чтобы поклониться перед богом верующих. Сен-Жермен назначил ему встречу на 2 часа ночи.

Когда наступил этот момент, он и его жена надели белые туники, скрепленные поясом цвета авроры, и в таком виде явились в замок. Подъемный мост опустился, и семифутовый мужчина в длинной серой одежде провел их в плохо освещенный зал. Внезапно открылась большая распашная дверь, и храм, освещенный тысячей свечей, ослепил их взоры. На алтаре сидел граф; у его ног два министранта держали золотые чаши, из которых поднимались сладкие, нежные ароматы. На груди бог носил алмазную пластину почти невыносимого блеска. Большая белая прозрачная фигура держала в руках чашу с надписью «Эликсир бессмертия». Чуть дальше виднелось огромное зеркало, перед которым ходила взад-вперед величественная фигура. Над зеркалом была надпись: «Убежище заблудших душ».

В священном месте царила мрачная тишина. Безымянный голос воскликнул: «Кто вы? Откуда вы? Что вы хотите?»

Граф Калиостро и маркиза бросились на землю, и после довольно долгого молчания он пролепетал:

«Я пришел, чтобы призвать Бога верующих, Сына Природы, Отца Истины. Я пришел, чтобы просить у него одну из четырнадцати тысяч семисот тайн, которые он хранит в своем сердце. Я пришел, чтобы стать его слугой, его апостолом, его мучеником».

Бог не ответил. Но после довольно долгого молчания раздался голос: «Чего хочет твоя спутница?»

Она ответила: «Повиноваться и служить».

Затем наступила тьма, сменившая ночь, шум, сменивший тишину, страх, сменивший доверие, смятение, сменившее надежду, и пронзительный голос угрожающе произнес: «Горе тому, кто не выдержит испытаний!»

Граф и маркиза были разлучены. Она оказалась запертой в комнате с бледным, худощавым мужчиной с гримасой на лице. Он рассказывает ей о своем счастье на земле, о своих сокровищах, зачитывает ей письма величайших правителей, и вдруг, в неожиданном повороте событий, требует от нее бриллианты, украшающие ее лоб. Восхищенная тем, что так легко избавилась от них, она поспешила их снять.

За этим первым испытателем последовал мужчина в очень непристойной одежде. «Помните, мадам, — сказал он, — что вы должны всегда смотреть на мое лицо». Мужчина был очень красив и имел выразительные глаза. Все было опасно: слушать его, смотреть на него или опускать взгляд.

После этого мучительного четверть часа появилась старуха и сказала: «Только я могу распознать вашу добродетель. Испытание, которое вы прошли, заключается в том, насколько ваши чувства могут противостоять очарованию дерзкой молодости».

«Делайте то, что положено», — сказала маркиза.

Старуха сделала это, а затем вручила ей пергамент; это был патент на сопротивление. Затем она провела ее в большой подвал. Там она увидела прикованных цепями мужчин, женщин, которых хлестали кнутом до крови, палачей, которые отрубали головы, людей, которые должны были выпить смерть из чаш с ядом, раскаленные железа, виселицы с позорными надписями. «Это, — сказала старуха, — мученики нашего искусства. Так люди, которым мы посвящаем наше счастье, вознаграждают наши дары и наше усердие».

Маркиза спокойно смотрела на печальных жертв мнимой человеческой справедливости и не выказывала ни малейшего волнения.

Испытания графа были другого рода. Его пытались соблазнить похвалами, показывали ему его жену в объятиях милого мужчины, чтобы посмотреть, не впадет ли он от ревности в смешные порывы, которые затуманивают мозг мужей. Наконец, ему прочитали отрывок из знаменитой книги будущего, в которой были описаны предстоящие ему преследования.

После этой церемонии их отвели обратно в храм. Там им объяснили, что они получают доступ к божественным тайнам, как только своды храма отразят их обеты. Мужчина в длинном плаще, заправленном под мышки, взял слово и произнес речь, которую каждый адепт должен запомнить, не имея права записывать:

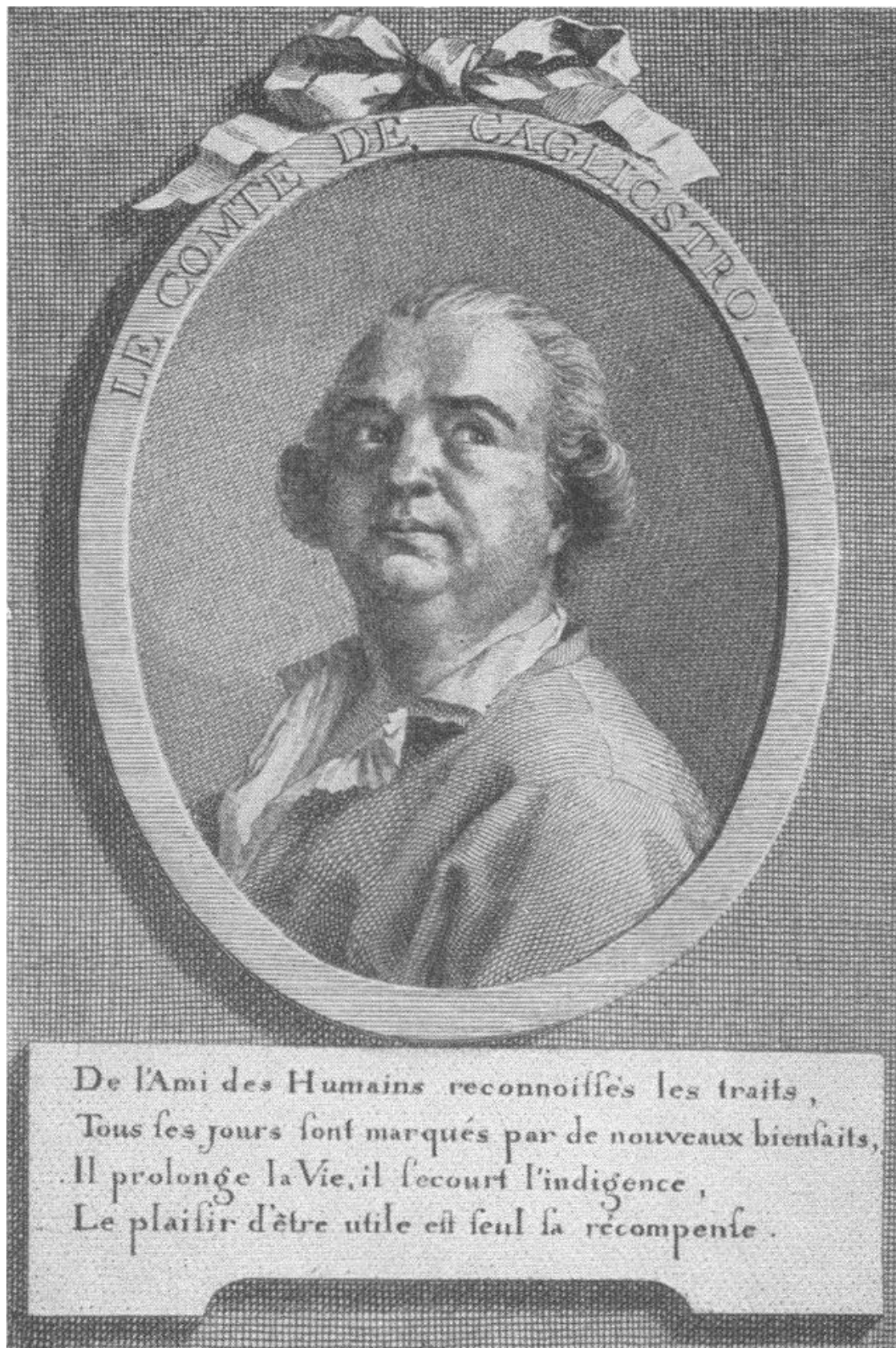
«Знайте, великая тайна нашего искусства заключается в том, чтобы управлять людьми, и единственное средство для этого — никогда не говорить правду. Никогда не руководствуйтесь правилами здравого смысла; насмехайтесь над разумом и смело высказывайте самую большую глупость. Если вы чувствуете, что эти великие принципы ослабевают, отступите, уйдите в себя и путешествуйте по миру. Там вы увидите, что самая большая глупость встречает поклонение. Глупости возвращаются под разными именами, но они вечны. Могила святого Медарда [119] заменила тень святого Петра, волшебная шкатулка Месмера [120] — пруд назаретского философа [121]. Помните, что первопричиной природы, государственного искусства, общества является продолжение рода, что призраком смертных является бессмертие и знание будущего, даже если они не знают настоящего, что они хотят быть духом, хотя сами и все, что их окружает, является материей».

После этой речи оратор поклонился богу верующих и исчез. Затем две молодые девушки вышли вперед и раздели графа, а три молодых человека проделали ту же церемонию с маркизой. Когда они оказались в естественном состоянии, уже слышавшийся голос

произнес: «Теперь одному будет дарован драгоценный дар силы, а другой — еще более драгоценный дар красоты».

В тот же момент семифутовый мужчина схватил маркизу за ногу, велел ей положить руку ему на нос и отнес ее к богу верующих. Он покрыл ее прекрасное тело благоуханиями и помазал розовым маслом область между губами, розовые бутоны ее груди, пупок и бедра. Затем он шепнул ей что-то на ухо, и семифутовый мужчина отнес ее в соседнюю часовню.

«Здесь вы завершите посвящение, — сказал он, — и увенчаете наши священные тайны великим делом природы. При этом вы свободны в выборе средств, и если наши сущности сольются и найдут убежище в этой часовне, вам не нужно подчиняться обычным формам».

De l'Ami des Humains reconnoissés les traits ,
Tous ses jours sont marqués de nouveaux bienfaits,
Il prolonge la Vie, il secourt l'indigence ,
Le plaisir d'être utile est seul la récompense .

Кальостро

Гравюра Шарля Герена

«Когда я ступила на эту благородную землю, — ответила маркиза, — я отказалась от всякой воли. Но если вы хотите, чтобы желание предшествовало жертве и привело к ней, дайте мне немного передохнуть и скажите, под ножом кого я должна оказаться?»

«С удовольствием», — ответил он, — «хотя сейчас не время для долгих разговоров. С самого раннего детства призванный к великим делам, я стремился понять, в чем заключается истинная слава. Государственное искусство казалось мне лишь искусством обмана, военное искусство — искусством убийства, философия — самонадеянным бредом, бессмысленным болтовней, естественные науки — лишь прекрасным сном о природе и непрекращающимся блужданием человека по неизвестным землям, теология — лишь познанием той нищеты, к которой ведет человеческая гордыня, история — лишь печальным, однообразным изучением заблуждений и низких поступков. Из этого я сделал вывод, что государственные деятели — лишь ловкий лжец, военный герой — возвышенный дурак, философ — чудаки, естествоиспытатель — достойный сожаления слепой, теолог — учитель фанатизма, а историк — словоблуд. Я услышал о боге этого храма; я излил ему свою печаль, свои сомнения, свои желания. Он овладел моей душой, сформировал ее и позволил мне увидеть все в новом свете. С тех пор я начал читать будущее, и этот такой ограниченный, такой узкий, такой унылый мир расширился. Я жил не только с живыми, но и с мертвыми. Поскольку я был молод и страстен, он познакомил меня с самыми красивыми женщинами древности. Я жил с Аспасией, с Леонтием [122], с Сапфо, Фаустиной [123], Семирамидой и Ириной [124], о которых так много говорили. Мне было очень приятно знать все, не учась ничему, распоряжаться сокровищами мира, не прося об этом королей, повелевать стихиями, а не людьми. Небеса создали меня щедрым, теперь я могу удовлетворить свои склонности: все, что меня окружает, богато. Этот момент доказывает сказанное мной. Вы, без сомнения, одна из самых красивых женщин на земле, я держу вас в своих объятиях, и если вы будете внимательны, то заметите, что восторг, за которым у обычных смертных следует усталость, так же бессмертен, как и бог, даровавший мне этот дар».

Здесь оратор прервался, полагая, что ему нужно что-то доказать и не подвергать веру посвященных слишком суровому испытанию. Итак, он доказал силу одушевляющего его бога с неотразимой энергией.

Тем временем граф Калиостро был посвящен в другое таинство. Ему дали понять, что самые приятные вещи не терпят однообразия, что самым образованным народом в мире были греки, самым мудрым смертным — Сократ, самым любезным человеком — Алкивиад, самым набожным народом — итальянцы, и что в своей будущей карьере он должен обладать той покладистостью, которая поддается всем желаниям. Это был Антиной, который так играл Демосфена. Граф подчинился и был принят как Цезарь.

После того как все снова оделись, церемония завершилась роскошным банкетом. В ходе праздника они узнали, что эликсир жизни состоял только из токайского вина, окрашенного в красный или зеленый цвет в зависимости от необходимости, что они должны избегать, презирать и клеветать на умных людей, лести, любят и ослепляют глупцов, что они должны

тайно распространять слухи о том, что Сен-Жермену 500 лет, что они должны производить золото и чай и, прежде всего, руководить людьми.

С этими инструкциями несколько вывихнутая маркиза и несколько поврежденный граф отправились в Петербург, где выдавали себя за целителей.

Характеристика графа Сен-Жермена [125]

Граф Сен-Жермен, умерший несколько лет назад и уже забытый, был серьезным дураком. Он обладал небольшим умом, некоторыми знаниями в области химии, был недостаточно наглым для мошенника, недостаточно красноречивым для фанатика и не обладал искусством соблазнения, чтобы подкупить полужнающих. В Шамбери он предложил свои химические услуги маршалу де Бельгарду. Они начали плавить, но тигель дал вещество, которое имело цвет и вес золота, но не обладало его пластичностью. Эти эксперименты проводились в поместье, где граф за семь месяцев трижды стал отцом. Деньги таяли, у него были долги повсюду, и ему посоветовали уехать. В Париже все повторилось. Он связался с известным мошенником, бывшим шпионом маршала Бель-Иля [126], который с тех пор уединился в Берси [127] (), где носил крест Людовика на рваном костюме и клеймо палача на спине. Вместе они изготавливали витриоловое масло. Это было предлогом для изготовления золота. Они ссорились и дрались. Граф остался в накладе и покинул город, который открывает свои объятия всем мошенникам.

Критика «характеристики» Мастера [128]

ноябрь 1785 года.

Это описание во многих отношениях неверно. Граф Сен-Жермен производил на всех, кто с ним знакомился, впечатление очень остроумного человека. Он обладал той естественной красноречивостью, которая больше всего привлекает. Он обладал такими обширными знаниями в области химии и истории, как немногие. Он обладал даром переводить разговор на самые значительные события древней истории и рассказывать о них, как о новостях дня, с такими же подробностями, в такой же увлекательной манере и с такой же живостью.

Сен-Жермен и Калиостро [129]

«Несмотря на все свои таланты и умственные способности, этот чудотворец (Сен-Жермен) никогда не терял своей склонности к чудесному () и умел очень умно этим пользоваться, поскольку продавал свои так называемые *арканы* по очень высокой цене. Кстати, он стал основателем тайных обществ и инициировал их с большой помпой и затратами. Говорят, что он даже принял известного авантюриста Калиостро в такой мистический орден Исиды, и нужно признать, что (за исключением учености) Сен-Жермен нашел в нем члена, полностью соответствующего его тайным намерениям».

ГРАФ СЕН-ЖЕРМЕН [130]

Сделал ли граф Сен-Жермен, который был так сильно защищен, что-то другое, кроме подражания Гийому Постелю [131], который имел смелость выдавать себя за более пожилого, чем был на самом деле? Чтобы обмануть своих знакомых, он окрашивал лицо, окрашивал волосы в черный цвет и называл себя соответственно *Postellus restitutus*. Как и его последователи, Постель утверждал, что ангел Резиэль открыл ему божественные тайны.

Что сегодня говорят о нем самые сдержанные биографы? «Он мог бы украсить науки, если бы не потерял голову в результате углубления в изучение раввинов и наблюдения за звездами»...

После того как Сен-Жермен вызвал возмущение в тридцати городах и привлек двести новичков в химию, он встречает щедрого и чувствительного великого человека [132] и решает закончить с ним свои фокусы. Он говорит ему следующее: «Уже почти 80 лет (ему тогда было 77 лет) я ищу человека, человека, которого я мог бы сделать избранным сосудом, принимающим небесную росу, которую я собрал в Земле Обетованной. Он не должен ничего знать и должен быть способен ко всему. Вместо старых знаний я должен наполнить его дух новыми знаниями. Свет и тьма, чистое и нечистое, Бог и человек не могут сосуществовать. Я сам мало знаю вас, но я много знаю о вас от тех, кто вас не знает, но однажды узнает. Небеса заложили в вашу чистую душу зародыши всех добрых качеств; позвольте мне развить их! Станьте небесным сосудом для сверхземных истин. Вы предназначены быть правителем великих царств или будете призваны к этому. Подарите свою заботу и свой дух людям, но посвятите свое время и свои исследования высшему Учителю. В возрасте 27 лет вы через несколько месяцев станете 90-летним. Я буду заботиться о вас, действовать, творить. Как чудо для остального человечества, вы не сделаете ничего в глазах Бога, если будете довольствоваться тем, что являетесь светом планеты. Как носитель самых удивительных тайн, вы можете управлять ходом небесных светил и держать в своих руках судьбу великих империй. Но знание является сокровищем только тогда, когда тот, кто его преподает, также контролирует его применение».

Удивленный тем, что он гений, восхищенный тем, что он станет чудо-существом, вне себя от мысли, что он будет править Европой, Великий опускает глаза, бросается на землю и снова встает, чтобы построить замок, достойный чудо-человека. Когда тот был хорошо размещен, начались приготовления, и был назначен великий день. Какие секреты теперь расцвели? Искусство придавать меди больше блеска и гибкости, искусство очищать драгоценные камни от пятен, два чуда, которым учили три немецких химика в своих научных лекциях. Что еще можно было увидеть? Слабительное средство, которое каждый аптекарь производит и продает народу, множество жидкостей, секретный процесс производства которых уже купили несколько производителей во Франции и Италии. В остальном звезды двигались как и прежде, Европа не испытала никаких потрясений, и даже самая маленькая страна упорно отвергала предназначенное ей политическое лекарство. Люди годами жили обещаниями; ничего не происходило; бога даже застали за очень человеческими занятиями. Глаза так и не открылись; и даже на похоронах пророка люди верили в его чудесное вознесение на небеса.

Характеристика графа Сен-Жермена

(анонимный переводчик)

Сен-Жермен, *Уэллдон* или под какими бы именами он ни бродил здесь и там, был, несомненно, шарлатаном, после того как достаточно долго был *авантюристом*. Человек, который так много путешествовал по миру, скорее всего, вступил в союз с одной или несколькими тайными обществами. Но он определенно не был энтузиастом, тем более религиозным. Именно тот ясный ум, который можно увидеть в «Мондане» графа Ламберга [133] в Сен-Жермене, он сохранил до самой своей смерти. Будучи человеком, который путешествовал по миру с внимательными глазами и ушами, обладая хорошей памятью и даром интересной беседы, он был хорошим собеседником и занимательным компаньоном за столом, чей запас анекдотов казался неиссякаемым. А собеседники, с которыми

интересно общаться (я говорю совершенно серьезно), встречаются реже и ценятся больше, чем те, кто просто обладает хорошим аппетитом. Но Сен-Жермен не просто собирал анекдоты во время своих путешествий; он собрал, помимо некоторых других, возможно, более двусмысленных, действительно полезные *тайны*, которые должны были сделать его очень желанным гостем для благотворительного патриота страны, которая экспортирует сырье и закупает обратно готовую продукцию у иностранцев, поскольку ей еще не хватает мануфактур и фабрик, и которые действительно принесли ему во многих местах завидный, теплый прием. Конечно, он часто мог ожидать от себя большего, чем был способен сделать. Но можно ли винить человека, который хорошо одет, появляется в обществе с несколькими драгоценными *безделушками*, за то, что его считают богаче, чем он есть на самом деле? Или я обязан сообщать каждому, у кого не хочу ничего одалживать, о точном состоянии своего состояния? Что только не рассказывали и почти все не верили о чудодейственных эссенциях, омолаживающих людей, об универсальных лекарствах от всех болезней и смерти, да и о более чем метафорическом возрасте этого странного авантюриста, который он должен был принять на себя! Но разве сказка становится правдой только потому, что ее рассказывают всем и почти все в нее верят? Да хранит меня Бог от того, чтобы стать защитником или прославителем какого-нибудь шарлатана! Я скорее откровенно признаюсь, что подозреваю каждого, кто скрывает свои тайны, в запрещенных намерениях на чужой кошелек. Но мне больно, когда я вижу, что имя Сен-Жермен, не имеющее никакого видимого отношения к делу, приводят насильно (ведь речь идет не о шарлатанах, а о сектах, крайне вредных для гражданского общества, занимающихся теософией и магией и стремящихся к установлению всемирной монархии [134]), чтобы с помощью приложения «*который так сильно защищался*» бросить ложный свет на человека, который, даже если бы он был лишен всех публичных, требующих уважения в соответствии с порядком государств, достоинств, заслуживает почитания и даже любви всех праведных людей благодаря своему высокоблагородному образу мышления и поведения.

Мне больно видеть, что человек позволяет себе предупреждать человечество о тайной секте, которую он не смеет ни назвать, ни четко обозначить, и допускает такие безрассудные (кто любит достаточно сильные выражения, сказал бы: пасквильные) нападки на действительно благородных людей и тем самым, вызывая глубокое недовольство такими местами, как это и некоторые другие в его книге, вызывает подозрение в своих намерениях, ставит под сомнение правдивость его утверждений и, следовательно, сводит на нет то добро, которое он мог бы сделать.

Критика «Характеристики» [135]

Рецензент натывается здесь на место, где переводчик действительно несправедлив по отношению к автору. Автор сравнивает печально известного Сен-Жермена со старым дураком и использует при этом слова: «*Сен-Жермен, который был так сильно защищен*». Это вызывает у переводчика эмоции, которые большинству читателей будет трудно понять. При этом он защищает Сен-Жермена, называет его умным человеком и хочет убедить читателей, что он вовсе не был тем человеком, которого следовало бы ставить в один ряд с таким персонажем. Рецензент, который имел возможность получить очень достоверную информацию о человеке, которого переводчик так горячо защищает, должен здесь с ним не согласиться.

Сен-Жермен был далеко не умным человеком, о чем свидетельствует уже один только тот факт, что он еще на смертном одре надеялся омолодиться и уверял других, что то, что было распадом, было подготовкой к его предстоящему омоложению.

Другие обстоятельства рецензент здесь не затрагивает, поскольку они не имеют отношения к данному вопросу. Однако переводчику было бы лучше опустить свою заметку в оправдание Сен-Жермена, поскольку она вызывает необоснованные подозрения в его искренности.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ ДОКУМЕНТЫ ИЗ ЖИЗНИ ГРАФА СЕН-ЖЕРМЕНА

СЕН-ЖЕРМЕН В ЛОНДОНЕ (1743-1745)

I

Из переписки Горация Уолпола [136]

Горация Уолпол рыцарю Мэну [137]

9 декабря 1745 года.

Мы начинаем ловить народ [138], но так осторожно и робко, как женщины высокого положения, которые впервые закладывают свои драгоценности. Мы еще не рискнули сделать большой шаг. Пробот Эдинбурга находится под стражей полиции. Недавно был арестован шут, живущий под именем граф Сен-Жермен. Он пробыл здесь два года и не хочет говорить, кто он и откуда. Но он признает две совершенно удивительные вещи: во-первых, что он живет не под своим настоящим именем, и во-вторых, что он никогда не имел отношения к женщинам... Он поет, прекрасно играет на скрипке, сочиняет музыку, он эксцентричен и не очень деликатен. Говорят, что он итальянец, испанец или поляк; пришелец, который в Мексике благодаря браку с приобрел большое состояние и сбежал в Константинополь с драгоценностями своей жены; священник, скрипач, человек высокого происхождения. Принц Уэльский [139] был безумно любопытен к нему, но тщетно. Однако против него не было предпринято никаких действий. Он освобожден и — что убеждает меня в том, что он не дворянин — остается здесь и утверждает, что был арестован как шпион.

Гораций Уолпол Джону Чьюту [140]

Париж (8 января 1766 г.).

Я не хочу иметь ничего общего с французскими «учеными» и философами и не завидую вам Руссо [141]. Он такой же «шарлатан», как граф Сен-Жермен, который выставляет себя чудачком и заставляет о себе говорить... Как бы я ни восхищался его способностями, я понял, что ни он, ни какой-либо другой «гений» не обладают достаточным здравым смыслом, чтобы уравновесить чрезмерность своих притязаний. Они ненавидят священников, но не могут обойтись без церкви. По этой причине я предпочитаю читать их книги, а не знакомиться с ними лично.

II

Из: «The London Chronicle» [142]

13–15 мая 1760 г.

Среда, 14 мая. Как сообщает нам редактор «*Gazette de Bruxelles*» [143], так называемый граф Сен-Жермен, недавно прибывший сюда из Голландии (), родился в 1712 году в Италии. Он одинаково свободно говорит на немецком, французском и итальянском языках и довольно хорошо выражается на английском. Он сведущ во всех искусствах и науках, хороший химик, виртуоз-музыкант и в то же время очень приятный собеседник.

В 1745 году он попал в очень тяжелую ситуацию в Англии. Человек, ревнувший его из-за любовной интриги, подложил ему в карман поддельное письмо молодого претендента [144] (в котором тот благодарил его за информацию и просил продолжать), а затем сразу же арестовал его. Поскольку расследование показало его полную невиновность, он был освобожден и приглашен лордом Х... на обед. Те, кто его знают (говорит господин Мобер), будут возмущены, узнав, что он навлек на себя немилость самого христианского короля [145].

СЕН-ЖЕРМЕН ВО ФРАНЦИИ

I. Из «Мемуаров» Казановы [146]

(1757)

Самый приятный обед, который я принимал (у маркизы д'Урфе) [147], был в компании госпожи де Жержи [148], которая привела с собой знаменитого авантюриста, известного как граф Сен-Жермен. Вместо того чтобы есть, он говорил от начала до конца обеда, а я делал почти то же самое, слушая его с величайшим вниманием. Впрочем, говорить лучше него было почти невозможно.

Сен-Жермен выдавал себя за чудотворца. Он хотел удивлять, и ему это часто удавалось. Его тон был решительным, но настолько отрепетированным, что не вызывал неприятных ощущений. Он был образован, владел большинством языков, был великим музыкантом и химиком, имел приятное лицо и умел ухаживать за всеми женщинами; поскольку он давал им косметику и средства по уходу за кожей и льстил им надеждой не омолодить их — ведь он был слишком скромн, чтобы признаться, что не способен на это, — а сохранить их в их нынешнем состоянии с помощью воды, которую он дарил им, хотя, как он сам говорил, она стоила ему много денег.

Ему удалось завоевать расположение мадам де Помпадур, которая устроила ему встречу с королем, для которого он оборудовал красивую лабораторию. Ведь любезный монарх, скучавший повсюду, находил некоторое развлечение или, по крайней мере, отвлечение в изготовлении красок. Король предоставил ему квартиру в замке Шамбор и дал 100 000 франков на строительство лаборатории. Как утверждал Сен-Жермен, король хотел с помощью его химических продуктов привести французские фабрики к процветанию.

Этот своеобразный человек, созданный для мошенничества в большом стиле, самоуверенным тоном и как бы между прочим говорил, что ему триста лет, что он владеет панацеей, делает с природой, что хочет, знает секрет плавления алмазов и из десяти-двенадцати маленьких может сделать один большой из чистейшей воды, без потери веса. Все эти операции были для него детской забавой. Несмотря на его хвастовство, явную ложь и безмерную странность, я все же не мог считать его наглым. Я не считал его достойным

уважения, но невольно и почти бессознательно находил его поразительным, потому что он меня удивлял...

Этот странный человек часто появлялся на ужинах в лучших домах столицы, но не трогал ни кусочка и утверждал, что его жизнь зависит от его диеты, которую никто, кроме него, не может знать. С этой странностью смирились, потому что все были увлечены его рассказчицким талантом, который действительно делал его душой всех компаний, которые он посещал.

(Февраль 1758)

Сен-Жермен появился за столом, но, как всегда, не ел, а только говорил. С непоколебимой уверенностью он рассказывал невероятные вещи, и приходилось делать вид, что веришь ему, потому что он всегда был очевидцем или героем этих историй. Только когда он рассказал о том, что произошло с ним, когда он обедал с отцами Тридентского собора [149], я не смог сдержать смеха.

Женщина из Урфе носила на шее в качестве украшения большой магнит. Однажды, как она утверждала, этот магнит притянет молнию, и она таким образом поднимется к солнцу. Знаменитый мошенник сразу же заверил ее, что дело несомненно, но только он один обладает силой усилить магнит в тысячу раз. Я холодно ответил ему, что готов поспорить на 20 000 талеров, что он не сможет усилить его даже в два раза. Мадам д'Урфе вмешалась, чтобы предотвратить пари, и после обеда сказала мне наедине, что я проиграл, потому что Сен-Жермен — маг. Можно себе представить, что я согласился с ней.

Через несколько дней предполагаемый маг отправился в Шамбор, где король предоставил ему жилье и 100 000 франков, чтобы он мог в полной свободе работать над своими красками, с помощью которых он хотел обеспечить французским ткацким фабрикам превосходство над фабриками всех других стран. Сен-Жермен очаровал короля тем, что оборудовал ему в Трианоне лабораторию «», в которой он иногда проводил время, несмотря на свои скудные знания в области химии. Но король скучал везде, кроме охоты: олени загородки только усыпляли его и все больше и больше притупляли его чувства.

Приятная маркиза представила адепта королю в надежде избавить его от скуки, привив ему вкус к химии. Кроме того, Помпадур верила, что получила от Сен-Жермена эликсир жизни, и поэтому хотела оказать ему большую услугу. Эта чудодейственная вода, которую нужно было принимать строго в дозах, предписанных мошенником, не обладала способностью омолаживать человека — он признавал, что это невозможно, — а лишь позволяла ему не стареть в течение нескольких столетий. На самом деле эта вода — или ее изобретатель — подействовала, если не на тело, то на ум знаменитой женщины: она заверила короля, что не стареет.

Король тоже был полностью очарован мошенником; однажды он показал герцогу Цвайбрюккенскому [150] двенадцатикаратный бриллиант чистейшей воды, который, как он полагал, был сделан им самим. «Я расплавил 24 карата меньших бриллиантов, — сказал Людовик XV, — и получил этот, который был уменьшен до 12 карат путем шлифовки». В результате этой предвзятости король предоставил этому знаменитому авантюристу бывшую резиденцию маршала Саксонии [151]. Я услышал эту анекдоту от самого герцога Цвайбрюккенского, когда обедал с ним и шведским графом Левенхауптом в Меце.

Кроме того, Казанова в своем сочинении «Монолог мыслителя», стр. 34 и далее (Прага, 1784) рассказывает:

Недавно скончавшийся в Шлезвиге Сен-Жермен был не кто иной, как скрипач *Каталани*. Он был велик под именем *маркиза де ла Кроа Нуар* в Англии, чудесен под именем графа *Сен-Жермена* во Франции и Испании и уникален под именем графа *Бельмара* в Италии. Каким же человеком он был! Даже быть его подчиненным не было позором. У него было приятное лицо, благородные манеры. Он был хорошим рассказчиком, хотя иногда и хвастался, хорошо говорил на всех языках. Кроме того, он был великим химиком, великим музыкантом, владел формами хорошего общества, редко появлялся на публике, был сдержан, вежлив, остроумен, остроумный — короче говоря, он был такого рода, что даже те, кто поддался его очарованию, признавали это без смущения. Король Людовик XV, который скучал, где бы он ни был, находил развлечение в лаборатории, оборудованной для него Сен-Жерменом. Он предоставил ему квартиру в замке Шамбор и 100 000 франков.

II. Из «Мемуаров» мадам дю Оссе [152].

К мадам де Помпадур часто приходил человек, который мало чем уступал волшебнице. Это был граф Сен-Жермен, который хотел заставить поверить, что ему несколько сотен лет.

Однажды мадам спросила его в моем присутствии, когда он был в туалете: «Как выглядел Франц I [153]? Это был король, которого я бы полюбила». — «Он был очень милым», — ответил Сен-Жермен. Затем он описал его черты лица и весь его облик, как человека, которого он внимательно рассматривал. «К сожалению, он был слишком вспыльчив. Я бы с удовольствием дал ему отличный совет, который уберег бы его от всех несчастий, но он бы его не последовал, потому что, кажется, на князей наложено проклятие, которое закрывает их уши — уши разума — от лучших советов, особенно в критические моменты». — «А что вы скажете о *коннетабле* [154]?» — спросила мадам. — «Я не могу сказать о нем ни слишком хорошего, ни слишком плохого», — ответил он. — «Был ли двор Франциска I очень красивым?» — «Очень красивым, но двор его внуков [155] превосходил его бесконечно. Во времена Марии Стюарт [156] и Маргариты Валуа [157] она была волшебной страной, храмом удовольствий, в том числе и духовных. Обе королевы были образованными, сочиняли стихи, и слушать их было одно удовольствие». Мадам со смехом ответила: «Похоже, вы все это видели». — «У меня хорошая память, — сказал он, — и я тщательно изучал французскую историю. Иногда я позволяю себе шутить, не заставляя людей верить, но давая им понять, что я жил в древнейшие времена». — «Но в конце концов, вы не говорите, сколько вам лет, и вы даете себя за очень старого. Графиня де Жержи, которая 50 лет назад была послом, я полагаю, в Венеции [158], утверждает, что знала вас таким, каким вы есть сейчас». — «Действительно, мадам, я познакомился с графиней де Жержи давным-давно». — «Но, судя по ее словам, вам должно быть уже за 100 лет». — «Это не невозможно», — сказал он со смехом, «но, как я признаю, еще более вероятно, что уважаемая дама несет чушь». — «Она утверждает, что вы дали ей эликсир с чудесным действием. Благодаря этому она долго выглядела как двадцатичетырехлетняя девушка. Почему вы не даете эликсир королю?» — «Ах, мадам, — ответил он с каким-то содроганием, — если бы я позволил себе дать королю неизвестное мне лекарство, я был бы сумасшедшим [159].»

Я пошел в свою комнату, чтобы записать этот разговор.

Через несколько дней между королем, мадам, несколькими дворянами и графом Сен-Жерменом зашел разговор о секретном средстве, которое он имел, чтобы очищать бриллианты от пятен. Король велел принести ему бриллиант среднего размера, на котором было пятно. Его взвесили, и король сказал графу: «Он оценивается в 6000 ливров, но без

пятна он стоил бы 10 000. Не хотите ли заработать для меня 4000 франков?» Тот внимательно осмотрел его, а затем сказал: «Это возможно. Через месяц я верну его Вашему Величеству».

Джакомо Казанова

По постели его брата Франческо

Через месяц граф вернул королю бриллиант без пятна. Он был завернут в асбестовую вату, которую он удалил. Король весил его, и он весил почти столько же, сколько и раньше. Король отправил его через господина де Гонто [160] своему ювелиру, не сказав ему ничего, и тот принес 9600 ливров. Но король потребовал вернуть алмаз, чтобы сохранить его для науки. Он не мог оправиться от удивления и сказал, что господин Сен-Жермен, должно быть, миллионер, особенно если он владеет секретом превращения маленьких алмазов в большие. Тот не ответил ни «да», ни «нет», но очень решительно заверил, что может увеличить жемчужины и придать им более красивый оттенок. Король относился к нему с

уважением, как и мадам, от которой я только что узнал об этом. Что касается жемчужин, то господин Кенэ [161] сказал мне: «Жемчужины образуются в результате болезни устриц, и можно понять, в чем ее причина. Таким образом, господин Сен-Жермен может увеличить жемчужины, но, тем не менее, он шарлатан, потому что у него есть эликсир жизни и он дает понять, что ему несколько сотен лет. Кстати, король без ума от него и иногда говорит о нем, как о человеке знатного происхождения».

Я видел его несколько раз. Он казался 50-летним, был ни толстым, ни худым, имел умное, остроумное выражение лица, был одет очень просто, но со вкусом и носил очень красивые бриллианты на кольцах, табакерке и часах. Однажды, на большом придворном празднике, он пришел к мадам с такими красивыми пряжками на ботинках и наколенниками, инкрустированными настоящими бриллиантами, что она сказала, что не верит, что у короля есть такие же красивые. Он пошел в прихожую, чтобы снять их, а затем принес их обратно, чтобы их можно было рассмотреть поближе. Господин де Гонто, который был рядом, сравнил камни с другими и сказал, что они стоят не менее 200 000 франков. В тот же день он носил с собой бесценную табакерку и запонки из сверкающих рубинов. Никто не знал, откуда взялся этот богатый и необычный человек, и король не терпел, когда о нем говорили с презрением и насмехались. Говорили, что он был бастардом португальского короля...

Однажды господин Сен-Жермен сказал королю: «Чтобы уважать людей, нельзя быть ни исповедником, ни министром, ни начальником полиции». — Король добавил: «И королем». — «Ах, сир, — воскликнул он, — вы видели туман несколько дней назад, видимость была не более четырех шагов. Короли, вообще говоря, окутаны еще более густым туманом, который создают интриганы, вероломные министры, и все слои общества единодушны в том, чтобы показывать им вещи в ложном свете». Я услышал это из уст знаменитого графа Сен-Жермена, когда был у мадам, которая была нездорова и лежала в постели. Король навестил ее, и граф также был принят как желанный гость. Господин де Гонто, госпожа де Бранка [162] и аббат де Берни [163] были там...

Однажды граф Сен-Жермен навестил мадам, которая была нездорова и лежала на диване. Он показал ей шкатулку, полную топазов, рубинов и изумрудов. По-видимому, он владел такими сокровищами. Мадам позвала меня, чтобы я посмотрел на все эти прекрасные вещи. Я посмотрел на них с изумлением, но за спиной мадам дал ей знак, что считаю все это подделкой. Граф что-то искал в бумажнике, который был в два раза больше футляра для очков, вытащил два-три маленьких пакетика, развернул их, показал великолепный рубин и с презрением бросил маленький крест на стол рядом с собой. Он состоял из белых и зеленых камней. Я посмотрела на него и сказала: «Это неплохо». Я надел его и сделал вид, что он мне очень нравится. Граф сразу же предложил мне его принять. Я отказался, но он настаивал. Мадам тоже отказалась от него. В конце концов он настолько настаивал, что мадам, видя, что он не может стоять больше 40 луидоров, махнула мне рукой, чтобы я его принял. Я взяла крест, очень довольная любезностью графа, и через несколько дней мадам подарила ему эмалированную шкатулку с изображением какого-то греческого мудреца, намекая на него. Кстати, я проверила крест; он стоил 1500 франков.

Он предложил мадам показать ей несколько эмалевых картинок от Птиито [164], и она сказала ему, чтобы он вернулся днем, во время охоты. Он показал свои картинки, и мадам сказала ему: «Рассказывают об очаровательной истории, которую вы рассказали два дня назад за ужином у премьер-министра и свидетелем которой вы были 50–60 лет назад». Он улыбнулся и сказал: «Она немного длинная». — «Тем лучше», — ответила мадам и, казалось, была в полном

восторге. Пришли господин де Гонто и дамы, и дверь закрыли. Затем мадам махнула мне рукой, чтобы я сел за ширмой. Граф извинился за то, что его история, возможно, будет скучной. Иногда рассказ получается хорошим, а иногда — не очень.

Рассказ Сен-Жермена

«В начале этого века маркиз Сан-Гиль [165] был испанским послом в Гааге. В молодости он дружил с графом Монкада, испанским грандом и одним из самых богатых людей страны. Через несколько месяцев после своего прибытия в Гаагу он получил письмо от графа, который, призываясь к их дружбе, просил его оказать ему большую услугу. «Как вы знаете, дорогой маркиз, — писал он ему, — я испытывал горечь от того, что не мог продолжить род Монкада. Но вскоре после того, как я покинул вас, небеса услышали мои мольбы и подарили мне сына. Он рано проявил склонности, достойные человека его происхождения, но несчастье хотело, чтобы он в Толедо влюбился в самую знаменитую актрису местной труппы. Я закрыл глаза на эту юношескую шалость, так как до сих пор всегда был им доволен. Но когда я узнал, что страсть ослепила его настолько, что он хотел жениться на этой девушке и дал ей письменное обещание о браке, я попросил короля заключить ее в тюрьму. Когда мой сын узнал об этом от Эль-, он опередил его и сбежал со своей возлюбленной. Уже больше полугода я не знаю, куда он направился, но у меня есть основания полагать, что он находится в Гааге». Тогда граф, взывая к дружбе, попросил маркиза провести тщательное расследование, чтобы найти его и убедить вернуться домой. «Справедливо и правильно, — писал граф, — обеспечить девушку, если она откажется от обещания выйти замуж, которое она дала. Я оставляю за вами право определить размер компенсации и выплатить моему сыну столько, чтобы он мог вернуться в Мадрид в приличном виде. Я не знаю, есть ли у вас дети, — заключил граф. — Если да, то вы можете представить себе мою озабоченность». К письму было приложено точное описание его сына и его возлюбленной.

Как только маркиз получил его, он велел провести расследование во всех гостиницах Амстердама, Роттердама и Гааги. Но все было тщетно! Он ничего не обнаружил. Он уже начал отчаиваться, когда ему пришла в голову идея воспользоваться услугами очень находчивого молодого французского пажа. Он пообещал ему вознаграждение, если тот сумеет найти столь срочно разыскиваемых людей, и дал ему их описание. Несколько дней паж безрезультатно бродил по всем общественным местам. Наконец, однажды вечером в театре он заметил в ложе молодого человека и даму, которых внимательно разглядел. Когда он заметил, что оба, удивленные его вниманием, отошли в заднюю часть ложи, паж перестал сомневаться в успехе своих поисков. Он не спускал глаз с ложи и с напряжением наблюдал за всем, что в ней происходило.

Когда спектакль закончился, он стоял в проходе, ведущем от лож к portalу, и когда молодой человек прошел мимо него, он заметил, что тот, очевидно, заметил его наряд и прикрыл рот платком, чтобы не быть узнанным. Неприметно он последовал за ним до гостиницы «*Vicomte de Turenne*», где увидел, как тот вошел в нее со своей спутницей. Затем, уверенный в своем деле, он поспешил к послу, чтобы сообщить ему об этом.

Маркиз Сан-Гиль, закутавшись в плащ и в сопровождении своего пажа и двух слуг, немедленно отправился в гостиницу. Придя туда, он спросил хозяина, где находится комната молодого человека и дамы, которые уже некоторое время проживали у него. Хозяин сначала не хотел отвечать, пока ему не назвали имена этих двух человек. Но паж обратил его внимание на то, что он разговаривает с испанским послом, у которого есть свои причины поговорить с этими людьми. Тогда хозяин сказал, что они не хотят, чтобы о них знали, и запретили впускать к ним кого-либо, кто не назовет их имена. Однако из уважения к послу он

указал ему номер и сам провел его на верхний этаж в жалкую комнатку. Он постучал, но дверь открыли не сразу. Наконец, когда он снова громко постучал, дверь приоткрылась, но, увидев посла и его свиту, тот, кто открыл дверь, хотел снова закрыть ее, сказав, что, вероятно, произошла какая-то ошибка. Тогда посол с силой распахнул дверь, вошел и приказал своим людям ждать снаружи.

Оказавшись в комнате один, он увидел молодого человека очень приятной внешности, полностью соответствующего описанию. Рядом с ним была молодая женщина, красивая и стройная, цвет волос, рост и черты лица которой также соответствовали описанию графа Монкады. Первым молчание нарушил молодой человек. Он пожаловался на насильственное вторжение в дом незнакомца, который находится в свободной стране и живет под защитой законов. Посол подошел к нему, чтобы обнять его, и сказал: «Не притворяйтесь, дорогой граф! Я знаю вас и пришел сюда не для того, чтобы доставлять вам неприятности, как и этой молодой даме, которая мне кажется очень очаровательной».

Юноша ответил, что он ошибается. Он не граф, а сын купца из Кадиса. Молодая женщина — его жена, и они путешествуют для удовольствия. Посол бросил взгляд на убого обставленную комнатку, в которой стояла только одна кровать, и на скудные вещи, разбросанные вокруг. «Вы живете здесь, дорогой мой, — позвольте мне так обращаться к вам, поскольку меня к этому побуждает нежная дружба с вашим отцом, — вы живете здесь, сын графа Монкады?» Молодой человек по-прежнему утверждал, что не понимает, о чем он говорит. Но в конце концов он сдался настойчивым увещаниям посла и со слезами признался, что он сын Монкады, но никогда не вернется к отцу, если ему придется покинуть возлюбленную.

Она тоже разрыдалась, бросилась к ногам посла и сказала, что не хочет быть причиной несчастья графа Монкады. Поскольку ее великодушие, или, скорее, любовь, победило ее собственное преимущество, она согласилась расстаться с ним, поскольку речь шла о его счастье.

Юноша впадает в отчаяние, упрекает свою возлюбленную и заявляет, что не хочет ее покидать и не допустит, чтобы ее благородное сердце обратилось против нее самой, против столь милого существа. Посол отвечает, что граф Монкада не намерен делать ее несчастной, а скорее поручен дать ей соответствующую сумму, чтобы она могла вернуться в Испанию или жить там, где захочет. Ее благородные чувства и искренняя нежность, сказал он, вызывают у него глубокое сочувствие и побуждают его назначить ей максимально возможную сумму, которую он уполномочен ей дать. Таким образом, он обещал ей 10 000 гульденов (около 30 000 франков), которые должны были быть выплачены ей, как только она сдаст письменное обещание о браке, данное ей, а граф Монкада переедет в качестве посла и пообещает вернуться в Испанию.

Молодая женщина, по-видимому, не обращает внимания на сумму и думает только о своем возлюбленном и о боли от потери его, о жестокой жертве, к которой ее вынуждают здравый смысл и любовь к себе. Затем она достает из маленького кошелька обещание графа жениться на ней и говорит: «Я слишком хорошо знаю его сердце, чтобы это было необходимо», несколько раз целует его с каким-то восторгом и передает посланнику, который удивлен такой великодушностью. Он обещает молодой женщине всегда заботиться о ней и уверяет графа, что его отец простит его. Он говорит, что с распростертыми объятиями примет потерянного сына, возвращающегося к своим безутешным близким; сердце отца, по его словам, — неиссякаемый источник нежности. Как счастлив будет его друг, долгое время

переживавший о нем, когда получит эту весть, и как счастлив он сам, будучи инструментом этого счастья! Так говорил посол молодому человеку, и тот казался глубоко тронутым.

Однако посол опасался, что ночью любовь вновь обретет всю свою силу и победит благородное решение дамы, поэтому он настоятельно предложил молодому графу последовать за ним в его дом. Слезы и крики боли, вызванные этим жестоким расставанием, трудно описать, и они глубоко тронули сердце посла. Он пообещал оказать молодой даме свою защиту. Небольшой багаж графа был легко увезен, и вечером он оказался в прекрасной комнате посла, который был очень рад, что вернул знатному дому Монкада наследника его величия и стольких великолепных владений.

Когда на следующий день после этого счастливого события молодой граф просыпается, он видит, как появляются портные, торговцы тканями и кружевами и т. д., и ему остается только выбрать. В его приемной ждут два камердинера и три лакея, которых посол выбрал из самых умных и честных. Они представляются ему для службы. Посол показывает молодому графу письмо, которое он только что написал его отцу. В нем он поздравляет его с сыном, чьи взгляды и качества соответствуют его знатной крови, и сообщает ему о его скором возвращении домой. Молодая женщина не забыта. Он признается, что отчасти благодаря ее великодушию его сын подчинился, и не сомневается, что граф одобрит подарок в 10 000 гульденов.

Эта сумма была доставлена благородной, очаровательной даме в тот же день, и она сразу же отправилась в путь. Были также сделаны приготовления к отъезду графа. Роскошный гардероб и превосходная карета были погружены в Роттердаме на корабль, отплывавший во Францию, на котором граф также должен был отправиться, чтобы оттуда направиться в Испанию. При отъезде он получил значительную сумму денег и векселя на Париж. Прощание посла с молодым господином было трогательным.

Посол с нетерпением ждал ответа графа Монкады и радовался вместе с ним, представляя себя на его месте. Через четыре месяца ответ наконец пришел. Но тщетно будет пытаться описать удивление посла, когда он прочитал следующее:

«Небеса никогда не даровали мне удовольствия быть отцом, дорогой маркиз. Они одарили меня богатством и почестями, но принесли мне горе от того, что у меня нет наследников и я вижу, как мой знатный род угасает вместе со мной, и таким образом наполнили мою жизнь горькой скорбью. К моему глубокому сожалению, я вижу, что вас обманул молодой авантюрист, злоупотребивший нашей давней дружбой. Но Ваше Превосходительство не должно быть обманутым. Вы полагали, что граф Монкада связан с вами обязательствами; он обязан возместить то, что вы великодушно предоставили ему в знак дружбы, чтобы обеспечить ему счастье, которое принесло бы ему величайшую радость. Поэтому я надеюсь, господин маркиз, что вы без колебаний примете прилагаемую сумму в 3000 луидоров в соответствии с выставленным счетом».

★★

★

То, как граф Сен-Жермен заставлял говорить молодого авантюриста, его возлюбленную и посла, то и дело вызывало у слушателей то слезы, то смех. История буквально правдива, и, по словам тех, кто его слушал, авантюрист более искусен, чем Гусман де Альфараче [166].

Мадам пришла в голову идея сделать из этого комедию, и граф прислал ей историю в письменном виде, как я ее здесь переписал.

III. Отчет Хелллена [167]

Гаага, 8 января 1760 года.

Как я слышал, в Париже находится человек, поведение которого кажется достаточно важным, чтобы сообщить Е. М. о том, что я смог узнать о нем. Это своего рода авантюрист, который путешествовал по Германии и Англии под именем графа Сен-Жермена. Он превосходно играет на скрипке, также занимается алхимией и везде появляется с большим размахом. В Париже он живет у английского банкира Селвина. Возможно, Ваше Превосходительство уже слышали об этом человеке. Предполагаемый граф в настоящее время играет важную роль при дворе в Версале и даже имеет доступ в частные покои короля Франции и маркизы (де Помпадур). Как мне заверили, все министры посещают его, чтобы завоевать его расположение, не только потому, что он пользуется большой благосклонностью своего повелителя, но и для того, чтобы получить от него совет.

Трудно сказать, что именно принесло ему такую высокую милость, но, по всей видимости, он убедил фаворитку и короля, что откроет им секрет философского камня. Умственная слабость короля и его любопытство ко всему, что связано с естественными науками, а также алчность маркизы делают это предположение весьма вероятным. Кстати, он уже сообщил королю Франции о некоторых довольно странных химических открытиях, в том числе о секретном средстве для производства стойких красок. Как бы то ни было, этот человек с большой откровенностью высказывает свое мнение французским министрам. Он часто повторяет им, что они совершили величайшую глупость, поссорившись с Е. М. и вступив в континентальную войну [168]. Он советует им как можно скорее заключить мир. В целом он представляет себя большим поклонником Е. М. Когда стало известно о двух поражениях от России [169], он постоянно предсказывал то, что и произошло на самом деле, а именно, что Е. М. найдет средства и способы исправить ущерб и что станет ясно, что его враги не продвинулись ни на шаг.

По-видимому, он причастен к падению последнего генерального контролера [170]. По крайней мере, в письме к другу за границей он сообщил об этом таким образом, что это предположение выглядит почти оправданным. «Я сдержал свое обещание, — пишет он, — Силуэт, палач Франции, пал».

IV. Сен-Жермен в замке Шамбор

(Из переписки маркиза де Мариньи [171])

Колле [172] маркизу де Мариньи

Шамбор, 10 мая 1758 г.

Я воспользовался любезным предложением графа Сен-Жермена сопровождать его в Париж, чтобы уладить некоторые дела, касающиеся его, и завершить некоторые дела, которые должны быть закончены до конца следующей недели.

Аббат де ла Пажери маркизу де Мариньи

Блуа, 12 августа 1758 г.

Господин Сен-Жермен, вызывающий любопытство всей страны, ожидается ежедневно. Я дважды обедал с ним. Он кажется человеком обширных знаний и принципов.

Маркиз де Мариньи аббату де ла Пажери

Версаль, 2 сентября 1758 года.

Я получил ваше письмо от 12-го числа прошлого месяца. Действительно, король предоставил господину де Сен-Жермену роскошные апартаменты в Шамборе, и вы правы, говоря, что он человек заслуживающий уважения. Я имел возможность убедиться в этом во время нескольких бесед с ним. Его выдающиеся знания обещают реальную пользу.

Колле к маркизу де Мариньи

Шамбор, 4 декабря 1758 года.

Граф Сен-Жермен прибыл сюда в прошлую субботу (2 декабря) с двумя господами. Он хочет остаться здесь на пять-шесть дней, а затем отправиться в Париж. Он любезно согласился взять меня с собой.

Г-н фон Саумери [\[173\]](#) маркизу де Мариньи

Париж, 15 апреля 1759 г.

Я полагаю, что пристройки будут достаточными для проживания рабочих, которых граф Сен-Жермен намерен привезти для создания своей мануфактуры.

Колле к маркизу де Мариньи

Шамбор, 8 мая 1759 г. [\[174\]](#).

Граф Сен-Жермен прибыл сюда в прошлую субботу (5 мая). Это его второе пребывание в Шамборде. Я подготовил две комнаты для некоторых из его людей, а также три другие с кухней и кладовой на первом этаже для его удобства. Я ничего не менял в этой части замка, а только провел срочный ремонт.

[V. Из письма графа Бернсторфа \[175\]](#)

(1779).

Я не был ни его другом, ни его поклонником. Надеюсь, он забыл, как сильно это его раздражало, но с тех пор прошло двадцать два года... Сейчас я воздерживаюсь от суждений, но признаюсь, что по-прежнему склонен с большим недоверием относиться к человеку, личность которого всегда оставалась загадкой, который разбрасывался бессмысленными утверждениями, постоянно менял имена и то выдавал себя за адепта, то за знатного господина, которого провидение особенно щедро благословило.

[VI. Из «Эпизодов моей жизни» графа д'Ангивиллера \[176\]](#)

Я знал графа Сен-Жермена, которого так благоволил принц Карл [\[177\]](#). Я был еще очень молод, но, несмотря на свою молодость, несмотря на то, что он хорошо ко мне относился и даже льстил мне, я не позволял ему спокойно наслаждаться почестями, которые оказывались его шарлатанству, а постоянно безжалостно выступал против него.

МИССИЯ СЕН-ЖЕРМЕНА В ГААГЕ (1760)

/

Из переписки герцога де Шуазеля [178]

Граф д'Аффри [179] к Шуазелю

Гаага, 22 февраля 1760 г.

Господин Астье [180] пишет, что в Амстердаме находится некий граф Сен-Жермен, который, насколько я знаю, долгое время жил в Англии и производит весьма странное впечатление. Он необычным образом говорит о наших финансах и нашем министерстве и утверждает, что ему поручена важная финансовая миссия для Франции.

Гаага, 10 марта 1760 г.

Граф Сен-Жермен навестил меня позавчера. Он говорил со мной то же самое, что, как говорят, он говорил в Амстердаме. Он только что покинул мой дом ; его разговоры касались того же самого. Сначала он сказал мне, что не может достаточно мрачно описать наше финансовое положение; что у него есть определенный план по его улучшению; одним словом, что он хочет спасти королевство. Я дал ему выговориться, а когда он замолчал, спросил, знает ли генеральный контролер об этом плане. Он ответил отрицательно и при этом много плохого сказал о предшественнике господина Бертена [181]. Он, по-видимому, был особенно враждебно настроен по отношению к господам Пари де Монмартелю и Дюверне [182]. Как он мне сказал, у него были тесные связи с г-ном маршалом де Бель-Илем [183]; он также показал мне два письма от него, которые он получил с момента своего прибытия в Голландию. В них г-н де Бель-Иль с признанием отзывается о его усердии, но они содержат только общие фразы и никаких подробностей.

Я признался господину де Сен-Жермену, что совершенно не понимаю его план. Он, в свою очередь, признал, что плохо его объяснил, и пообещал принести его мне завтра. Я спросил его, какое отношение имеет его поездка в Голландию к этому плану. Он не дал мне четкого ответа и сказал только, что его общий замысел состоит в том, чтобы обеспечить нам кредит у самых престижных местных банков.

Я буду иметь честь, господин герцог, в следующую пятницу (14 марта) сообщить вам, что господин де Сен-Жермен скажет и сообщит мне завтра. Я не знаю, насколько все его утверждения соответствуют действительности, но у него, безусловно, очень необычные взгляды.

Гаага, 11 марта.

Господин Сен-Жермен сообщил мне о своем плане, который известен господину Бертину и даже рекомендован им.

Граф Сен-Жермен маркизе де Помпадур

[Гаага] 11 марта 1760 года.

Уважаемая госпожа. Мои чистые и искренние пожелания благополучия вашему уважаемому народу и вам самой останутся неизменными, где бы я ни находился в Европе. Но я не хочу

упускать возможности доказать вам это со всей чистотой, искренностью и силой. Сейчас я нахожусь в Гааге и живу у графа Бентинка, господина ван Роона, с которым у меня тесные отношения [184]. Я добился такого успеха, что считаю, что у Франции нет более разумного, верного и постоянного друга. Будьте уверены в этом, милостивая госпожа, даже если услышите обратное.

Господин фон Бентинк здесь так же всемогущ, как и в Англии, он великий государственный деятель и совершенный человек чести. Он совершенно открыт по отношению ко мне. Из глубины своего сердца я рассказал ему о очаровательной маркизе де Помпадур. Мои чувства к вам, милостивая госпожа, вам давно известны и, несомненно, достойны той доброты сердца и красоты души, которые пробудили эти чувства. Он был настолько воодушевлен, что полностью очарован; одним словом, вы можете полагаться на него так же, как на меня.

Я имею все основания полагать, что король, учитывая его силу, искренность и честность, может ожидать от него больших услуг. Если король считает, что мои отношения с ним могут быть ему полезны, я приложу все усилия, чтобы служить ему. Ему должно быть известно о моей добровольной, бескорыстной преданности его святой особе. Вы знаете о верности, которую я поклялся вам, милостивая госпожа: прикажите, и я подчинюсь. Вы можете дать Европе мир без досады и трудностей конгресса. Ваши приказы будут мне переданы с полной надежностью, если вы отправите их графу ван Роону в Гаагу или, если сочтете это более целесообразным, господам Томасу и Адриану Хоуп [185], у которых я живу в Амстердаме. То, что я должен вам написать, кажется мне настолько важным, что я должен был бы сильно упрекнуть себя, милостивая госпожа, если бы я хотел это от вас скрыть, поскольку я никогда ничего не скрывал и не буду скрывать. Если у вас нет времени ответить мне лично, прошу вас сделать это через надежного, заслуживающего доверия человека. Но не теряйте ни минуты, я умоляю вас во имя всей любви и привязанности к лучшему и достойнейшему из всех королей.

Граф д'Аффри к Шуазелю

Гаага, 14 марта 1760 года.

Я видел план, о котором мне рассказал господин де Сен-Жермен. Я вернул его ему и при следующей возможности скажу ему, что подобные дела не имеют никакого отношения к моей должности. Я не могу заниматься этим без поручения и сам хотел бы найти кредиты для государственных финансов в Амстердаме или других голландских городах...

Как сказал мне господин де Сен-Жермен, господин Бентинк ван Рхоон жаловался ему на мою сдержанность; я никогда не говорю с ним о делах. Как он добавил, господин Бентинк заверил его, что никто не настроен менее англофильски, чем он; он хороший патриот и более француз, чем я полагал. Я ответил господину де Сен-Жермен общими фразами, но дал понять, что считаю странным, что господин Бентинк поручил ему эту задачу, и еще более странным, что он ее принял. Считаю своим долгом сообщить вам обо всем, что произошло между этим человеком и мной.

Шуазель графу д'Аффри

Версаль, 19 марта 1760 г.

Я посылаю вам письмо господина де Сен-Жермена маркизе де Помпадур [186], которое в достаточной мере доказывает невероятный характер этого человека. Он авантюрист первого

ранга и, насколько я могу судить, к тому же очень глуп. Прошу вас, как только получите мое письмо, вызвать его к себе и сказать ему, что я не знаю, как к нему относятся в финансовом департаменте, но даю вам приказ сообщить ему: как только я узнаю, что он осмеливается вмешиваться в политику, будь то в большом или малом, он может быть уверен, что я добьюсь у короля приказа заключить его по возвращении во Францию до конца своих дней в темницу в Сен-Флоран (). Вы должны добавить, что он может быть совершенно уверен в том, что мои намерения столь же серьезны, сколь и то, что они будут непременно выполнены, если он даст мне повод сдержать свое слово.

После этого заявления вы попросите его больше никогда не появляться в вашем доме и поступите правильно, если сообщите всем иностранным послам и амстердамским банкирам о комплименте, который вы сделали этому невыносимому авантюристу по моему поручению.

Граф д'Аффри к Шуазелю

Гаага, 21 марта 1760 г.

Граф Рон ван Бентинк не только сообщил мне через господина де Сен-Жермена, но и через других лиц дал мне понять, как сильно он заинтересован в том, чтобы войти со мной в контакт. Я ответил, что, поскольку до сих пор у меня не было с ним никаких отношений, мне кажется бессмысленным начинать их сейчас. Однако я всегда готов сотрудничать с людьми, которые, как хорошие голландские патриоты, считают выгодным для своей страны поддерживать дружбу и благосклонность Его Величества. Я знал, что господин фон Бентинк всегда игнорировал эти принципы, столь желательные для его страны и для него самого, и что изменение его мнения в этом вопросе требовало более длительных доказательств, чем ему хотелось бы. Он получил мой ответ, но не унывал.

Я счел своим долгом уведомить об этом советника-пенсионера [187], господина ван Слинглендта [188] и господина фон Хомпеша в . Как они мне сказали, господин фон Бентинк желает сблизиться с нами только для того, чтобы восстановить свой авторитет здесь и в Англии, и, вероятно, он хочет быть назначен одним из уполномоченных представителей Республики на будущем конгрессе [189].

Гаага, 5 апреля 1760 г.

Я могу ответить на Ваше письмо от 19 марта о графе Сен-Жермене только сегодня, потому что индискретное поведение этого авантюриста (чтобы не сказать больше) заставило меня провести расследование, прежде чем доложить Вам. Но это поведение таково, что я считаю своим долгом довести его до сведения Его Величества.

На следующий день после получения вашего письма ко мне пришел господин Сен-Жермен, прибывший из Амстердама. Он пришел с господином фон Брюлем и Каудербахом [190] и сказал мне, что господа хотят поехать с ним к графу Головкину [191] в Рисвейк, куда я тоже собирался. Я сказал господину де Сен-Жермену, что хотел бы сначала поговорить с ним, и одновременно сообщил ему содержание вашего письма о его плане. Он был потрясен. В конце концов я попросил его прийти ко мне на следующее утро в 10 часов. Вскоре после этого я сообщил Каудербаху содержание вашего письма, после чего он сразу же решил не брать Сен-Жермена с собой в Рисвейк.

Сен-Жермен не пришел ко мне, и поскольку я полагал, что мои очень четкие объяснения будут достаточными, чтобы он проявил осторожность и даже решил покинуть страну, я не счел необходимым приглашать его ко мне еще раз, а ограничился тем, что сообщил о том, что Вы мне написали, самым высокопоставленным представителям Республики и некоторым иностранным послам, а также поручил г-ну Астье в Амстердаме предупредить крупнейшие банковские дома о возможных предложениях Сен-Жермена. Как сообщил мне господин Астье, господа Томас и Адриан Хоуп, среди прочих, сочли его пребывание у них очень обременительным и неприятным и намерены воспользоваться первой же возможностью, чтобы избавиться от него.

Но два письма маршала Бель-Иля, которые вы мне прислали, кажутся мне доказательством того, что этот человек не выполнил данные им мною инструкции, а наоборот, втянет нас в новые неприятности. Эти письма я получил во вторник (1 апреля). Я попросил господина Сен-Жермена прийти ко мне в среду утром, но он не пришел, и позавчера, в четверг, принц Брауншвейгский [192] в присутствии господ Головкина и фон Райшаха [193] сказал мне, после того как мы сообщили ему о наших возражениях [194], что он узнал, что по приказу Его Величества письма, которые Сен-Жермен направил в Версаль, были отправлены мне. Вероятно, я скоро получу и другие, потому что он знает, что Сен-Жермен написал еще несколько очень длинных писем с тех пор, как я запретил ему посещать мой дом. Он сам, конечно, отказался бы принять его. Тем не менее ему было известно, что тот встречался с другими людьми и что этот человек все еще плетет интриги. Хотя ему нельзя было ничего вменить, но в данный момент и в данной стране он был очень опасным человеком, и человек с такой дерзостью мог одним своим шагом осложнить и затянуть переговоры. Теперь я посчитал необходимым взять слово и сказал принцу Людвигу, что я полностью уполномочен заявить ему, а также господам Головкину и Райшаху, что Сен-Жермен полностью дискредитирован нами и что никакие его высказывания о наших делах или нашем правительстве не имеют никакого значения. Я также сказал принцу Брауншвейгскому, что, если у него будет возможность увидеться с господином Йорком [195], возможно, в тот же день, я прошу его от моего имени сделать ему такое же заявление. То же самое я сделал вчера утром у канцлера и у секретаря [196].

Позавчера вечером, после моего возвращения из Рисвейка, я послал к господину де Сен-Жермену и попросил его прийти ко мне. Его не было дома. Я послал ему письменное приглашение прийти ко мне вчера в восемь утра. Мне пришлось снова послать за ним; наконец он пришел. Я не счел целесообразным передать ему письма господина де Бель-Иля, так как он мог бы злоупотребить ими, но я сказал ему, что господин маршал по прямому приказу короля велел мне выслушать все, что он хочет мне сказать. Я спросил его, касаются ли его заявления нашей армии; он ответил отрицательно. Я спросил его, касаются ли они нашего флота или наших финансов. Он также ответил отрицательно. На что я ответил, что, следовательно, они могут быть исключительно политического характера, и прочитал ему все, что вы написали мне о его предстоящей судьбе по возвращении во Францию. Сначала он проявил большую равнодушие, затем выразил удивление по поводу обращения, которым угрожают человеку его ранга, но в конце концов дело, похоже, сбилось с толку. Однако, поскольку он, по-видимому, не был настроен отказаться от плана, подсказанного ему его стремлением к деятельности, я при прощании еще раз очень серьезно предупредил его и сказал, что, если он продолжит каким-либо образом вмешиваться в дела и интересы Его Величества, я сообщу об этом вам и публично заявлю, что все, что он здесь распространял, полностью опровергается Его Величеством и его министрами.

Я сразу же пошел к мистеру Йорку ... и спросил его, был ли Сен-Жермен в его доме. Он сказал, что тот был у него дважды [197]. Во время первого визита он говорил с ним о мире, а сам высказывался лишь в общих чертах о искреннем стремлении Англии к миру. Во время второго визита он, Йорк, стал более сдержанным, поскольку услышал, что я запретил Сен-Жермену появляться в моем доме. Он добавил, что герцог Ньюкасл [198] написал ему в ответ на его отчет о первом визите этого человека, что он должен ответить ему, что предложения о мире со стороны Франции всегда приветствуются в Лондоне, независимо от того, кто их делает. Но я не знаю, сообщил ли ему об этом господин Йорк.

Прошу вас, господин герцог, сообщить об этом господину маршалу де Бель-Иль. Я уверен, что он прекратит всякую переписку с человеком, который вел себя так, как я описал. Прилагаю два письма, которые он прислал мне для Сен-Жермена.

Я должен еще сказать вам, что господин де Сен-Жермен настолько самонадеян, что повсюду утверждает и даже мне говорит, что Его Величество был так добр, что предоставил ему замок Шамбор на тех же условиях, что и покойному маршалу Саксенскому, за исключением доходов, которые, по его словам, он вовсе не желает иметь.

Шуазель графу д'Аффри

Версаль, 11 апреля 1760 г.

Из моего специального письма о графе Сен-Жермене [199] вы узнали, какое мнение я имею об этом невыносимом авантюристе. Могу вас заверить, что все министры Его Величества думают так же, и король дает вам строгий приказ не только опозорить и дискредитировать так называемого графа Сен-Жермена перед всеми лицами во всей Голландии, которые, как вы полагаете, знают этого негодяя, но и Его Величество желает, чтобы вы, сославшись на дружбу, существующую между ним и Голландией, добились ареста этого парня, чтобы он был доставлен во Францию и наказан в соответствии с тяжестью своего преступления. В интересах всех правителей и общественной морали покончить с такой наглостью, которая осмеливается вмешиваться в дела такой державы, как Франция, не имея на то полномочий. По моему мнению, в данном случае запрос о выдаче преступника оправдан так же, как и в случае с другими преступниками. Таким образом, король не без оснований надеется, что Сен-Жермен будет арестован по вашему запросу и доставлен под надежной охраной в Лилль.

Должен признать, что, по моему мнению, вы поступили с ним очень мягко и что, возможно, после вашей последней беседы с ним я должен был отдать приказ подвергнуть его хорошей порке.

То, что он сказал вам о Шамборде, – ложь первой степени. Король настоятельно желает, чтобы этот авантюрист был немедленно дискредитирован и опозорен в Соединенных провинциях и, по возможности, наказан так, как того заслуживает его предприятие. Его Величество поручил мне от его имени просить вас уделить этому делу все свое внимание.

Постскриптум. Не было бы возможно, помимо просьбы о выдаче Сен-Жермена Генеральным штатам, поместить в голландских газетах статью, которая раз и навсегда дискредитировала бы этого негодяя, чтобы все мошенники, желающие подражать ему, получили урок? Это тоже было полностью одобрено королем, и вы выполните это в полном объеме, если сочтете это возможным.

Граф д'Аффри к Шуазелю

Гаага, 17 апреля 1760 г.

Я задержал курьера до сегодняшнего дня, чтобы подробно сообщить вам о выполнении ваших приказов в отношении так называемого графа Сен-Жермена. Вчера я посетил канцлера, зачитал ему все, что Вы написали мне об этом дерзком авантюристе, и попросил арестовать его и выдать от имени Его Величества. Это, похоже, поставило его в неловкое положение, но он все же пообещал мне сделать все, что от него зависит...

Секретарь сказал мне, что не сомневается, что этот человек будет выдан нам. Однако, поскольку господин фон Бентинг является председателем постоянного комитета, который должен рассмотреть это дело в отсутствие Генеральных штатов, я сразу же опасался, что Сен-Жермену помогут сбежать, и эти опасения оправдались.

Вчера утром я ждал дальнейших новостей, когда ко мне подошел господин Каудербах и спросил, слышал ли я уже о побеге Сен-Жермена. Я ответил, что нет. Тогда он сказал мне, что позавчера вечером между 7 и 8 часами господин фон Бентинк был в доме этого авантюриста [200] и покинул его до 9 часов. Затем туда пришел господин Пик ван Соелен [201], но не задержался надолго. После этого господин фон Бентинк появился снова между 9 и 10 часами и оставался там до полуночи. Господин Сен-Жермен лег спать; в 5 часов утра он пил чай, и Эдмунд фон Бентинк (), слуга господина фон Бентинка, появился у двери с четырехколесной арендованной каретой. Мошенник сел в нее, но хозяин не смог сказать, по какой дороге он поехал, и не смог сказать, ехал ли с ним слуга господина фон Бентинка. Этот отъезд был настолько поспешным, что он оставил в гостинице свой шпагу и пояс, а также пакет с серебряными или оловянными стружками и несколько бутылок с неизвестной жидкостью. Я сдержался, чтобы скрыть от господина Каудербаха свое возмущение поведением господина фон Бентинка. Я не сказал ему ничего больше, чем должен был сказать о запросе о выдаче, и только спросил, уверен ли он во всех указанных мне деталях. Он ответил, что получил их от хозяина гостиницы в Сен-Жермене, саксонца, и предложил послать его ко мне. Мы послали за ним, и он подтвердил все, что сказал мне господин Каудербах.

Когда господин Каудербах покинул мой дом, я попросил советника о встрече. Он только что вернулся с большого обеда, на котором находился с 7 часов, и отложил мою встречу до 9 часов утра. Я пошел к нему и спросил, как обстоят дела с Сен-Жерменом. Он ответил, что не может взять на себя всю ответственность и что я должен обязательно передать меморандум господину фон Бентинку, председателю постоянного комитета. Комиссия, вероятно, примет решение об аресте Сен-Жермена, но не о его выдаче, пока не получит на это разрешение от штатов Голландии на их ближайшем заседании. Я ответил, что отказываюсь от представления меморандума господину фон Бентинку и хочу объяснить ему причину этого (). Затем я рассказал ему о побеге Сен-Жермена со всеми подробностями и о том, что предшествовало этому, не упоминая больше о трактирщике, и изложил все так, что он должен был поверить, будто я узнал о приходе и уходе господина фон Бентинка из трактира и о появлении его слуги с нанятой повозкой только благодаря бдительности моих шпионов. Он казался искренне возмущенным всем, что услышал. Тогда я сказал ему, что, поскольку авантюристу помогли сбежать из Гааги, он, возможно, нашел убежище в Амстердаме, и я хочу написать нашему морскому комиссару, господину Астье, чтобы он арестовал этого негодяя от имени Его Величества и держал его под стражей до дальнейших распоряжений... Кроме того, я сказал канцлеру, что, поскольку авантюрист, возможно, искал убежища в других провинциях Генеральных штатов, я одновременно запрошу разрешение Его

Величества на подачу прошения к высокопреосвященным, и если, в частности, провинция Голландия или другая провинция откажут в этом акте справедливости или сорвут его, помогая Сен-Жермену в побеге, то мы уже знаем, где его найти, и я уверен, что если он будет обнаружен в Англии или где-либо еще, то после заключения мира он будет немедленно выдан нам. Последнее, по-видимому, очень смутило канцлера, и я не удивлюсь, если он будет арестован в Амстердаме по нашему запросу, но я убежден, что он уже достиг границы республики.

Меморандум [202], который я прошу вас разрешить представить Генеральным штатам и проект которого я прилагаю здесь, может быть опубликован во всех газетах, если это устроит Его Величество. Он наложит на этого авантюриста клеймо, от которого он никогда не сможет избавиться. Это своего рода приговор *in contumaciam*, который заклеит его по всей Европе.

Я полагаю, что этот мошенник находится в тяжелом финансовом положении. Он занял у еврея Боаса [203] 2000 гульденов, за которые оставил у еврея в залог три опала, поддельные или настоящие, в запечатанном конверте. 2000 гульденов должны быть выплачены 25 числа этого месяца, и господин Боас вчера сказал господину Каудербаху, что если вексель не поступит 25 числа, он выставит три опала на публичные торги. Что касается господина фон Бентинка, я буду действовать в соответствии с Вашим последним указом, если Его Величество не даст мне новых распоряжений по этому поводу. Когда я встречу с ним в эти дни, я поговорю с ним о господине де Сен-Жермене и его отъезде, не выставя себя в невыгодном свете, но так, чтобы заставить его раз и навсегда отказаться от своего поведения и отношений с этим авантюристом.

Шуазель графу д'Аффри

Версаль, 24 апреля 1760 г.

Король разрешает вам представить Генеральным штатам меморандум о так называемом графе Сен-Жермене, черновик которого вы мне прислали.

Граф д'Аффри Шойзелю

Гаага, 25 апреля 1760 г.

Считается, что так называемый граф Сен-Жермен уехал в Англию. Я слышал, что он так боялся ареста (), что не осмелился остаться в городе Хеллевутслуис, а сразу же отправился на почтовом судне, где и оставался до момента отправления, не ступая на берег. Другие считают, что он уехал в Утрехт, откуда, вероятно, добрался до Германии.

//

Меморандум графа д'Аффри Генеральным штатам [204]

Гаага, 30 апреля 1760 г.

Высокопреосвященные господа! Неизвестный человек, называющий себя графом Сен-Жерменом, которому мой господин и король хотел предоставить убежище в своем королевстве, злоупотребил его милостью. Некоторое время назад он прибыл в Голландию, а недавно — в Гаагу, где, не имея никаких полномочий от Его Величества и министерства и не имея никакого поручения, он беззастенчиво заявлял, что уполномочен вести переговоры от имени короля. Мой господин и король дал мне строгий приказ публично сообщить об этом

вам, высокопочтенные господа, чтобы никто в вашей сфере влияния не был обманут таким мошенником.

Его Величество также приказал мне потребовать выдачи этого авантюриста темного происхождения, который с самого начала злоупотребил предоставленным ему убежищем, позволив себе с такой же дерзостью, как и невежеством, говорить о правительстве королевства и распространять ложные и наглые утверждения о том, что он уполномочен представлять важнейшие интересы моего господина и короля (). Его Величество не сомневается, что вы, высокопочтенные господа, не откажете ему в справедливости, на которую он может рассчитывать благодаря вашей дружбе и справедливости, и что вы распорядитесь, чтобы так называемый граф Сен-Жермен был арестован и под надежной охраной доставлен в Антверпен, откуда он будет переправлен во Францию. Я надеюсь на незамедлительное удовлетворение этой просьбы.

III

Протокол заседания Генеральных штатов [205]

Гаага, 30 апреля 1760 г.

На собрании был зачитан меморандум графа д'Аффри, посла Его Величества короля Франции, в котором он защищал личность так называемого графа Сен-Жермена.

Затем началось обсуждение. Депутаты различных провинций получили копию упомянутого меморандума для дальнейшего распространения в своих провинциях. Кроме того, было единогласно решено передать копию вышеуказанного меморандума г-ну Пику ван Соелену и другим членам Генеральных штатов, входящим в состав внешнеполитического комитета, для дальнейшего рассмотрения и представления отчета собранию [206].

IV

Из записей графа Бентинка [207]

Воскресенье, 9 марта 1760 года.

Сен-Жермен рассказал мне, что Англия не будет препятствовать миру, а вот Франция создаст трудности. Французский король и мадам де Помпадур, весь двор и вся страна страстно желают мира. Герцог де Шуазель — единственный, кто пытается помешать этим стремлениям. Он приобрел свое влияние, когда находился при венском дворе [208]. Все бедствия и несчастья в Европе были вызваны Версальским договором 1756 года. Согласно тайной оговорке в этом договоре, Фландрия была обещана инфанту, а в обмен на это Силезия после ее завоевания должна была быть уступлена и передана королеве Венгрии [209]. Есть один выход из этого затруднительного положения: заключение мира между Англией и Францией. Обычная система предварительных переговоров, конгрессов и конференций только отложит решение на неопределенный срок и приведет к новой войне. Одна только мысль об этом вызывает дрожь. По его мнению, как только будут выдвинуты несколько приемлемых предложений или несколько искренних и заслуживающих доверия людей вмешаются в дело, будет достигнут мир, в котором Англия нуждается не менее, чем Франция. Король и мадам де Помпадур жаждут мира не меньше, чем английский король. Герцог Ньюкасл [210] и лорд Гранвиль [211] также были бы за это. Питт [212], который теперь действует совместно с ними обоими, до сих пор всегда срывал его планы, но он был ненавистен королю.

Шотландец по имени Крэммон, проживающий в Париже, получил письмо от Нёфвиля в Амстердаме [213] с поручением подготовиться к его приему. Он получил еще одно письмо из Лондона через Брюссель, и это последнее письмо содержало намеки на отдельный мир между Францией и Англией. Эти намеки исходили от герцога Ньюкасла и лорда Грэнвилла. Мадам де Помпадур проинформировала его о содержании этого письма; она была очень рада и поручила ему сообщить об этом Шуазелю. После первоначального отказа он, Сен-Жермен, в конце концов уступил. Но Шуазель отверг все.

Вторник, 11 марта 1760 года.

Как сказал мне Сен-Жермен, он сообщил мадам де Помпадур о том, что произошло между мной и ним [214], ... и также написал об этом министру. На мой вопрос, как министр воспримет эту новость, он ответил с улыбкой, но с уверенным взглядом, что в Версале скоро многое изменится, и дал мне понять, что Шуазель не сможет долго мешать миру.

Пятница, 4 апреля 1760 года.

Пенсионер Совета Стейн рассказал мне, что д'Аффри сообщил ему, что инструкции Шуазеля относительно Сен-Жермена сводятся в основном к тому, чтобы дискредитировать все, что Сен-Жермен сделал или сделает для мира. Кроме того, он был поручен сообщить об этом Сен-Жермену и добавить угрозу, что в случае дальнейшего вмешательства он будет заключен в тюрьму по возвращении во Францию [215] ...

В тот же день Сен-Жермен обедал со мной и рассказал, что д'Аффри сообщил ему об указаниях и показал письмо Шуазеля [216]. Он ответил, что это никогда не помешает ему вернуться во Францию и что эти угрозы никогда не будут выполнены; они исходили исключительно от Шуазеля. Кроме того, он рассказал, что познакомился с Йорком еще 17 лет назад, когда тот был ребенком, и что семья Йорков всегда была к нему очень добра. Д'Аффри также упрекнул его в частых визитах ко мне, но он, Сен-Жермен, заявил, что будет продолжать их. Затем д'Аффри показал ему письмо Шуазеля вместе с тем, которое он сам написал мадам де Помпадур [217]. На это Сен-Жермен заметил, что, по его убеждению, Шуазель украл его у мадам де Помпадур. Д'Аффри неоднократно говорил ему, что Франция никогда не будет доверять мне. Судя по всему, Сен-Жермен не придает большого значения указаниям, полученным д'Аффри, и еще меньшего значения самому Шуазелю.

Вторник, 15 апреля 1760 года.

Пенсионер совета рассказал мне, что д'Аффри показал ему приказы, доставленные курьером прошлой ночью, в которых говорилось, что Сен-Жермен — «простой бродяга» и что все, что он мог сказать, должно быть опровергнуто. Против него должно быть возбуждено дело, он должен быть арестован и доставлен в Лилль для дальнейшей передачи во Францию и заключения в тюрьму [218] ... В ответ я высказал свое мнение, что Сен-Жермен, как и другие иностранцы, прибыл сюда, полагаясь на защиту законов, и рассчитывает на свою личную безопасность; что он не является преступником, совершившим тяжкое преступление, таким как убийца или отравитель, которым ни один правитель не предоставляет защиты, и что право на убежище в нашей республике считается священным ... Он согласился с этим, но, казалось, был очень обеспокоен приемом во Франции.

Затем я пошел к секретарю, который в присутствии советника и, как и тот, рассказал мне о визите д'Аффри и его требованиях, а также о том, что он посоветовал ему обратиться к самому правительству и т. д., но что он не верит, что правительство выдаст кого-то, кто живет

в стране, полагаясь на ее защиту (), и кто не совершил никакого ужасного преступления, за которое не дает защиты ни один правитель.

Среда, 16 апреля 1760 года.

Когда я рассказал Йорку о том, что только что услышал о Сен-Жермене, я ожидал, что он будет его защищать, поскольку Йорк начал переговоры с Сен-Жерменом и ободрял его. Я сам видел его оригинальные письма к Сен-Жермену; они очень дружелюбные и ободряющие. Но вместо того, чтобы защитить Сен-Жермена, он принял свой жесткий, высокомерный и надменный тон и сказал, что ему «очень приятно видеть Сен-Жермена в руках полиции». Я был потрясен и намеренно высказал ему свое мнение, конечно, очень вежливо и осторожно, чтобы не обидеть его. Но Йорк остался при своем и сказал, что «хотел бы умыть руки в отношении Сен-Жермена». Он также отказал мне в пропуске на пакетбот, о котором я его просил. Когда я настаивал, Йорк наконец сказал, что если я прошу пропуск в качестве *личной* услуги, он не откажет мне «из уважения к моему положению». Я согласился и подчеркнул, что д'Аффри может доставить нам много хлопот, которых можно было бы избежать, если бы Сен-Жермену позволили бежать. Тогда Йорк позвал своего секретаря и велел принести паспорт, который он подписал и вручил мне незаполненным, чтобы Сен-Жермен мог вписать в него свое имя или любое другое, чтобы избежать преследования со стороны д'Аффри или его агентов. Я ушел с паспортом, не показав Йорку, насколько я был оскорблен и возмущен этим инцидентом.

18 апреля 1760 года.

Д'Аффри навел меня, и когда он заговорил о Линньере и его отношениях с Сен-Жерменом [219], это имя привлекло мое внимание и пробудило мое любопытство, так как я много слышал о нем в Англии, где он прожил довольно долго и общался в самых высоких кругах. Никто там не знал, кто он такой. Но это меня не удивляло, поскольку в Англии нет тайной полиции. Тем более удивительным было то, что он был неизвестен во Франции. Только король, как рассказал д'Аффри, знал его, а в Англии, как он полагал, герцог Ньюкасл. Я рассказал д'Аффри, что слышал о Сен-Жермене, о его поведении, богатстве, великолепном внешнем виде, а также о регулярности, с которой он платил свои долги, и о больших суммах, которые он тратил в Англии, где жизнь дорогая, и т. д. На что д'Аффри заметил, что он, наверное, был странным человеком; о нем рассказывают самые странные истории, одна страннее другой. Например, что он владеет философским камнем, что ему 100 лет, хотя он еще не выглядит как сорокалетний и т. д. На мой вопрос, знаком ли он с ним лично, он ответил утвердительно; он встретил его в доме принцессы Монтобан. Сен-Жермен был очень желанным гостем в Версале, был известной личностью и часто навещал мадам де Помпадур. Он был расточителен и великолепно себя вел. Среди прочего он упомянул о своих драгоценных картинах, драгоценностях и предметах искусства. Больше я ничего не помню...

После сообщения Линньера о том, что я желаю с ним познакомиться, Сен-Жермен навел меня в марте. Его беседа мне чрезвычайно понравилась; она была блестящей, разнообразной и богатой описаниями разных стран, которые он посетил — все это было очень увлекательным. Я мог только согласиться с его суждениями о людях и вещах, которые были мне знакомы. Он вел себя очень вежливо, что свидетельствовало о том, что он вырос в лучшем обществе.

Вместе с госпожой Гелвинк и господином А. Хоупом [220] он приехал из Амстердама, где ежедневно бывал в доме мэра Хасселара [221]. Он получил от семьи Хасселаров рекомендательные письма к господину ван Соелену в Гааге, который взял его с собой к госпоже фон Биланд и в другие места. В день рождения принца Оранского [222] я взял его с собой на бал в «Старый двор» (*Oude Hof*), где назвал его имя, и где с ним заговорили Хасселары, госпожа Гелвинк, госпожа Биланд и другие.

Первоначально он хотел уехать на следующий день после бала и для этой цели арендовал карету из Амстердама, чтобы вернуться туда с двумя дамами, которые приехали с ним. Но они задержали его на три-четыре дня дольше. В течение этого времени он ежедневно встречался с д'Аффри, у которого он также обедал, прежде чем вернуться в Амстердам. Я несколько раз беседовал с ним, но большую часть разговоров я уже не помню. Я должен еще отметить, что в течение времени, прошедшего между балом и его отъездом, д'Аффри, по-прежнему полагая, что он собирается уезжать, ежедневно посылал ему вино и мясо. Я могу лично подтвердить это, так как был присутствовал, когда посыльный д'Аффри два дня подряд приносил ему эти вещи. Но поскольку Сен-Жермен все же не уезжал, он приходил на обед в дом д'Аффри...

Я сам пошел к Сен-Жермену и посоветовал ему в его же интересах уехать как можно скорее [223]. Я сказал, что мне сообщили из третьих рук [224], что д'Аффри получил приказ арестовать его, после чего его под конвоем доставят к границе и выдадут во Францию, где он будет заключен в тюрьму до конца своих дней. Он был чрезвычайно удивлен не столько приказами Шуазеля, сколько тем, что д'Аффри собирался их выполнить в стране, где еще действовали закон и право. Он задавал множество вопросов, один за другим, все более сдержанно и с величайшим спокойствием. Я не хотел вступать в какую-либо дискуссию, так как мне казалось слишком сложным ответить на все его вопросы и прояснить все моменты, которые он поднимал. Я сказал ему, что на это нет времени, и что ему лучше подумать о немедленном отъезде, если он дорожит своей безопасностью. До следующего утра у него было время для подготовки, так как д'Аффри не мог предпринять никаких шагов до 10 часов следующего утра. До этого времени Сен-Жермен должен был определиться со своими планами и приступить к их осуществлению. Затем мы обсудили характер и цель путешествия. По первому вопросу я предложил свою помощь, по второму посоветовал Англию. Мы пришли к соглашению, и я предложил ему достать у господина Йорка паспорт, который ему был нужен для посадки на пакетбот. Поскольку судно должно было отплыть на следующий день, я настоятельно посоветовал ему как можно скорее отправиться в Хеллевутслуис. Если бы это произошло, все шаги д'Аффри были бы запоздалыми...

Вечером, между 7 и 8 часами, я принес Сен-Жермену паспорт. Он задал мне кучу вопросов, на которые я не ответил; вместо этого я попросил его думать о более важных вещах, чем задавать вопросы, которые в нынешней ситуации были бы неуместны и бесполезны. Он решил уехать. Поскольку ни один из его слуг не знал языка, дорог и обычаев этой страны, он попросил меня одолжить ему одного из моих, что я с удовольствием и сделал. Да, я сделал даже больше: я заказал перед моим домом на следующее утро в 4:30 четырехколесную карету, которая должна была отвезти его в Лейден, и поручил слуге проводить графа Сен-Жермена по правильному пути и оставаться с ним, пока тот не отправит его обратно ко мне.

V

Из переписки Йорка [225]

Йорк лорду Холдернессу [226]

Гаага, 14 марта 1760 г.

Поскольку Его Величество [227] соизволил сообщить Франции свое мнение о европейских делах в целом и в частности о , а также выразить через меня свое желание восстановить общественный порядок [228], я полагаю, что Версальский двор считает этот способ наиболее приемлемым для установления связи с Англией. По крайней мере, это наиболее вероятная причина попыток Франции выяснить мою позицию через третье лицо.

Ваше Превосходительство знает историю странного человека, известного под именем графа Сен-Жермена. Некоторое время он прожил в Англии [229], не выделяясь ничем особенным; последние два-три года он провел во Франции, где был в самых близких отношениях с королем Франции, мадам де Помпадур, маршалом де Бель-Илем и т. д. Это принесло ему в дар королевский замок Шамбор и позволило ему играть определенную роль в этой стране. Я полагаю, что уже упоминал об этом явлении в своих частных письмах.

Этот человек прибыл сюда несколько дней назад. Он появился на несколько дней в Амстердаме, где его очень лелеяли и где о нем много говорили. По случаю свадьбы принцессы Каролины [230] он приехал в Гаагу, где встретил такое же любопытное внимание. Его красноречие привлекало слушателей; откровенность, с которой он говорил обо всем на свете, вызвала всевозможные догадки, в том числе и о том, что он приехал в качестве переговорщика по вопросам мира. Г-н д'Аффри относится к нему с уважением и вниманием, но очень ревнует его. Я, со своей стороны, не обращал на него внимания и даже не потрудился возобновить с ним знакомство. Тем не менее он приходил ко мне, я ответил на его визит, а вчера он хотел поговорить со мной, но не явился в назначенное время. Сегодня утром он повторил свою просьбу, и я принял его.

Сначала он говорил о плохом положении Франции, о ее потребности в мире и желании заключить мир, а также о своей собственной амбиции внести вклад в достижение цели, столь желанной для всего человечества. В конце концов он подчеркнул свою симпатию к Англии и Пруссии, которая, по его утверждению, делает его популярным во Франции. Поскольку я достаточно хорошо его знаю и не хотел вступать с ним в разговор, не имея более подробной информации, я сначала отнесся к нему очень отрицательно и сказал ему, что такие вещи слишком деликатные, чтобы обсуждать их с посторонними людьми; поэтому я хотел бы узнать о его намерениях.

Этот подход не прошел даром, потому что он сразу же показал мне в качестве подтверждения два письма маршала де Бель-Иля от 14 и 26 февраля. В первом маршал прислал ему бланк паспорта короля Франции с разрешением его заполнить. Во втором он с нетерпением ждал от него известий, и в обоих он хвалил его за усердие, умение и надежды, которые он возлагал на цель своей миссии. Я не сомневаюсь в подлинности обоих писем. Прочитав их и сделав ему несколько обычных комплиментов, я попросил его объясниться, что он и сделал следующим образом.

Король, дофин, мадам де Помпадур, весь двор и весь народ, за исключением Шуазеля и Беррьеера [231], желают мира с Англией. Они не могут поступить иначе, поскольку этого требует внутренняя ситуация. Истинные намерения Англии им неизвестны, и они желают выйти из этого дела с достоинством. Месье д'Аффри не посвящен в это, а герцог де Шуазель настолько привержен Австрии, что не станет ничего разглашать; но это не имеет значения, поскольку он будет отстранен. Мадам де Помпадур не поддерживает венский двор, но она нерешительна, поскольку не знает, на кого ей можно положиться. Однако она примет решение, как только будет уверена в мире. Маршал де Бель-Иль с ведома короля Франции выдвинул графа Сен-Жермена в качестве разведчика. На Испанию не рассчитывают и не

возлагают никаких надежд [232], хотя герцог де Шуазель и старается внушить такое мнение. Об этом и о многом другом рассказал политический авантюрист.

Я очень колебался, следует ли мне отвечать ему на этот вопрос, но, будучи убежден в правоте его миссии, я полагаю, что не вызову неодобрения, если отвечу общими фразами. Я сказал ему, что король искренне желает мира, и в этом нет никаких сомнений, поскольку он, находясь на пике своих успехов, которые с тех пор еще более усилились, протянул руку мира. С нашими союзниками [233] дело было бы легким, но без них оно было бы невозможным, и Франция слишком хорошо знала наше положение, чтобы я должен был ей об этом рассказывать. Однако о деталях можно было говорить только тогда, когда мы были бы убеждены в серьезном желании мира со стороны противников; кроме того, я не был посвящен в это дело. Затем я затронул тему зависимости Франции от двух императриц [234] и неприятных перспектив, которые открываются для Франции, даже если король Пруссии потерпит неудачу. Но я осторожно избегал выходить за рамки самых общих, хотя и совершенно позитивных заверений в том, что Его Величество желает восстановления мира.

Когда разговор стал более оживленным, я спросил его, какая потеря была наиболее болезненной для Франции? Была ли это Канада [235]?

«Нет, — ответил он, — ведь мы знаем, что она стоила нам 36 миллионов, не принесла нам ничего».

«Гваделупа?»

«Из-за этого мир не будет сорван, потому что даже без этого острова у нас достаточно сахара».

«Восточная Индия?»

«Это больной вопрос, потому что он связан с нашей финансовой ситуацией».

Я спросил его, что думают о Дюнкерке.

«Его без труда разрушат, можете быть уверены».

Теперь он спросил меня, что мы думаем о Менорке.

Я ответил ему, что мы забыли об этом, по крайней мере, никто больше об этом не говорит.

«Я говорил вам об этом сотни и тысячи раз. Кроме того, вопрос о затратах ставит нас в очень затруднительное положение».

Это основные моменты трехчасовой беседы, о которой я обещал ему рассказать.

Он попросил меня сохранить все в тайне и сказал, что уезжает в Амстердам и Роттердам, пока не узнает, что я получил ответ. Я не поощрял его ждать, но и не делал ничего противоположного.

Надеюсь, Его Величество не осудит мое поведение. В таких обстоятельствах нелегко поступить правильно, но я могу прервать эти переговоры так же легко, как и начал их. Король, похоже, хочет открыть дверь миру, а Франция, похоже, очень в этом нуждается. Возможность кажется благоприятной, но прежде чем идти дальше, я жду указаний. Общий мирный конгресс, похоже, не по душе Франции, и она, кажется, хочет пойти дальше, чем было

сказано, но Франции было бы очень приятно, если бы ей сделали какое-нибудь предложение, потому что Его Христианское Величество и маркиза несколько нерешительны.

Лорд Холдернесс Йорку

Уайтхолл, 21 марта 1760 г.

Я с радостью сообщаю вам, что Его Величество полностью одобряет ваше поведение во время беседы с графом Сен-Жерменом, о которой вы сообщаете в секретном донесении от 14 числа. В частности, королю понравилось, что вы проявили осторожность и не вдавался в подробности, пока он не показал два письма маршала де Бель-Иля, которые, как вы правильно заметили, были своего рода полномочиями (). Поскольку вы говорили с ним только общими фразами и в соответствии с вашими предыдущими инструкциями, даже если ваши слова станут достоянием общественности, это не принесет никакого вреда. Его Величество считает вероятным, что граф Сен-Жермен — возможно, даже с ведома короля Франции — действительно был уполномочен некоторыми членами Государственного совета говорить таким образом, и не имеет значения, через какого посредника достигается желаемая цель. Однако переговоры между уполномоченным послом Его Величества и таким человеком, как Сен-Жермен, который до сих пор вел себя таким образом, не могут продолжаться. Все, что вы говорите, является официальным, в то время как Сен-Жермен может быть без церемоний отвергнут, если это устроит французский двор. Поэтому о его задании не знает не только французский посол в Гааге, но и министр иностранных дел в Версале, который, хотя и может постигнуть та же участь, что и его предшественника, кардинала де Берни [236], все же является официальным министром.

Его Величество желает, чтобы вы сказали графу Сен-Жермену: в ответ на отчет, который вы написали мне о вашей беседе с ним, вы получили приказ сказать ему, что можете говорить с ним о столь важных вещах только в том случае, если он предоставит достоверное доказательство того, что он действительно действует с ведома и по воле Его Христианского Величества. В то же время вы можете добавить, что, поскольку король всегда склонен доказывать чистоту своих намерений и искреннее желание избежать дальнейшего пролития христианской крови, он готов обсудить условия мира (), если французский двор пришлет должным образом уполномоченного переговорщика. При этом, однако, предполагается, что, если обе короны согласятся с условиями мира, французский двор явно и надежно заявит о своем согласии на включение в соглашение союзников Его Величества, в частности короля Пруссии. Не нужно добавлять, что Англия не будет участвовать в мирных переговорах, в которые не будет включен Его Величество как курфюрст [Ганновера].

Йорк лорду Холдернессу

Гаага, 28 марта 1760 г.

Вчера утром граф Сен-Жермен навестил меня, поскольку я дал ему знать, что хочу с ним поговорить. Я открыто заявил ему, что дальнейшие переговоры с ним невозможны, если он не сможет предъявить полномочия, выданные королем Франции или от его имени. Я сказал ему, что я уполномочен, а он нет, и поэтому все, что он говорит, может быть немедленно опровергнуто, в то время как все, что исходит от меня, носит отпечаток полномочий, предоставленных мне королем. Я подчеркнул это в качестве введения к заявлениям, которые я должен был сделать по указанию Вашего Сиятельства от 21 числа этого месяца. Я добавил, что, хотя ясно, что мнения во французском дворе расходятся, мы не будем вести переговоры с разными людьми, у которых у некоторых есть полномочия, а у других нет. Поскольку, как он знает, король открыто предложил своим врагам провести конгресс и благодаря

несравненной великодушию Его Величества удалось начать переговоры с г-ном д'Аффри, любые дальнейшие обсуждения бесполезности и нецелесообразности дальнейших шагов с нашей стороны бессмысленны, если мы не найдем взаимного согласия.

После этого я сказал ему: не говоря уже о том человеке, чьи письма он показал мне ранее, и будучи убежден, что он искренне желает содействовать столь благотворному делу, король разрешил мне сообщить ему, что Его Величество и впредь будет склонен к примирению с французским двором. Это может убедить любого доброжелательного человека в искренности намерений Его Величества. Соответственно, я сообщил ему указание Вашего Сиятельства и, по его просьбе, разрешил ему сделать копию последней части, начиная со слов «Его Величество желает» и до конца.

На этом я закончил выполнение порученного мне задания. Однако с момента моего последнего доклада о графе Сен-Жермене произошел инцидент, о котором д'Аффри (который еще ничего не знает о моей беседе с ним) говорил совершенно открыто, и я пожелал услышать эту историю из его уст, и он рассказал мне следующее:

В воскресенье (23 марта) д'Аффри получил курьера от герцога Шуазеля с указанием объявить, что Сен-Жермен не имеет никаких полномочий от Версальского двора, и что он (д'Аффри) должен сообщить ему, что он не имеет права бывать в его доме, более того, он должен даже запретить ему это [237]. Д'Аффри сообщил об этом Сен-Жермену в среду (26 марта) во время своего визита от имени короля Франции. Однако когда тот потребовал показать ему приказ, поскольку не мог поверить, что он исходил от самого короля, д'Аффри признал, что приказ исходил не от короля, а от герцога Шуазеля как государственного секретаря по иностранным делам. Он сопровождал это заверениями в своем высоком уважении и одновременно выразил желание поговорить с ним еще раз на следующий день. Однако Сен-Жермен отказался, поскольку не хотел побуждать посла еще раз нарушить его приказы, которые тот уже преступил, приняв его. Д'Аффри намекнул, что этот приказ был следствием письма, которое Сен-Жермен написал маркизе де Помпадур [238] и из-за которого, как он выразился, он попал в Версале в адскую кухню, хотя и отрицал, что знает хоть что-нибудь о содержании этого письма. Сен-Жермен сослался на доказательства, предоставленные ему во время его первого визита, что он не действует без полномочий, и заявил, что возможные последствия его писем не вызывают у него головной боли, что вызвало у посла некоторое недоверие. В конце концов он без церемоний попрощался. Тем не менее, д'Аффри вчера снова поинтересовался о нем. При этом он выразил сожаление, что не увидел его, и свою обеспокоенность тем, что он, возможно, болен. Был ли он с тех пор у него, я не знаю.

Этот новый эпизод в романе Сен-Жермена меня не очень удивляет. Меня не удивит, если рано или поздно какой-нибудь влиятельный французский министр положит конец его деятельности, хотя он и утверждает, что ничего не боится.

Однако я был очень любопытен узнать, что он теперь собирается делать и как он намерен продолжать свое дело. Мне кажется, что в ближайшее время он не будет точно знать, что ему делать. Не могу сказать, будет ли это из-за страха перед недовольством герцога де Шуазеля или, как он утверждает, из-за бездействия короля Франции и нерешительности маркизы. Но я заметил, что он сомневается, не следует ли ему попытаться привлечь герцога Шуазеля к системе, которую, по его мнению, поддерживают его собственные заказчики. Не входило в мои обязанности поощрять его к этому, и поэтому я только сказал, что, судя по всему, это дело кажется мне деликатным и может поставить его покровителей в неловкое положение.

Затем я попытался узнать у него, как он собирается использовать мои откровения и не собирается ли он сам ехать в Версаль. Он отказался от этой идеи, поскольку, по его словам, его сразу же отправили бы обратно, и это только вызвало бы новые подозрения. Однако он хотел отправить одного из своих слуг с тремя письмами: одно — к мадам де Помпадур, другое — к маршалу де Бель-Иль, а третье — к принцу крови, графу де Клермону [239], которого он сначала представил как своего закадычного друга и человека, пользующегося доверием короля независимо от его министров и очень выступающего за немедленное заключение мира с Англией.

Чтобы развеять всякие подозрения, он действительно показал мне письмо этого принца от 14 числа этого месяца, написанное в самых дружеских и сердечных выражениях, в котором тот сожалел о своем отсутствии и выражал надежду на скорое возвращение. Он не сомневался, что получит ответы от двух последних. От мадам де Помпадур, по его словам, он этого не ожидал, поскольку она принципиально не *писала* о государственных делах, хотя было абсолютно необходимо информировать ее, чтобы она могла действовать со своей стороны.

Все это звучит очень правдоподобно, но успех еще предстоит доказать. Между тем ясно, что французские министры работают друг против друга и, таким образом, следуют разным системам. Какая из них одержит победу, не зависит от нас, но для королевской службы не может быть вредно, чтобы настроения Его Величества стали известны при французском дворе, независимо от того, через какого посредника это произойдет.

То, что д'Аффри продолжает делать комплименты графу Сен-Жермену после того, как сообщил ему о приказе герцога де Шуазеля, столь же необычно, как и все остальное, тем более что он хорошо знает его отношения с маршалом де Бель-Илем и видел паспорт, выданный ему королем.

Вся эта тайна постепенно прояснится, и я не премину сообщить Вашему Сиятельству все, что мне удастся узнать об этом. Я дал понять Сен-Жермену, что он или любое другое должным образом уполномоченное лицо приемлемо для Англии. Единственное, что мы можем в настоящее время возразить и что может привести к остановке всего дела, — это отсутствие надлежащих, достаточных полномочий.

VI

Из переписки Хеленна с Фридрихом Великим [240]

Хелен королю Фридриху

Гаага, 15 марта 1760 г.

Сюда только что прибыл человек, который, возможно, имеет далеко идущие полномочия. Это своего рода авантюрист, человек, чья родина неизвестна. Он уже несколько лет странствует по миру, везде ведет себя величественно, говорит на всех современных языках и называет себя графом Сен-Жерменом. Я уже имел честь отправить Вашему Величеству немедленный отчет о том, насколько этот человек сумел расположить к себе Версальский двор [241]. Как мне заверили, король Франции только что подарил ему замок Шамбор. Он находится в Голландии уже около трех недель с рекомендацией к господину Хоупу [242], самому богатому купцу Амстердама, у которого он даже прожил две недели. Здесь у него есть рекомендации к самым богатым португальским евреям. Как утверждается, он имеет поручение вести переговоры о займе в размере более 30 миллионов для Франции, но я

склоняюсь к мнению, что у него есть и другие поручения, о которых не знает граф д'Аффри, который, хотя и обращается с ним вежливо, но в душе очень ревнует его.

Вчера он попросил о встрече с генералом Йорком, которая длилась 2 часа. Об этом мне вечером рассказал этот, добавив, что, по-видимому, он получил задание выяснить о нем больше и что он расскажет мне об этом при другом случае. Надеюсь, что смогу сообщить об этом в следующем письме [243].

Сегодня я должен ограничиться сообщением о том, что этот человек много болтает, выставляет себя противником Австрии и громко порицает Францию за ее союз с Веной. Зато он большой сторонник Вашего Величества. Я сам недавно слышал, как он в компании и почти в непосредственной близости от барона Райшаха [244] громко говорил, что Франция поступила очень неразумно.

Король Фридрих к Хелен

Фрайберг, 22 марта 1760 г.

Я с трудом могу себе представить, что король Франции доверил бы человеку, которого можно считать лишь авантюристом, столь важное поручение, как мирные переговоры. Поэтому вам лучше не полагаться на видимость и неопределенные слухи, а внимательно следить за этим человеком. Мне кажется вполне возможным, что он имеет поручение вести переговоры о займе, но тридцать миллионов мне кажутся несколько завышенной суммой.

Фрайберг, 23 марта 1760 г.

Ваш отчет от 18-го числа этого месяца [245] дошел до меня в полном порядке. Я очень доволен вашим точным изложением беседы между Йорком и графом Сен-Жерменом. В ней нет ничего странного, но она очень увлекательна.

(Хелен должен поблагодарить Йорка от имени короля за сообщение и заверить его в своей конфиденциальности).

Между тем я конфиденциально сообщил своему послу в Англии о некоторых деталях этой беседы и поручил ему настоятельно просить английское министерство как можно скорее дать генералу Йорку инструкции, чтобы он точно знал, какие условия мира Англия ставит Франции для себя и своих союзников, и что она хочет оставить из своих завоеваний, а что вернуть французам. Как только это будет сделано, можно будет быстро согласовать определенные, четкие и недвусмысленные предварительные статьи, которые могут послужить основой для установления мира и проведения общего конгресса.

Хелен королю Фридриху

Гаага, 29 марта 1760 г.

(Хелен сообщает о дальнейшей беседе Йорка с Сен-Жерменом 27 марта, см. [с. 177 и далее](#)).

Между тем произошел странный инцидент. В прошлое воскресенье (23 марта) граф д'Аффри получил курьера от герцога де Шуазеля с приказом больше не принимать графа Сен-Жермена и заверить союзных послы [246], что он не имеет никаких полномочий. Скоро станет ясно, будет ли Франция использовать этого человека в качестве переговорщика или отречется от него и поручит вести переговоры послам. Последнее доказало бы, что государственный секретарь и австрийская партия по-прежнему имеют преимущество.

Гаага, 1 апреля 1760 г.

Было бы, конечно, весьма странно, если бы Франция поручила человеку, такому как граф Сен-Жермен, столь важные переговоры, как переговоры о мире. Однако если принять во внимание, что эта личность — какой бы она ни была по свидетельству всех порядочных людей, прибывших из Франции — свободно ходит во дворец Версаля, находится в лучших отношениях с фавориткой, маршалом Бель-Илем и первыми лицами Версальского двора, что король Франции, несомненно, подарил ему замок Шамбор, что маршал Бель-Иль лично прислал ему паспорт Его Всехристианского Величества, — то вовсе не кажется невозможным, что он действует по высокому поручению.

Когда он прибыл сюда и показал графу д'Аффри этот пропуск и письма (Бель-Иля), посол принял его с почестями, устроил ему ужины, водил в свою театральную ложу и т. д. Однако затем он сказал ему, хотя и крайне вежливо: «Вы навлекли на себя ужасные неприятности в Версале из-за письма маркизе. Я только что получил курьера с приказом короля больше не принимать вас у себя». На что граф Сен-Жермен потребовал увидеть этот приказ, и д'Аффри был вынужден признать, что он исходил не от самого Его Величества, а от государственного секретаря. На это Сен-Жермен ответил: «Мне все равно», и довольно внезапно попрощался с послом, который просил его вернуться на следующий день, так как он очень хотел поболтать с ним о . Но тот ответил: «Позвольте, господин посол, я не буду этого делать. Я не хочу во второй раз подвергать вас опасности, нарушая ваши приказы».

Так Сен-Жермен рассказал об этом инциденте самому генералу Йорку [247]. Но еще более странно то, что граф д'Аффри, по-видимому, на следующий день снова послал к нему, чтобы поинтересоваться его здоровьем, сказав, что боится, что он нездоров, так как ждал его визита накануне и, к сожалению, не увидел его.

Кстати, граф показал английскому послу еще одно очень дружеское письмо графа де Клермона от 14 марта, в котором тот обращается с ним почти как с равным [248]. По его словам, граф Клермон пользуется большим уважением и очень склонен к миру.

Гаага, 5 апреля 1760 г.

Герцог де Шуазель, продавшийся венскому двору, по-прежнему обладает большим влиянием в Версале. Это снова видно по тому, как он поступает с графом Сен-Жерменом. Государственный секретарь только что отправил графу д'Аффри второе письмо конной почтой, в котором приказывает ему при его возвращении во Францию угрожать ему тюремной камерой, если он будет и дальше вмешиваться в дела, которые его не касаются [249]. Вся эта ярость вызвана первым письмом упомянутого графа к маркизе [250], которое она была настолько слаба, что сообщила государственному секретарю. Насколько я понимаю, это еще не был отчет о его беседах с английским послом (). Д'Аффри вчера выполнил приказ, но граф довольно самоуверенно ответил, что если бы ему (Шуазелю) сообщили о содержании его первого письма, то, вероятно, ему сообщили бы и о следующих. Однако весьма странно, что маршал Бель-Иль ответил графу через посредничество графа д'Аффри и при этом несколько отчитал его, хотя и в очень мягкой форме. Он говорит, что король Франции имеет в Гааге посланника, который пользуется его доверием, и что он сам напишет графу д'Аффри; тем не менее он убежден, что граф Сен-Жермен руководствуется самыми благими намерениями.

При всем этом английский посол считает, что этот человек не заслуживает доверия и недостаточно уверен в своем деле. Он указал, что Сен-Жермен, сообщая ему о приказе своего двора, проявил склонность каким-то образом проинформировать государственного

секретаря, хотя ранее он говорил, что хочет его свергнуть. Затем он, конечно, передумал и сказал, что хочет написать только фаворитке, маршалу и графу Клермону [251]. С тех пор он больше не появлялся у английского посла и только вчера вечером просил аудиенции, но я еще не знаю, был ли он принят или нет...

Кстати, граф д'Аффри рассказал английскому послу, какие приказы он получил в отношении Сен-Жермена, и спросил его, видел ли он его. Посол ответил, что не сказал ему ничего, что не мог бы повторить повсюду. «Он сам мне это сказал», — ответил француз [252].

Король Фридрих к Хелен

Фрайберг, 8 апреля 1760 г.

Детали вашего доклада от 29 марта были весьма примечательны. Что касается графа Сен-Жермена и циркуляра о нем, который герцог Шуазель направил послам союзников Франции в Гааге, то вскоре должно выясниться, имел ли граф полномочия или нет. В первом случае ясно, что государственный секретарь не знает точно о реальном мышлении и истинных намерениях своего двора. Как бы то ни было, благодаря шагам графа отношения между Францией и Англией пришли в движение, и если Франция серьезно намерена прекратить войну и заключить мир с нами, союзниками, то она должна в ближайшее время заявить об этом Англии.

Хелен королю Фридриху

Гаага, 22 апреля 1760 г.

Одно можно сказать наверняка: речи графа Сен-Жермена по крайней мере привели к тому, что герцог Шуазель не смог полностью противостоять мирным настроениям в версальском кабинете. Насколько нам известно, ему также не были переданы последние доклады графа. По крайней мере, посол, похоже, не знал об этом, но упомянутый государственный секретарь так разозлился на беднягу, что поручил графу д'Аффри ходатайствовать о его аресте и выдаче. Тот уже обсудил это с представителями республики. Но когда граф Бентинк узнал об этом, он немедленно сообщил об этом Сен-Жермену () с ведома принца Людовика [253] и достал ему паспорт от генерала Йорка, чтобы тот мог бежать в Англию [254]. Оскорбленный, как он есть, граф может дать там очень хорошие новости о текущем финансовом положении Франции, о котором он знает все.

Гаага, 3 мая 1760 г.

Ваше Превосходительство найдете в газетах Лейдена и Амстердама точную копию прошения, которое граф д'Аффри подал 30 апреля в Генеральные штаты о выдаче графа Сен-Жермена [255], хотя он, как он сам не отрицает, уже знал, что тот несколько дней назад уехал в Лондон. Высокопреосвященные похоронили это ходатайство в комиссиях [256], очевидно, чтобы не отвечать на него.

VII

Из переписки Кнйпхаузена и Мишеля с Фридрихом Великим [257]

Кнйпхаузен и Мишель королю Фридриху

Лондон, 1 апреля 1760 г.

Вчера местное министерство получило письма генерала Йорка от 28-го числа прошлого месяца, в которых он сообщает о беседе, которую он провел накануне с так называемым графом Сен-Жерменом по поводу его заявлений о мире [258] ... Мы ограничимся замечанием, что местное министерство находится в очень затруднительном положении, пытаюсь сформировать правильное мнение об инциденте между графом д'Аффри и упомянутым Сен-Жерменом. Эта интрига свидетельствует лишь о том, что мнения в Государственном совете Версаля очень разделились. В ожидании разъяснений относительно позиции Версальского двора здесь очень довольны тем, что генералу Йорку было предписано вести себя одинаково как с послом, так и с переговорщиком.

Лондон, 22 апреля 1760 г.

Как мы узнали в этот момент, так называемый граф Сен-Жермен прибыл сегодня на почтовом корабле в Англию [259], не в качестве переговорщика, а чтобы укрыться от насилия герцога де Шуазеля, возмущенного его поведением в Гааге. Эта история, по-видимому, вновь подтверждает влияние министра и его верность союзу против венского двора. Очевидно, нужно было принести жертву, чтобы публично засвидетельствовать это.

Лондон, 29 апреля 1760 г.

Граф Сен-Жермен с момента своего прибытия сюда не появлялся на публике и, насколько нам известно, не встречался с министрами. Однако мы постоянно следим за его действиями и будем добросовестно сообщать обо всем, что заслуживает внимания в этом отношении.

Король Фридрих Кныпхаузену

Мейсен, 30 апреля 1760 г.

Легко заметить, что герцог Шуазель вновь обрел верх над своим королем и господином и победил в Государственном совете над сторонниками мира. То, что произошло с графом Сен-Жерменом, является ярким тому доказательством. Также видно, что Франция под влиянием венского двора сейчас не думает серьезно о мире, а лишь хочет затянуть время и обмануть Англию.

Немедленный доклад Кныпхаузена королю Фридриху

Лондон, 6 мая 1760 г.

Я должен сообщить Вашему Величеству, что, по мнению английского министерства, пребывание так называемого графа Сен-Жермена в Англии может вызвать подозрения о том, что ведутся тайные переговоры с Англией, и что он, возможно, также оказывает неблагоприятное влияние в самой стране. Поэтому господин Питт [260] не только отказался принять его, но и настаивает на его отъезде. Оказавшись в затруднительном положении, граф Сен-Жермен решил обратиться ко мне и попросил г-на Питта, который держал его под полицейским надзором, организовать ему встречу со мной.

Когда я посетил его по просьбе министра, он объяснил, что не может вернуться в Голландию из соображений безопасности, и, поскольку г-н Питт настаивает на его отъезде, он решил обратиться к Вашему Превосходительству и просить укрытия в Ваших Штатах от насилия герцога де Шуазеля. Он добавил, что это было его намерением еще при отъезде из Голландии, но граф Бентингк посоветовал ему сначала отправиться в Англию [261].

Мне не нужно убеждать Ваше Превосходительство, насколько неловким было для меня это открытие. Однако, предвидя, что появление этого человека будет очень неприятно для Вашего Превосходительства, и поскольку я не имел возможности помешать ему, я договорился с ним в согласии с г-ном Питтом, что он под именем *графа Сеа* отправится в Аурих и оттуда запросит у Вашего Превосходительства, каковы Ваши намерения, чтобы Ваше Превосходительство могло принять меры в полной свободе.

Чтобы он не заподозрил, что я пытаюсь помешать его поездке, я даже дал ему копию прилагаемого письма к Е. М. и сказал, что я его горячо рекомендовал. Я добавил, что посоветовал ему остановиться в Аурихе только потому, что боялся, что без согласования маршрута его поездки он может попасть в руки австрийцев или французов.

Теперь решение за Э. М. Между тем я считаю, что оказал Э. М. услугу, задержав отъезд графа Сен-Жермена в Саксонию [262]. Предотвратить его я не мог, как бы мне этого ни хотелось.

Кроме того, во время моей беседы с ним я не узнал ничего, что могло бы иметь значение для Е. М. и чего вы еще не знаете из писем из Гааги.

Постскриптум. После завершения этого отчета г-н Питт, с которым мы снова провели беседу, настоятельно просил нас по возможности отговорить Ваше Превосходительство от приема графа Сен-Жермена, чтобы это не вызвало никаких беспорядков или неприятностей.

Книппхаузен кабинету министров

Лондон, 6 мая 1760 г.

Прилагаю копию моего немедленного доклада королю о весьма странном инциденте, который произошел со мной с так называемым графом Сен-Жерменом. Поскольку этот человек [263], которого я знаю уже много лет, отличается опасной импульсивностью и может одурачить короля и склонить его к принятию многих неправильных мер, прошу Ваше Превосходительство сделать все возможное, чтобы помешать его поездке в Саксонию.

Король Фридрих Книппхаузену

Мейсен, 10 мая 1760 г.

Граф Сен-Жермен, по-видимому, ищет в Англии лишь убежище от преследований герцога де Шуазеля, с которым и с его партией он, как ясно видно, полностью разошелся.

Мейсен, 19 мая 1760 г.

То, что господин Питт сказал вам о графе Сен-Жермене, мне вполне понятно. До сих пор он мне не писал. Если он все же напишет, я предоставляю ему убежище в Эмдене или, лучше, в Аурихе, если он ни во что не будет вмешиваться [264]. Я только боюсь, что этот странный человек будет настолько опрометчив, что приедет сюда, в Эмден (), не написав мне и не попросив моего разрешения, за что я не несу никакой ответственности.

VIII

Из переписки Митчелла

Митчелл [265] лорду Холдернессу

Фрайберг, 27 марта 1760 г.

Король Пруссии соизволил сообщить мне о необычной беседе, которую граф Сен-Жермен провел 14-го числа в Гааге с генералом Йорком [266]. Он заметил, что, хотя этот человек и все его поведение весьма необычны, генерал Йорк поступил правильно, немедленно сообщив Вашему Светлости об этом случае, а именно о том, что граф, скорее всего, был поручен этой секретной миссией маршалом Бель-Илем без ведома остальных французских министров, поскольку кабинет министров имеет очень разные мнения. Он спросил меня, знаю ли я графа Сен-Жермена, который, как он слышал, некоторое время находился в Англии [267]. Я ответил, что видел его там, но никогда не думал, что он станет переговорщиком. Его Прусское Величество ответил, что слышал, как граф нашел способ завоевать расположение короля Франции. Он развлекал его несколькими химическими экспериментами, и король подарил ему замок Шамбор.

Фрайберг, 20 апреля 1760 года.

По мнению Его Прусского Величества, из всех бесед господ д'Аффри и Сен-Жермена в Гааге ясно следует, что французское министерство разделилось в своем мнении. Одни выступают за мир, другие за продолжение войны, но из всего сказанного до сих пор невозможно сделать вывод, какое решение они примут и являются ли мирные сигналы серьезными или они даны только для того, чтобы выиграть время.

Лорд Холдернесс Митчеллу [268]

Уайтхолл, 6 мая 1760 г.

Из моих последних писем вы узнали о том, что произошло между генералом Йорком и графом Сен-Жерменом, и я уверен, что генерал Йорк в любом случае сообщил вам о том, что г-н де Шуазель официально отрекся от него и что Сен-Жермен решил отправиться в Англию, чтобы избежать дальнейших преследований со стороны французского министра [269]. В результате он прибыл сюда несколько дней назад. Но очевидно, что у него не было полномочий, даже от французских министров, от имени которых он якобы выступал. Поскольку его пребывание здесь нецелесообразно и может иметь плохие последствия, было сочтено целесообразным арестовать его по прибытии. Его допрос не дал ничего существенного. Его поведение и речь коварны, с причудливым оттенком, который трудно определить.

В целом было сочтено вполне уместным не допускать его пребывания в Англии. Соответственно, в прошлую субботу (3 мая) он рано утром покинул город () с намерением найти убежище в Пруссии, поскольку не чувствовал себя в безопасности в Голландии. По его настойчивой и неоднократной просьбе барон Кныпхаузен навел на него во время его заключения [270], но ни один из королевских чиновников этого не сделал.

Король счел правильным проинформировать вас об этих событиях. Он желает, чтобы вы сообщили содержание этого письма Его Величеству королю Пруссии.

IX

Отчеты Райшаха графу Кауницу [271]

Гаага, 18 (марта) 1760 г.

Ваше Превосходительство, мой друг (принц Людвиг фон Брауншвейг [272]) навел на меня позавчера, ... чтобы уговорить меня показать ему или прочесть ему Контрдекларацию [273],

которая находится у меня на руках. Однако я настаивал на том, что в настоящее время я еще не в состоянии этого сделать, но, как я уже сообщил ему, ожидаю дальнейших указаний от графа фон Стархемберга [274].

На что он (принц Людвиг) ответил, что опасается, что с такой контрдекларацией будут ждать так долго, что Франция успеет заключить мир с Англией. Граф д'Аффри чуть более восьми дней назад через местного прусского министра фон Хеллена предложил английскому министру Йорку встречу в Рейсвейке или в том же районе...

Некий незнакомец, называющий себя *графом* Сен-Жерменом, уже некоторое время находится в Амстердаме, где он проживает у очень богатого и умелого коммерсанта Хоупа [275], который в настоящее время ведет большинство французских дел в Амстердаме и благодаря своему кредиту предоставляет французскому двору большие суммы денег, с момента местных свадебных торжеств [276], но в настоящее время находится в Гааге, где он посещает мистера Йорка и недавно провел с ним трехчасовую беседу *тет-а-тет* [277], так что он тем более не сомневается, что он должен быть нагружен мирными делами французского двора, поскольку заметно, что его пребывание здесь тревожит графа д'Аффри, и тот не может скрыть своего недовольства по этому поводу.

Я пытался склонить его (принца Людвиг) к тому, чтобы он раскрыл мне, что именно граф д'Аффри рассказал мистеру Йорку и в чем могут заключаться поручения, выполняемые *мистером ле Комтом де Сен-Жерменом*.

Однако он не стал раскрывать больше, чем то, что признал, что Сен-Жермен заявляет, «что он льстит себе надеждой спасти Францию своим пребыванием в Голландии». Он не хотел раскрывать подробности беседы графа д'Аффри с г-ном Йорком, а ответил мне, что, поскольку я не хочу сообщать ему содержание контрдекларации, он также не может сообщить мне о том, что происходит между двумя упомянутыми *министрами*...

Когда так называемый *граф* Сен-Жермен прибыл сюда из Амстердама, он спросил графа д'Аффри, *был ли он предупрежден* о его прибытии из своего двора и знает ли он, что, по слухам, он выполняет в Голландии некоторые поручения. Тот не хотел ничего знать ни о том, ни о другом, а прервал *разговор*, заявив, что всегда считался *espèce d'aventurier*.

С тех пор он посещал графа д'Аффри, с которым неоднократно встречался в *компании*. Два дня назад он снова вернулся в Амстердам, но, как сообщил сам граф д'Аффри, должен вернуться сюда примерно через 8 дней.

Мне заверили, что никто на самом деле не знает, кто такой этот так называемый *граф* Сен-Жермен. Он в *совершенстве* владеет почти всеми европейскими языками, долгое время прожил в Польше, Германии, Италии, Испании, Англии, Франции, а до этого в Голландии, где носил разные имена. Он очень опытен в *музыке* и особенно в игре на скрипке, и по его манере поведения видно, что он повсюду общался с высшим обществом. В настоящее время он, по-видимому, прибыл из Франции, где король якобы предоставил ему замок Шамбор, ранее принадлежавший *г-ну ле маршалу графу де Саксе* [278]. Ему не хватает легкости в выражении мыслей, но не ума. Однако, когда он загружен делами, мне кажется, что он говорит слишком много и не достаточно взвешивает свои *высказывания* в соответствии с правилами благоразумия.

Гаага, 25 марта 1760 г.

Позавчера граф д'Аффри снова получил экспресс-сообщение, но только из Брюсселя от г-на Лессепа [279]; как он сообщил мне вчера, тот привез ему *делешу* из своего двора, в которых герцог де Шуазель поручает ему, так называемому *графу де Сен-Жермену*, о котором я сообщал в своем предыдущем донесении и [который] в настоящее время вновь прибыл из Амстердама в Гаагу, строго запретить ему вмешиваться в *политику*, в противном случае запретить ему посещать свой дом или даже арестовать его [280].

Гаага, 28 марта 1760 г.

Граф д'Аффри строго запретил так называемому *графу Сен-Жермену* вмешиваться в мирные или политические дела, пригрозив, что в противном случае он больше не будет с ним видаться.

Однако из надежных источников мне стало известно, что Сен-Жермен чрезвычайно жаловался здесь одному из своих друзей на это отношение к нему и показал ему подлинное письмо от г-на *маршала герцога де Бель-Иль*, в котором тот давал понять, что с большим *нетерпением* ожидает от него ответа о его деятельности здесь [281]. Кроме того, он, друзья, доверился ему, что ему было поручено найти средства и способы, чтобы французские и американские острова и колонии, которые не могут быть хорошо *снабжены продовольствием напрямую* из Франции, получали отсюда продовольствие и другие предметы первой необходимости; помимо этого, он также был уполномочен приложить все усилия, чтобы восстановить и повысить кредит французских финансов здесь, а также доложить о том, что ему удастся узнать о мирных переговорах. Последнее он не смог осуществить иначе, как встретившись с графом Бентингом и г-ном Йорком [282]. Первый жаловался графу д'Аффри, что тот его полностью игнорирует, хотя он вполне способен быть полезным короне Франции в мирных и других делах. Мистер Йорк дал ему самые твердые заверения в том, как горячо и искренне Англия желает и ищет скорейшего мира; что эта корона не оставит короля Пруссии, но убедит его представить Ее Величеству Императрице [283] *разумные и приемлемые* предложения о мире. Обо всем этом он доложил в Версале, но пока не получил ответа. Сен-Жермен похвастался перед своим другом тем, каким большим авторитетом он пользуется у *мадам маркизы де Помпадур* и *герцога де Бель-Иль*, и не может не полагать, что граф д'Аффри получил приказ от *герцога де Шуазеля* (от которого ему, *графу де Сен-Жермену*, ничего не было *поручено*). Однако он приложит все усилия, чтобы все было исправлено без задержек и его ущерб, нанесенный его *репутации*, был восстановлен в кратчайшие сроки и в полном объеме.

Я слушаю то, что мне рассказывают о *поведении* и деяниях так называемого *графа де Сен-Жермена*, но остерегаюсь вмешиваться в дела, которые не могут интересовать меня больше, чем просто знание о них.

Гаага, 8 апреля 1760 г.

Так называемый *г-н граф Сен-Жермен* все еще находится здесь и несколько раз навещал г-на Йорка и графа Бентинка. Последний относится к нему с уважением, и он иногда проводит у него по несколько часов. Он также просил, чтобы его представили герцогу Людовиду Брауншвейгскому. Однако герцог до сих пор не пожелал его принять, о чем он сам рассказал графу д'Аффри, графу Головкину и мне, когда мы собрались вместе при передаче контрдекларации в Рейсвейке, и одновременно дал понять, что его присутствие здесь может легко *запутать* мирные переговоры и нанести большой вред [284].

Граф д'Аффри дал самые решительные заверения, что по приказу своего двора он уже самым настоятельным образом запретил ему вмешиваться в некоторые политические *дела*, касающиеся его двора, а также фактически запретил ему посещать свой дом [285] и не может рассматривать его иначе, как *авантюриста*.

И когда герцог дал понять, что Сен-Жермен с момента, когда он вынес ему вышеупомянутый запрет, снова посетил г-на Йорка и беседовал с ним [286], граф д'Аффри ответил ему, что он немедленно вызовет его к себе и сообщит ему, что, если он не прекратит это немедленно, французский двор найдет способ заключить его в тюрьму и поместить в *basse-fosse* [287], при этом он попросил герцога передать все это г-ну Йорку.

Я заметил, что упомянутый герцог с большим рвением набросился на Сен-Жермена [288], что заставило меня предположить, что он, возможно, опасался, что через его посредничество может быть заключен мир между короной Франции и Англией с исключением английских союзников.

Между тем я узнал от графа д'Аффри, что он действительно сообщил Сен-Жермену о вышеупомянутых угрозах и что тот был этим чрезвычайно потрясен.

Гаага, 18 апреля 1760 г.

Вчера известный граф Сен-Жермен уехал отсюда, и никто не знает, куда он направляется.

Гаага, 22 апреля 1760 года.

В моем последнем докладе я имел честь сообщить Вашему Превосходительству, что так называемый граф Сен-Жермен покинул это место, и никто не знает, куда он направился. Однако сразу же после этого я получил достоверную информацию, что он так неожиданно и незаметно покинул эту страну, потому что граф д'Аффри, как сообщалось в моих двух последних донесениях, получил из своего двора приказ подать прошение о его аресте и выдаче Франции, о чем граф д'Аффри, хотя и в полной тайне, написал несколько *пассажей* в «», сообщил ему, и тот немедленно скрылся. Пока еще не известно, куда он направился, но считается, что он уехал в Англию. При этом выяснилось еще одно *примечательное* обстоятельство: граф фон Бентинк посетил его перед отъездом в 9 часов вечера и, по-видимому, оставался у него до полуночи, после чего граф Сен-Жермен на рассвете уехал в карете, запряженной четырьмя лошадьми. Есть даже утверждения, что слуга графа фон Бентинка подготовил лошадей и карету для такого отъезда [289].

Два дня назад граф д'Аффри сообщил мне о полученном приказе арестовать Сен-Жермена здесь и о том, что он в связи с этим тайно предпринял некоторые *шаги* сообщил об этом, добавив, что он отправил обратно полученного курьера и спросил у своего двора, следует ли ему объявить здесь причины, по которым Сен-Жермен должен был быть арестован, или нет.

Гаага, 25 апреля 1760 г.

Предполагается, что теперь есть достоверная информация о том, что так называемый граф Сен-Жермен уехал отсюда прямо в Хеллевутслуис и 20-го числа этого месяца отплыл на пакетботе в Англию.

Из надежного источника я узнал, что он отправил отсюда письмо *мадам маркизе де Помпадур*, в котором, среди прочего, излагает пользу и необходимость того, чтобы граф Бентинк из Эггеберга со стороны Франции, благодаря его доброй воле оказать полезные услуги этой короне в нынешних обстоятельствах, и благодаря особому авторитету, которым

он пользуется здесь и в английском министерстве, не только очень *бережно относиться к нему*, но и всячески *культивировать* его [290]. Это письмо было *передано* французским двором графу д'Аффри.

Из всего, что до меня дошло, я должен заключить, что граф Бентинк очень стремится вмешаться в будущие мирные переговоры. Также несомненно, что *граф Сен-Жермен* во время своего пребывания здесь много общался с ним, и поэтому есть все основания полагать, что он уехал в Англию с его ведома и, возможно, по его совету, и что он также будет стремиться *защищать* его там.

Гаага, 2 мая 1760 г.

Позавчера граф д'Аффри передал Генеральным штатам копию прилагаемого *меморандума* [291], в котором он просит, чтобы известный граф Сен-Жермен был задержан, выдан и заключен в тюрьму в Антверпене. Поскольку, как всем известно, он уже более 14 дней назад покинул это место и уехал из Хеллевутслуиса в Англию, то, по-видимому, не представляется возможным, что намерение французского двора заключается в его задержании, а скорее в том, чтобы проинформировать общественность о том, что, где бы он ни находился, не заслуживает доверия и тем более уважения, поскольку граф д'Аффри не может не знать, что он заявил здесь, что, если французский двор не удовлетворит его требования в связи с тем, что с ним произошло здесь, он будет в состоянии обнародовать факты, которые полностью оправдают его, но будут чрезвычайно невыгодны для французского двора.

Мне еще не известно, какое решение приняли Генеральные штаты по поводу вышеупомянутого *меморандума*. А поскольку неблагоприятный ветер все еще не утихает, сюда не могут поступать никакие новости из Англии, из которых можно было бы узнать, как его там воспринимают и как он там себя ведет.

Приложение к отчету Райшаха от 13 мая 1760 года

(Сообщение английского корреспондента)

(Лондон, май 1760 г.)

Меморандум графа д'Аффри о графе Сен-Жермене [292], который вы любезно прислали мне, также опубликован во французских газетах. Однако, как вы совершенно верно заметили, не стоит поднимать столько шума по поводу этого дела. Этот авантюрист получает слишком много почестей, если о нем так много говорят. Здешний двор счел, что нельзя доверять проявлениям недоверия, которые французский двор устроил в отношении этого человека, поскольку он заслуживает только презрения. По прибытии он был немедленно взят под стражу полицией и не выпускался из виду, пока не был снова посажен на борт, чтобы вернуться через море. Шутливое приключение!

Гаага, 16 мая 1760 года.

Так называемый *г-н ле граф де Сен-Жермен* прибыл 11-го числа этого месяца на пакетботе из Англии в Хеллевутслуис и сразу же продолжил свое путешествие через Роттердам в Германию и, как здесь сообщается, в Берлин. Многие здесь считают, что английское министерство из *уважения* к Франции немедленно вывезло его из Англии, из чего они

делают вывод, что эта корона очень склонна или надеется в ближайшее время заключить мир с Францией.

Гаага, 13 июня 1760 г.

Где в настоящее время находится известный так называемый граф Сен-Жермен, здесь не известно; однако многие публично утверждают, что он уже в течение довольно длительного времени является *шпионом* при короле Пруссии, что он имеет таких же шпионов при всех дворах и что он щедро их оплачивает.

X

Из переписки Каудербаха [293]

Каудербах графу Вакербарту-Сальмуру

Гаага, 14 марта 1760 г.

Сейчас у нас находится очень странный и совершенно необычный человек, который называет себя графом Сен-Жерменом. Он выглядит не старше 45 лет, но утверждают, что ему не менее 110 лет. Как заверил меня господин д'Аффри, он намного старше нас обоих вместе взятых, а нам уже за шестьдесят. Известно, что почти семидесятилетний член Генеральных штатов рассказал мне, что видел этого странного человека в доме своего отца, когда сам был еще ребенком, и что он выглядел почти так же, как и сегодня. Тем не менее, он производит впечатление подвижного и бодрого тридцатилетнего человека. Его икры как выточены, волосы черные и густые, а на лице, так сказать, нет ни одной морщины. Он почти не ест мяса, за исключением куриной грудки; его питание ограничивается кашей, овощами и рыбой. Он очень бережно относится к холоду, но не излишне щадит себя, ложась спать рано, и, как бы из любезности, сопровождал нас до 1 часа ночи, не показав этого на следующее утро. Если мне удастся выведать у доброго старика его секрет, я полагаю, что окажу королю [294] существенную услугу, если сообщу его Вашему Величеству, чтобы продлить жизнь Его Величества, столь ценную и полезную для его служения.

Сен-Жермен обладает неизмеримыми богатствами и, если верить ему, также самыми прекрасными тайнами природы. Он говорит об этом с ученостью, не притворяясь загадочным, и своими доказательствами пытается обратить даже самых неверующих, по-видимому, без каких-либо скрытых мотивов. Его богатства являются общеизвестным фактом во всей Франции. Он пользуется высшей благосклонностью у христианского короля, Эммануила IV (), который предоставил ему замок Шамбор в качестве пожизненной резиденции. Он показал нам камни неоценимой стоимости, все из которых были несравненных размеров и красоты. В целях науки я прилагаю размеры одного из его самых прекрасных опалов, который отличается безупречной чистотой и великолепной красотой. По его утверждению, ни один правитель в мире не обладает такими сокровищами, как те, которые он, по его словам, имеет в виде камней. Он говорит, что вся земная величие ему безразлично и что он претендует только на звание гражданина.

Взволнованный несчастьем Франции, он предложил королю [295] свои услуги, чтобы спасти страну, и с этой целью прибыл в Голландию. Он не делает тайны из своего поручения или, по крайней мере, из его цели. Мы с нетерпением ждем, какими средствами он располагает; по его утверждению, они безошибочны, поскольку зависят только от него. Он является большим защитником мадам де Помпадур и стремится освободить ее от клейма, которое ей здесь навесили. Он приписывает ей лучшее сердце, самые честные намерения и беспрецедентную

бескорыстность. Я долго беседовал с ним о причинах несчастья Франции и о смене министров. Вот что он мне сказал по этому поводу:

«Основная проблема заключается в слабости монарха. Его окружение знает о его чрезмерной доброте и злоупотребляет ею, а это окружение состоит исключительно из созданий братьев Пари [296], которые и являются единственными виновниками всех бедствий Франции. Они все испортили и сорвали планы лучшего французского гражданина, маршала де Бель-Иль. Отсюда и разногласия и ревность между министрами, которые, кажется, служат каждому своему господину. Все испорчено братьями Пари: пусть Франция погибнет, лишь бы они достигли своей цели — приобрести состояние в 800 миллионов. К несчастью, король обладает больше добротой, чем прозорливостью, чтобы проникнуть в злобу своего окружения. Зная об этой его слабости характера, окружение не делает ничего, кроме как льстит его слабостям, и благодаря этому находит отклик у всех. Та же слабость характера проявляется и у любовницы. Она знает о зле, но не имеет мужества бороться с ним».

Итак, Сен-Жермен хочет предпринять радикальное исцеление и берет на себя обязательство своими действиями в Голландии свергнуть двух человек, которые наносят такой вред государству и которых до сих пор считали совершенно незаменимыми. Слушая его откровенные речи, можно предположить, что он уверен в своем деле, или же считать его самым большим простаком на земле.

Я мог бы рассказать Вашему Величеству еще многое об этом странном человеке и его физических знаниях, если бы не боялся утомлять Вас рассказами, которые кажутся скорее вымышленными, чем реальными. Но я пока воздерживаюсь от своего суждения. Д'Аффри оказывает ему величайшее внимание и, кажется, считает его чудом. Сен-Жермен объездил весь мир и говорит на большинстве известных языков. Он несколько раз бывал в Дрездене и, как он мне сказал, был хорошо знаком с покойным королем [297] (). Он также достиг выдающихся успехов в музыке. Он виртуозно играет на скрипке и фортепиано и прекрасно поет. Здесь к нему приходят, как к чудесному животному, и он действительно очень приятный собеседник.

Каудербах князю Голицову [298]

Гаага, 14 марта 1760 г.

У нас здесь странный человек. Это знаменитый граф Сен-Жермен, известный во всей Европе благодаря своим знаниям и огромному богатству. Он выполняет в этой стране важное задание и много говорит о том, что хочет спасти Францию, как когда-то Дева Орлеанская. Нам остается только ждать, как он начнет. У него есть запас драгоценных камней величайшей красоты. Он утверждает, что раскрыл самые сокровенные тайны природы и знает их досконально. Но самое странное, что он утверждает, что ему более 110 лет. При этом он выглядит не старше 45. *Gaudeant bene nati* [299]! Как бы я хотел узнать его секрет для вас и для себя! Он горячий защитник мадам де Помпадур и маршала де Бель-Иль и презирает двух братьев Пари, которых он считает виновными во всех бедах Франции. [300] Он очень свободно высказывается о французских условиях — от короля до клоуна.

Гаага, 19 марта 1760 г.

Я уже писал вам о знаменитом Сен-Жермене, который в настоящее время живет в Амстердаме у господина Хоупа. Он навестил господина Йорка в его доме и пробыл у него три

часа [301]. Он не посылал сюда никого к господину д'Аффри и не обращался к нему, и все же он сам мне объяснил, что ему поручено важное дело. Однако, если говорить правду, он кажется мне слишком самонадеянным и неосторожным, чтобы можно было поверить, что он является высокопоставленным переговорщиком. Я ставлю его в один ряд с печально известным Маканасом, с которым Ваше Превосходительство познакомилось здесь в 1747 году, или, по крайней мере, с графом Секкендорфом, который прибыл сюда в прошлом году [302]. Я должен был бы сильно ошибаться, если бы он добился успеха в своем деле. Наши голландцы слишком неповоротливы, чтобы поддаваться на такие уловки. В любом случае, я больше не сомневаюсь, что ведутся важные переговоры.

Граф Вакербарт-Сальмур [303] Каудербаху

Дрезден, 23 марта 1760 г.

Их Королевские и Курфюрстские Высочества всегда с удовольствием читают то, что Вы мне пишете. Они нашли очень увлекательным изображение, которое Вы нарисовали мне о Сен-Жермене. Мы пока не можем разглядеть его в деталях. Издалека оно выглядит красиво, но нужно посмотреть поближе, чтобы убедиться, что все его черты соответствуют действительности, в чем я сильно сомневаюсь. 50 лет назад я познакомился с печально известным Хульдашопом и общался с ним. Он утверждал, что ему более 80 лет. В Гданьске, 25–30 лет спустя, он женился на принцессе Гольштейнской, которая, согласно публичным сообщениям, вскоре после этого убила его, чтобы завладеть его исследованиями и секретными средствами [304]. Я знал человека, которого подозревали в соучастии в этом убийстве; благодаря своему богатству он играл важную роль и вызывал большой резонанс. Такие чудотворцы ослепляют на время; их теряют из виду, когда меньше всего этого ожидаешь.

Опал, размеры которого вы мне прислали, не кажется мне чем-то экстраординарным. У меня есть восточный опал почти такого же размера, а у короля в его сокровищнице есть гораздо более впечатляющие. Как вы знаете, к цветным камням, какими бы красивыми и твердыми они ни казались, всегда нужно относиться с осторожностью. Что касается бриллиантов, то вопрос в том: много ли их у него? Большие ли они и безупречного качества?

Его политические рассуждения, на мой взгляд, требуют тщательных доказательств и объяснений.

Наиболее в его пользу, как мне кажется, говорит то, что король Франции в знак своей милости подарил ему замок Шамбор, ведь столь значительное феодальное владение он мог получить только в результате выдающихся заслуг на службе короны.

Каудербах графу Вакербарту-Сальмуру

Гаага, 4 апреля 1760 г.

До сих пор мы знаем предполагаемого графа Сен-Жермена только по репутации, которую он сам старательно распространяет: о своем таинственном происхождении, преклонном возрасте и секретах. Тем не менее, несомненно, что он некоторое время пользовался большим расположением французского двора и был удостоен многих почестей. Но все это было недолговечным и сильно изменилось. Г-н д'Аффри заверил меня, что он принадлежит к дворянскому сословию, хотя и не является коренным французом. Сам он утверждает, что является испанцем.

Гаага, 24 апреля 1760 г.

Как я только что узнал, курьер, которого д'Аффри получил в прошлый понедельник (14 апреля), принес ему приказ обратиться к Генеральным штатам с просьбой арестовать и выдать печально известного графа Сен-Жермена, поскольку он является опасным человеком, которым Его Величество по уважительным причинам недоволен. Д'Аффри сообщил об этом приказе великому пенсионеру, а тот доложил об этом постоянному комитету провинции Голландия. Председатель этого комитета, граф Бентинк, предупредил этого человека, чтобы он уехал в Англию, и даже послал ему для этого свою собственную карету [305]. За день до своего отъезда Сен-Жермен провел четыре часа у английского посла [306]. Он хвастался тем, что ему поручено установить мир. Однако я видел документы, на которые он ссылается в связи со своей миссией [307], и не нашел в них ничего, что подтверждало бы его утверждение. Бель-Иль поддерживает переписку с самыми жалкими газетчиками и проектировщиками и дорого платит за их откровения.

Этот Сен-Жермен рассказал нам столько других грубых и жалких сказок, что слушать его во второй раз можно только с отвращением, если только не хочешь посмеяться над подобными хвастовствами. Этот человек не сможет обмануть даже десятилетнего ребенка, не говоря уже о просвещенных людях. Поэтому можно предположить, что защита, которую он находит, имеет другие причины и цели, чем установление переговоров через него. Я считаю его авантюристом первого ранга, который исчерпал свои средства, и я был бы очень удивлен, если бы он не встретил трагического конца. Среди английских офицеров, которые находятся здесь, некоторые знали его в Лондоне 20 лет назад и говорят о нем с величайшим презрением. Они считают его простым скрипачом.

Гаага, 2 мая 1760 г.

Авантюрист выступил здесь в роли тайного переговорщика маршала Бель-Иля и показал письма от него [308], достоверность которых, впрочем, нельзя полностью отрицать. Он дал понять, что Бель-Иль, в полном соответствии с мнением мадам де Помпадур, но в отличие от Шуазеля, страстно стремится к миру. Он сильно преувеличил и в самых ярких красках описал интриги, бедствия и распри, которые, по его словам, царят во Франции, и такими лестью он надеялся завоевать доверие английской партии. С другой стороны, он написал маршалу Бель-Илю [309], что д'Аффри не ценит и не поддерживает стремления графа Бентинка-Рона. При этом Бентинка движут самые благие намерения, и он больше всего желает содействовать переговорам Франции с Англией. Эти письма были возвращены д'Аффри с указанием не допускать вмешательства Сен-Жермена в какие-либо дела, если он не хочет поплатиться за свою дерзость тем, что по возвращении во Францию закончит свои дни в темнице [310].

Несмотря на этот запрет, Сен-Жермен продолжал произносить речи и предпринимать шаги, чтобы и в дальнейшем создавать себе репутацию значительного человека (). Он настойчиво посещал английского посла, который, однако, по-видимому, презирал его. Г-н фон Рун защищал его, оказывал ему предпочтение и много шумел вокруг него, а когда д'Аффри потребовал его выдачи, он позволил ему уехать в Лондон на глазах у всего города [311]. Боюсь, что этот несчастный еще даст повод для многих скандальных историй. Он угрожал обнародовать все документы вместе с оправдательной запиской. Он мошенник, который хочет играть роль.

XI

Фридрих Великий и Вольтер [312]

Вольтер королю Фридриху

15 апреля 1760 года.

Ваши посланники в Бреде [313] узнают, вероятно, больше, чем я знаю. Герцог Шуазель, граф Кауниц и господин Питт не раскрывают мне их секрета. Известно, что он известен только господину Сен-Жермену, который когда-то обедал в городе Тренто с отцами собора и, вероятно, будет иметь честь посетить Ваше Величество примерно через пятьдесят лет. Этот человек бессмертен и всеведущ.

Король Фридрих Вольтеру

Мейсен, 1 мая 1760 г.

Конгресс в Бреде не состоится, и я сложу оружие только после трех новых поход. Эта сволочь должна понять, что злоупотребила моей уступчивостью, и король Англии подпишет мир только в Париже, а я — в Вене... Граф Сен-Жермен — всего лишь бабская сказка [314].

XII

Из «Истории Семилетней войны» Фридриха Великого [315]

Король послал в Францию переговорщика, который должен был выяснить намерения Версальского двора и доложить о них ему и королю Англии. Выбор пал на молодого Эдельхайма [316]... В Париже его приняли довольно прохладно. Ему дали понять в неопределенных выражениях, что выполнение его задания будет зависеть от более или менее быстрого урегулирования спорных вопросов между Англией и Францией. Однако ходили слухи, что король Пруссии намеревается компенсировать королю Польши ущерб за счет многочисленных немецких церковных князей [317], которых он хотел секуляризировать. Но это король, самый христианский из всех, ни за что не мог допустить. Эдельсхайм доставил ответ королю во Фрайберг, а затем отправился в Лондон, чтобы передать его британским министрам.

Одновременно с Эдельсхаймом в Лондоне появился другой политик, загадочная личность, сущность которой так и не была выяснена. Он называл себя графом Сен-Жерменом, служил во французской армии и так расположил к себе Людовика XV, что король хотел подарить ему замок Шамбор. Теперь он играл роль посланника, без полномочий занимался переговорами и одновременно высказывался оскорбительно о мадам де Помпадур и герцоге де Шуазеле. Англичане считали его авантюристом и выслали его из страны.

Но то ли английское министерство не доверяло Сен-Жермену, то ли в результате его завоеваний его надежды возросли, то ли оно было недовольно заявлением министерства в Версале о конгрессе [318], короче говоря, министерство поручило английскому представителю в Гааге Йорку, сообщить французскому послу д'Аффри, что король Великобритании склонен к миру и предлагает свою помощь в проведении специального конгресса, если Франция сделает незыблемое сохранение Пруссии основой предварительных условий. Франция ответила, что она не желает ничего больше, чем урегулирования своих споров с Англией. Однако, поскольку она не находится в состоянии войны с Пруссией, она не может одновременно вести переговоры об интересах короля

Пруссии и Его Британского Величества. Этот ответ похоронил и без того слабую надежду, которую возлагали на все переговоры.

XIII

Из: «*The London Chronicle*» [319]

Пятница, 2 мая 1760 г.

Гаага, 26 апреля. Некий граф Сен-Жермен, о котором много говорили в течение более трех месяцев, исчез. По просьбе соседней державы Генеральные штаты, по-видимому, утвердили ордер на его арест. Он бежал в Лондон, прибежище отступников из Парижа и Рима.

Понедельник, 5 мая 1760 года.

Граф Сен-Жермен, о прибытии которого из Голландии мы сообщали в нашем последнем номере, является иностранцем, которому король Франции предоставил убежище в своей стране. Поскольку он считал, что свобода, с которой он высказывался по поводу государственных дел, может поставить его в неловкое положение, он покинул Париж и уехал в Голландию, где, как утверждается, он был уполномочен вести совершенно секретные переговоры между Францией и республикой. Г-н д'Аффри подал официальное ходатайство о его аресте и отправке под надежной охраной в Антверпен [320], откуда он должен был быть доставлен во Францию. Но предполагаемый граф вовремя пронюхал об этом и бежал в Англию.

Пятница, 9 мая 1760 года.

Человек, который в Голландии представлялся графом Сен-Жерменом... и недавно прибыл в Англию, был найден в своей квартире в Лондоне и взят под стражу полицией.

Понедельник, 26 мая 1760 года [321].

Роттердам, 18 мая. Граф Сен-Жермен был освобожден в Лондоне и прибыл сюда [322]. Еще во время своего заключения он провел многочисленные беседы с несколькими членами Тайного совета, что дает повод для еще больших догадок. (*Gazette de Bruxelles.*)

Понедельник, 30 июня 1760 г. [323].

Как мы узнали из Парижа, несколько высокопоставленных лиц обратились к королю с просьбой о помиловании графа Сен-Жермена, о котором так много говорили. Его Величество был готов простить его, когда выяснилось, что граф был шпионом короля Пруссии при французском дворе и его представителем при мадам де Помпадур.

Пятница, 22 августа 1760 года.

Как мы узнали, знаменитый граф Сен-Жермен, который недавно был здесь, поселился в Альтоне.

XIV

Граф Даннескьольд-Лаурвиген [324] Сен-Жермену

Копенгаген, 3 апреля 1760 года.

Я бы с удовольствием продолжил переписку с Вами, пока не имею счастья видеться с Вами. Но, к сожалению, я не знаю Вашего адреса и не осмеливался беспокоить Вас, пока камергер барон фон Глихен [325] не заверил меня, что Вы удостоили меня своим вниманием. Примите это как знак моей благодарности и радости от того, что у меня снова появилась возможность поблагодарить вас за всю ту доброту и дружбу, которыми вы удостоили меня в Англии. Я храню подаренный мне Вами меч и письма, которые Вы мне написали, как вещи, слишком ценные, чтобы с ними расстаться, но честь, которую Вы мне оказали, слишком глубоко запечатлелась в моем сердце, чтобы я не воспользовался этой возможностью, чтобы заверить Вас в глубоком уважении, которое я испытываю к Вашему дорогому лицу. Пожалуйста, дайте мне знать о себе и о своих желаниях, если я могу чем-то помочь вам в этой стране. И поверьте мне, я так рад вновь обрести своего друга (позвольте мне использовать это выражение), что не знаю, как выразить всю свою благодарность. Пожалуйста, примите это письмо с добротой и поверьте мне, я могу с искренней радостью заверить вас, что я есть и всегда буду вашим и т. д.

ГРАФ СЕН-ЖЕРМЕН В ГОЛЛАНДИИ (1762)

I

Из переписки герцога де Шуазеля [326]

Граф д'Аффри к Шуазелю

Гаага, 23 марта 1762 г.

Так называемый граф Сен-Жермен, который два года назад прибыл сюда с якобы полномочиями на заключение мира между нами и Англией и в отношении которого я получил приказ [327] ходатайствовать о его выдаче как мошенника, с тех пор тайно скрывался под чужим именем в провинциях Республики и в их окрестностях. Однако в последние дни я узнал, что под именем амстердамского купца Нобле он купил у графа фон Вельдерена поместье в Гелдерне под названием Убберген, заплатив за него не более 30 000 франков в французской валюте. Я счел своим долгом сообщить вам об этом и спросить, желает ли Его Величество, чтобы я принял меры против этого человека, обратившись с новым ходатайством к Генеральным штатам, или же мне лучше отпустить его, поскольку основная цель моего вмешательства достигнута; ведь я так дискредитировал его в глазах, что с тех пор он больше не осмеливается появляться на публике и вынужден зарабатывать на жизнь ловлей дроздов с помощью своих секретных химических средств.

Шуазель графу д'Аффри

Версаль, 10 апреля 1762 г.

Мы наказали так называемого графа Сен-Жермена за наглость и мошенничество его предприятия и должны оставить этому авантюристу возможность окончательно дискредитировать себя, в чем мы уже ему помогли.

II

Из записей Харденбрука [328]

20 марта 1762 года.

Так называемый граф Сен-Жермен сейчас живет в Уббергене недалеко от Неймегена. Ему еще принадлежит своего рода рыцарское поместье недалеко от Зютфена. В своем доме он имеет большую лабораторию, в которой проводит целые дни. Он умеет придавать самые прекрасные цвета всем только мыслимым вещам, таким как кожа и т. п., является великим философом и знатоком природы. Он очень красиво говорит, кажется добродетельным, выглядит как коренной испанец благородного происхождения, с большим почтением говорит о своей покойной жене-матери. Иногда он подписывается: «Принц Испании» [329]. Он горд.

Он хочет поддерживать фабрики республики, но без предпочтения того или иного города провинции перед остальными. Амстердам предложил ему особые преимущества для получения исключительных привилегий. Он оказал много услуг графу Гронсфельду [330], производя и поставляя краски для его фарфоровой фабрики в Веспе. Он очень хорошо ладит с господином ван Рооном [331], всегда разговаривает и переписывается с ним. Он также ведет обширную зарубежную переписку, известен во всех дворах. Покойный принц Уэльский [332], который имел плохой характер, очень плохо с ним обращался. Но поскольку Сен-Жермен был невиновен, при его освобождении ему было предоставлено полное удовлетворение [333]. Он переписывался с первыми людьми во Франции и много хорошего говорит о мадам Помпадур и т. д.

Он очень часто бывает в Амстердаме, часто приезжает к Г. Хасселару [334]. Он владеет необычайно красивыми камнями, рубинами, сапфирами, изумрудами и бриллиантами. Говорят, что он владеет искусством придавать бриллиантам более яркий блеск и украшать драгоценные камни и т. д. Он очень щедр, владеет большими поместьями в Пфальце и других местах Германии. В Амстердаме он то живет в отеле для высшего общества, то в другом месте, и везде платит хорошо.

★★

★

Позже, в августе 1762 года, он уехал из Амстердама. Он одолжил одежду, кружева и даже деньги у парикмахера Шодона, которые должен был вернуть ему в течение восьми дней. Однако он написал ему письмо с просьбой о продлении срока еще на восемь дней.

Кроме того, у него была квартира в Шамборе во Франции [335]. Там он якобы заявил, что хочет жениться на дочери некоего Ламбера [336]. Это привело к разорению этих людей.

Карл граф Кобенцль

СЕН-ЖЕРМЕН В АВСТРИЙСКИХ НИДЕРЛАНДАХ (1763)

/

Из переписки графа Карла Кобенцля [337]

Кобенцль Кауницу

Брюссель, 8 апреля 1763 года.

Около трех месяцев назад человек, известный под именем Сен-Жермен, проезжал здесь и навестил меня. Я нашел в нем самого странного человека, которого когда-либо встречал в жизни. Я еще не знаю точно, откуда он родом, но полагаю, что он происходит из тайного союза могущественного и знаменитого рода. Он обладает большими средствами, но живет крайне скромно. Он знает все и демонстрирует поразительную честность и доброту души.

В присутствии многочисленных знакомых он провел на моих глазах несколько экспериментов, некоторые из которых я пришло Вашему Превосходительству. Наиболее существенные из них заключаются в превращении железа в металл, который так же красив, как золото, и подходит для всех ювелирных работ не хуже золота, а также в окрашивании и обработке кожи с такой совершенством, что она превосходит все мароккинские кожи мира и самые совершенные методы дубления (). Он также довел окрашивание шелка и шерсти до ранее неизвестного совершенства. Он окрашивает дерево в самые яркие цвета, причем насквозь, без индиго или кошенили, с помощью самых простых ингредиентов и, следовательно, очень дешево. Он также производит краски, ультрамарин, такой же безупречный, как и полученный из лазурита. Наконец, он устраняет запах масел, используемых для рисования, и из рапсового масла и других еще худших веществ производит лучшее провансальское масло.

Все эти продукты были изготовлены на моих глазах и находятся в моих руках. Я тщательно их проверил и, увидев в них миллионную прибыль, воспользовался его дружеством, чтобы вывести у него все его секреты. Он передает их мне и требует только разумную долю прибыли, разумеется, только в случае ее получения.

Поскольку все чудесное по необходимости вызывает сомнения, я избежал двух препятствий: не дал себя обмануть и не пошел на чрезмерные расходы. Чтобы избежать первого препятствия, я привлек доверенное лицо, в присутствии которого проводил эксперименты. При этом я полностью убедился, что эти продукты действительно эффективны и что они недорогие. Что касается второго пункта, я привлек господина фон *Сурмонта* — так теперь называет себя Сен-Жермен — хорошего, надежного коммерсанта из Турне [338], у которого он сейчас работает. Очень небольшие авансы я оплатил через г-жу Неттину [339], чей сын и зять, г-н Валькиерс [340] (), должны будут руководить этой мануфактурой, как только доходы от первых опытов позволят нам инвестировать в нее без риска. Момент получения прибыли уже близок, поскольку два наших лучших купца, Барбьери и Франколет, настолько восхищены красотой шелковых красок, что в настоящее время отдают мне на окрашивание весь шелк, который они продают в местных провинциях и во всей Нижней Германии.

Эти детали еще очень несовершенны, но я прошу Ваше Преосвященство рассматривать их только как предварительный отчет о деле, которое может и должно стать чрезвычайно важным для государственных финансов и благосостояния народов Вашего Величества. В то же время я уверяю Ваше Преосвященство, что не буду рисковать значительной суммой. Вскоре я представлю более подробный отчет и пришло точный расчет прибыли, над которым я уже работаю. А пока прошу одобрить то, что было сделано. Я не ошибаюсь, утверждая, что это дело имеет огромное значение для благополучия монархии.

Кауниц к Кобенцлу

Вена, 19 апреля 1763 г.

Сегодня я хочу остановиться только на чудесах, которые печально известный граф Сен-Жермен хочет совершить из дружбы к Вашему Преосвященству. Я смотрю на вещи со стороны и поэтому не подвержен очарованию внешней подачи. Но Вы пишете мне о фактах,

об экспериментах, проведенных на Ваших глазах, которые успешно прошли самые строгие испытания и проверки. Что можно сказать по этому поводу ? Только одно: сомнение в том, что все было правильно увидено, здесь тем более обосновано, что, с одной стороны, даже самые умные люди поддались химическим экспериментам, а с другой стороны, между экспериментами в малом и производством в большом есть огромная разница. Модель еще не является машиной, а эксперимент еще не доказывает ничего в пользу фабрики, чье оборудование требует дорогостоящих подготовительных работ, неопределенных авансов и очень дорогостоящего производственного оборудования. Я не знаю, что Вы уже решили в отношении крупномасштабного производства. Госпожа Неттина, похоже, связывает с успехом этого предприятия те же ожидания, что и Вы. Г-н Валькиерс руководит экономической частью, т. е. администрацией. Это может успокоить даже самого тревожного финансиста.

Но характер этого странного человека, который больше склонен очаровывать людей, чем убеждать их, не внушает мне доверия и уверенности. Прилагаю несколько анекдотов из его жизни. Я не ручаюсь за их достоверность, но их автор был участником событий, которые произошли во Франции. Остальное общеизвестно. Пьеса действительно является комедией. Только я немного боюсь, что мы предоставим материал для ее последнего акта, и поэтому считаю неразумным рисковать значительной суммой для постановки.

Кроме того, Ваше Превосходительство очень уверенно говорит о богатствах господина де Сюрмона. Насколько Вы в этом уверены? Какого рода эти богатства? Состоят ли они из денег, ценных бумаг, земельных владений, торговых векселей? Здесь нужно рассеять много тумана, прежде чем мы сможем ясно видеть. Я хотел бы, чтобы Ваше Преосвященство собрал информацию как об основании предприятия, так и о финансовом положении изобретателя, чтобы развеять мои сомнения, и чтобы вы поручили подготовить обещанный мне меморандум эксперту, который четко и ясно изложит все детали и прояснит в своем заключении все настолько, чтобы мы могли оценить ситуацию.

Все, что я вам пишу, основано на первом впечатлении от вашего сообщения о чудесах, которые вы нам обещаете. Без приведенных вами фактов это дело скорее развеселило бы меня, чем произвело бы на меня впечатление. Но в настоящее время главное — не ставить под угрозу интересы Вашего Величества. Я должен особо рекомендовать вам это. С нетерпением жду более позитивной информации.

Анекдоты о чудесной личности, которая в настоящее время находится в Брюсселе [\[341\]](#)

Четыре года назад этот необычный человек жил во Франции под именем графа Сен-Жермена.

Он обладал врожденной красноречивостью, свободно говорил на нескольких языках, был хорошо образован, умел угадывать вкусы, склонности и слабости тех, чье доверие он хотел завоевать, досконально знал все хитрости и уловки адептов и умел заставлять великих людей Версальского двора восхищаться им и ухаживать за ним, даже добиться нескольких тайных бесед с королем и маркизой (де Помпадур). Он пользовался таким успехом, что люди не только были убеждены в его знатном происхождении, но и верили, что он восстановит финансы благодаря своим глубоким знаниям и чудесным секретным средствам, и что под его благотворным руководством процветет процветание. Это очарование длилось некоторое время. Он держал всех, кто надеялся на его щедрость и обещанные им чудеса, в состоянии своего рода благоговения, так что они даже отказались от права на сомнение. Они не осмеливались задавать ему ни малейшего вопроса о возможности его чудесных секретных средств, чтобы не обидеть этого творческого существа.

Несмотря на его отрепетированное выражение лица и хорошо продуманное поведение, его заранее подготовленные речи и всегда рассчитанное на окружающих поведение, ему случались оплошности и хвастовство, которые должны были разрушить иллюзию. Однажды он настолько забылся, что за столом, за которым сидели самые выдающиеся личности двора, сказал, что только дом Бурбонов равен ему на земле.

Человек, близкий к одному из его величайших и выдающихся поклонников, с огорчением наблюдал, как этот господин слепо увлекался фантазиями графа Сен-Жермена, и осмелился высказать ему некоторые сомнения. Сначала он встретил резкий отказ, но не сдался и добился разрешения застать графа Сен-Жермена врасплох в его квартире в Париже. Он действительно пошел туда и застал его в довольно грязной квартире. Он расспросил его о его секретных средствах, но получил от него только несколько образцов красок и своего рода книгу заклинаний, старую тетрадь с описанием химических процедур, бесполезность которых стала очевидна даже при беглом просмотре.

Эти выводы, которые он сообщил упомянутому господину, подорвали авторитет Сен-Жермена. Хотя он всегда рассказывал только о своих богатствах, о своих денежных средствах во всех местах Европы, о кораблях, которые он имел в море, и о своей доле во всех известных банках, он совершил неразумный поступок, купив у графа Сен-Флорентина поместье за 1 800 000 франков и составив официальный договор купли-продажи. В дни, когда наступил срок платежей, ни платежи, ни векселя не поступили, и покупатель покинул Францию.

Прибыв в Голландию, он объявил, что получил от христианского короля полномочия на ведение мирных переговоров с Англией [342]. Господин д'Аффри заподозрил неладное, сообщил о высказываниях Сен-Жермена своему двору и получил от министра иностранных дел приказ арестовать его. Сен-Жермен пронюхал об этом и бежал в Англию. Там он пробыл очень недолго, вероятно потому, что английское министерство, которое в то время вело переговоры с Версальским двором, не хотело принимать человека, подозреваемого Францией. Ему посоветовали покинуть страну.

С тех пор общественность потеряла из виду этого странного человека. Считалось, что он уехал в Берлин, но более вероятно, что он скрывался в Голландии.

Кауниц Марии Терезии

Вена, 22 апреля 1763 г.

В генеральной администрации Нидерландов готовится сцена, исход которой мне кажется настолько неоднозначным, что я чувствую себя обязанным уже сейчас подготовить Ваше Императорское и Апостольское Величество к тому, как я вижу эту комедию.

Из прилагаемого отрывка из отчета графа Кобенцля [343] Ваше Превосходительство можете увидеть, какие чудеса хочет совершить странный человек, который четыре года назад появился во Франции под именем графа Сен-Жермена, чтобы обогатить Ваши финансы и подданных. Граф Кобенцль с такой уверенностью говорит о полном успехе нескольких экспериментов, проведенных на его глазах. Более того: госпожа Неттина так горячо поддерживает эту идею, что я не осмелился отрицать возможность ее осуществления, хотя и склонен считать все это просто видением и обманом. Поэтому я попросил графа Кобенцля быть крайне осторожным, не рисковать государственными деньгами и провести расследование богатств его предполагаемого оракула, о которых он и госпожа Неттина с

таким энтузиазмом, но без подробностей, говорят. С этой целью я дал графу Кобенцлю приложенный ответ и приложил анекдоты из жизни предполагаемого графа Сен-Жермена [344], которые стали мне известны.

Тем самым я ни отверг, ни одобрил ваши грандиозные планы. Возможно, среди большого количества секретных средств, использование которых обещает столь блестящие успехи, есть и несколько действительно полезных. Но возможно, что все это рассеется как туман. В любом случае, было бы целесообразно, если бы Ваше Преосвященство сохранило содержание моего доклада в тайне; ведь в первом случае Сен-Жермен слишком сильно опасался бы разоблачения, а во втором случае пришлось бы прикрыть завесой слабость правительства, которое позволило себя обмануть мошеннику.

Собственноручная пометка Марии Терезии

Я полностью убеждена, что нарисованная вами картина более соответствует действительности, чем картина Кобенцля, и что эта глупость должна оставаться в тайне. Я хотела бы, чтобы министр излечился от нее.

Кобенцль Кауницу

Брюссель, 28 апреля 1763 г.

В связи с указом от 19 числа текущего месяца я прежде всего заверяю, что чудеса, которые я вижу каждый день, настолько велики и в то же время настолько просты и легки, что я вовсе не удивлюсь, если Ваше Преосвященство не захотите в них верить. Мне самому было трудно поверить в то, что я видел, и затем показал другим, у которых зрение лучше, чем у меня. Любой химический процесс должен вызывать подозрения даже у тех, кто разбирается в этой науке лучше меня. Но как можно не верить в то, что происходит на глазах, что делаешь сам и что должно быть одинаковым как в большом, так и в малом? Ведь невозможно, чтобы средством, с помощью которого окрашивается один кусок, нельзя было окрасить сотню кусков. К этому добавляется полная ясность физических причин, так что можно понять, что причина и следствие одинаково безошибочны.

Как я уже сообщал Э. Э., затраты не чрезмерны, а дальнейшие расходы будут покрываться из прибыли. Для преобразования железа, окрашивания дерева, шерсти, шелка, тканей и кожи уже приняты следующие меры. Мы нашли хорошего, надежного производителя в Турне [345] и поручили ему провести необходимые приготовления. Мы отправили с ним молодого Ланнуа, которого Ваше Превосходительство часто видели в Вене. Все будет подготовлено к тому, чтобы сын госпожи Неттине 15 или 16 мая, после возвращения его матери из поездки в Париж, которую она начнет 1 мая, мог отправиться в Турне, чтобы увидеть процесс, узнать секрет и научиться производству.

Прежде чем ответить по пунктам на сообщения о нашем человеке, прошу Э. Э. учесть, что он ничего не требует от нас и хочет передать мне свой секрет. Его личные качества нам совершенно безразличны, если он раскроет нам свой секрет, который я уже частично знаю и который я полностью узнаю вышеуказанным способом. Только это имеет значение.

Я с уверенностью говорил о богатствах этого человека. Вот что я знаю об этом. Он владеет поместьем в Голландии, которое оплачено на две трети, и ценностями, которые купец, заложивший их в Зеландии, оценивает в более чем миллион. Эти ценности он отправляет сюда, чтобы оставить их на хранение у госпожи Неттине. Все это будет подробно изложено в меморандуме, составленном компетентным лицом. До тех пор прошу Ваше Преосвященство

быть уверенным, что я буду действовать экономно и только по согласованию с госпожой Неттиной.

Я перехожу к анекдотам, которые Вы любезно рассказали мне. Великие способности, которые приписывают нашему человеку, являются фактом, но, должен добавить, он презирует адептов, и, помимо бесед, которые он имел с Его Христианским Величеством, маркизой и министрами (), он имеет много писем от маркизы и министров, которыми он мог бы воспользоваться, если бы захотел отомстить за жестокое обращение Франции с ним.

Он, безусловно, происходит из знатного рода, но это не имеет значения, и поэтому я должен хранить тайну, которую он мне доверил. Конечно, он иногда хвастается этим, но невозможно усомниться в его чудесах. Я выдвинул ему тысячу возражений, но он опроверг их все: причина и следствие полностью убедили меня.

Необдуманное замечание, которое он якобы произнес, может быть верным. Как я уже сказал, он в этом отношении хвастлив. Человек, который хочет скрыть свое происхождение, иногда делает необычные заявления, чтобы ввести в заблуждение тех, кто хочет его расследовать. Но, повторяюсь, это не имеет значения.

Человек, который хотел разоблачить его, застав его врасплох, не знал его. У него в комнате тысячи химикатов, которыми он ничего не делает. Он разбрасывает их повсюду, чтобы никто не наткнулся на те, которые он действительно использует. С его характером, его секрет не удастся вырвать у него, застав его врасплох. Он доверяет его мне из дружбы, и, конечно, он не доверил бы его никому другому.

Он говорит о своих богатствах и, должно быть, обладает большими, потому что везде, где бывал, он делал великолепные подарки, много тратил и никогда никого ни о чем не просил, нигде не оставляя долгов. Я не знаком с обстоятельствами, связанными с поместьем господина де Сен-Флорантена . Но я имел доступ к документам, из которых я узнал причину его поездки в Голландию. Дело было в следующем.

Маршал Бель-Иль, с которым он был особенно близок, тайно отправил его в Голландию, чтобы вести переговоры с генералом Йорком о заключении отдельного мира. Он так и поступил; д'Аффри ревновал и жалобно протестовал. Герцог Шуазель был возмущен как самим делом, так и формой, в которой оно было совершено, и поступил с Сен-Жерменом всем известным образом [346].

Я видел документы и не нахожу вины со стороны Сен-Жермена. Но даже если бы она и была, это не имело бы значения, потому что речь идет только о получении его секретных средств. Сначала я боялся, что Франция, изгнав его из Голландии и Англии, захочет преследовать его и здесь. Но он уже четыре месяца находится здесь, и Франция до сих пор ничего не предприняла. Я тем менее опасаюсь, что это еще может произойти, что госпожа Неттина проинформирует графа Стархемберга [347] и господина де Лаборда [348], и они наверняка не допустят, чтобы Франция обратилась к нам по его поводу.

После отъезда из Англии он остановился в Голландии. Там он поддерживал особенно тесные отношения с графом Бентингом [349], господином ван Гронсфельдом-Дипенбруком [350] и мэром Хасселааром [351] в Амстердаме. Он купил поместье Убберген [352], по которому он называет себя *Сурмонт*. Там он хотел открыть мануфактуру. Случай привел его сюда, и он навел меня по пути. Его знания в области живописи и рисования стали отправной точкой; постепенно он заговорил о своих открытиях. Вследствие моего недоверия он вступил в подробности. Поскольку я восприимчив к дружбе, я проявил к нему свою и познакомил его с

госпожой Неттиной. Превосходное воспитание, которое она дает своим детям, произвело на него впечатление, и он так привязался к ней и ко мне, что я верю, мы сможем убедить его во всем.

Вот и вся его история. Ваше Превосходительство получит как можно скорее точные и подробные сведения обо всех наших опытах, а также образцы наших продуктов, и убедится в правдивости всего этого. А пока будьте уверены, что мы не будем влезать в чрезмерные расходы и что счастливый случай в лице этого человека, кем бы он ни был, подарил нам средство обогатить наши провинции и принести государственным финансам, возможно, неожиданно большую прибыль.

Кауниц к Кобенцлу

Вена, 10 мая 1763 г.

Информация, предоставленная Вашим Превосходительством для развеяния моих сомнений относительно всех чудес, которые господин фон Сурмонт якобы творит в пользу наших финансов, только усиливает мое удивление. Еще раз: я не имею ничего против фактов и верю, как пишете Вы, что химическим веществом, которым окрашивают один кусок ткани, можно окрасить и несколько. Менее легко доказать, что если окрашивание одного куска стоит всего один гульден, то окрашивание тысячи кусков обойдется всего в тысячу гульденов. Для производства в больших объемах необходимы подготовительные работы, особенно при химических процессах. К этому добавляются административные расходы, необходимость раскрывать свои секретные методы большому количеству людей, тысячи случайностей, возникающих из-за небрежности, недобросовестности или лени рабочих, рост цен на средства производства вследствие высокого спроса. Все эти расходы необходимо рассчитать и вычесть из прибыли, рассчитанной на основе небольшого эксперимента. Здесь не действует обычное правило, что дважды два равно четыре. Поэтому я указал Е. Е., что между небольшим экспериментом и крупномасштабным производством существует огромная разница и что в подобных исследованиях нельзя опираться на простые эксперименты. Даже если бы у меня не осталось ни малейшего сомнения в существовании чудесных секретных методов господина фон Сурмонта, я все равно не могу убедиться, что они приносят на крупном производстве такую же надежную и огромную прибыль, как он обещает.

Также история о его ценностях, оцениваемых в миллион, но заложенных в Зеландии, кажется мне весьма подозрительной. Такой богатый человек, у которого в кошельке целый Перу, закладывает свои ценности и владеет поместьем, которое еще не выплатил! Как вы согласитесь, дорогой граф, это явные противоречия.

Но в конце концов факты, которые вы видели и которые были проверены экспертами, удерживают меня от того, чтобы полностью поддаться этим сомнениям и трудностям. Я не убежден, но я хочу убедиться, и поэтому я беспокоюсь о том, что вы выбрали для размещения столь ценных мануфактур город на границе. Там вы неизбежно привлечете все внимание и ревность наших соседей. Даже сам господин фон Сурмонт не в полной мере безопасен там. Я действительно удивлен, господин граф, что вы, который, будучи очевидцем, наверняка больше верите в его секретные средства, чем я могу надеяться, не побоялись поставить все на карту, разместив его в Турне. Но и на это, наверное, есть свои причины. Таким образом, я с нетерпением жду вашего меморандума и ваших образцов.

Кобенцль Кауницу

Брюссель, 19 мая 1763 г.

Сегодня я не хочу утомлять Ваше Преосвященство длинными подробностями о г-не фон Сурмонте, так как надеюсь вскоре прислать подробный отчет. Все удивительное или непостижимое вызывает удивление, даже если его можно увидеть своими глазами. Превосходное качество и низкая цена должны обеспечить нам преимущество в красительном и кожевенном деле. Я надеюсь получить образцы и немедленно отправлю их Вашему Превосходительству. Между тем могу заверить, что не делаю ни шага без госпожи Неттине и что мы ограничиваемся в расходах. В качестве места я выбрал Турне, потому что там дешевле, и у меня там есть доверенное лицо и эксперт по мануфактурам (раса), и, наконец, потому что там я меньше всего опасюсь трудностей с отвратительными цехами. Мой муж сегодня возвращается из Турне и через два-три дня снова поедет туда с господином фон Неттине. Только последний должен быть посвящен в секретную процедуру, и она такова, что ни рабочие, ни мастера никогда не смогут ее угадать. Во время своей поездки в Париж госпожа Неттине не слышала ничего неблагоприятного о нашем человеке и через своих зятьев убедилась, что нам нечего бояться сопротивления ни в одном из наших предприятий. Как только господин Неттине узнает о секретной процедуре, мы составим надлежащий договор, который я представлю Вашему Превосходительству на утверждение. Таким образом, наши большие надежды, которые я возлагаю на это предприятие, станут реальностью.

Брюссель, 27 мая 1763 г.

Имею честь прислать Вашему Превосходительству образцы металла, окрашенного шелка, шерсти, кожи и дерева. Я оставил на посылках надписи, сделанные изобретателем, и пояснения, данные им. Надеюсь, Ваше Превосходительство сочтете все превосходным. Повторяю только, что все эти прекрасные краски изготовлены самыми простыми средствами и что кошениль не используется; таким образом, все очень дешево. Все другие цвета можно получить таким же образом. Я не видел окрашенного в зеленый цвет шелка, шерсти или дерева, но, как говорит мой муж, он тоже может это сделать.

Очень важно, как я сама проверила, что после окрашивания из красящей воды можно получить самые красивые краски, даже ультрамарин; до сих пор для получения синего цвета требовалась кошениль. Однако изобретатель считает, что он нашел способ, при котором это не требуется. Но я могу ручаться только за то, что видела сама.

В следующее воскресенье [353] он едет с Неттиной в Турне и расскажет нам все свои секретные методы. Неттина сама их опробует, пока он не будет уверен, что сможет их повторить. После этого мы составим наш договор, и я представлю его Вашему Превосходительству на утверждение.

Не нужно добавлять, что эти краски не единственные, которыми мы можем красить. Если Ваше Преосвященство пожелает иметь другие, нужно только прислать образец.

Брюссель, 28 мая 1763 г.

После отправки образцов, которые я послал Вашему Превосходительству, господин фон Сурмонт передал мне прилагаемое меморандум, который служит для дальнейших разъяснений [354]. Я надеюсь, что через несколько дней смогу сообщить, что он раскрыл нам свои секретные методы, поскольку завтра он определенно уезжает с молодым Неттине.

Дорн [355] Кобенцлу

Вена, 8 июня 1763 г.

Господин канцлер хотел сегодня ответить на три письма Вашему Превосходительству от 27 и 28 мая сего года, но ему помешала сильная колика. Поэтому я имею честь сообщить Вашему Превосходительству от его имени, что образцы окрашенного шелка и шерсти не вызвали здесь такого же восхищения, как в Брюсселе. Окрашивание дерева не является редкостью и не подходит для торгового товара, который должен конкурировать с более чем пятьюдесятью видами индийского дерева. Одни виды красивее других, и все они превосходят окрашенное дерево по цвету и гораздо лучше подходят для художественной столярной работы, так что их всегда будут предпочитать Вашему дешевому окрашенному дереву. Металлы являются самыми подозрительными и в то же время самыми незначительными из всех этих чудес. Только кожа, кажется, заслуживает некоторого внимания. Будут выставлены образцы окрашенного шелка и шерсти, которые у нас есть. Рядом с каждым видом будет указана цена за фунт. Другой образец будет выставлен для окрашенной кожи. Металлы будут химически проверены и проанализированы. Е. Е. должны получить всю информацию, которую мы можем собрать об этих вещах.

Однако пока что мы далеки от того, чтобы считать их столь прибыльными, как на это надеются в Нидерландах. Поэтому господин канцлер не может не сообщить Вашему Превосходительству, что все подготовительные работы, которые должны были быть проведены для производства в больших масштабах, должны быть прекращены, и что с господином фон Сурмонтом не следует заключать никаких соглашений, пока мы не будем в состоянии сообщить Вам о конкретном распоряжении Вашего Величества по этому вопросу.

Однако это не означает, что все должно быть отвергнуто. Среди этих секретных процессов есть некоторые, которые, примененные в небольших масштабах, могли бы принести некоторую прибыль. Но, судя по пробам, среди них нет ничего, ради чего стоило бы рисковать такими большими затратами, которые, возможно, потребуются для подготовки к созданию крупного предприятия.

Г-н фон Сурмонт в своем меморандуме обещает нам прогресс в тонкости и яркости цветов, но он должен понимать, что мы можем дать об этом окончательное суждение только на основе образцов, а они говорят в его пользу настолько мало, что наши местные краски для шелка гораздо лучше, чем его. Нас несколько удивляет, что его продукция не была сравнена с другими, или, если это было сделано, то что нас удалось обмануть. В Брюсселе есть — или, по крайней мере, должны быть — великолепные английские и блестящие, красивые французские краски, с которыми краски господина фон Сурмонта не выдерживают сравнения. Их превосходят даже наши венские краски. Низкая цена не может компенсировать этот недостаток, потому что либо мы хотим работать только на рынке Нидерландов, и тогда дело, безусловно, не стоит усилий, либо мы хотим продавать и за рубежом, и ввозить туда шелк для окрашивания. В последнем случае, однако, транспортные расходы и комиссионные сборы, потеря времени и, кроме того, низкое качество красок свели бы к нулю прибыль, которая могла бы быть получена за счет дешевизны. Окрашивание без кошенили и индиго не является искусством. Кункель, Лемэри [356] и многие другие широко распространенные книги раскрывают секрет и процесс производства. Только если бы без этих красителей можно было получить такие же яркие, красивые, светящиеся и стойкие цвета, как те, которые получаются на основе кошенили, индиго и других дорогих красителей, это было бы столь же прибыльным, сколь и редким. Но именно этого не хватает в образцах Сурмонта.

Представление, которое Вы все еще имеете о предполагаемых секретах Вашего адепта, перерастает в настоящий энтузиазм. Это превосходит мои представления. Поскольку вы

можете на месте сравнить окрашенные ткани с английскими, французскими и голландскими и с помощью знающих торговцев оценить оборот красочной фабрики в Европе, как можно представить, что вы воображаете, будто ваши краски, которые, за исключением желтого, на самом деле совершенно обычные, будут пользоваться большим спросом () или что появится возможность получить приличную прибыль? Я даже не говорю о той огромной прибыли, в которую вас уговорили. Поскольку у вас нет абсолютно ничего нового, монополия, единственный способ, с помощью которого можно хотя бы на время извлечь выгоду из новинок, также не входит в вопрос.

Ваши дерево и металл — это просто ничтожества, простите меня за выражение, мой дорогой граф! О дереве даже не стоит говорить. Что вы собираетесь делать с металлом? Допустим, он подходит для изготовления подсвечников, чистилок для свечей, зажигалок и т. д. Вы хотите создать мастерские для всего этого или продавать металл в слитках или блоках? В этом случае он либо будет подделан, и вы понесете только расходы, либо он будет дискредитирован из-за недостатков, которые привели к дискредитации стольких различных низкокачественных соединений меди и цинка, как томбак, симилор и т. д., которые требуют хорошего золотого покрытия, чтобы быть приемлемыми. В первом случае я спрашиваю: где перспектива огромной прибыли? Где хотя бы возможность вытеснить с рынка стольких уже существующих подобных фабрик? Какую гарантию вы имеете, что сможете покрыть хотя бы затраты на оборудование, управление и эксплуатацию?

О ваших маслах я промолчу. Представляя себе вашего авантюриста, я вынужден полагать, что ему удастся обмануть вас и в этом, как и во всем остальном. Как, господин граф? Человек, обладающий состоянием в полтора миллиона и такими чудесными секретными средствами, не должен сам ими пользоваться, а из чистой дружбы передать вам свои богатства? По правде говоря, такое поведение, по всей вероятности, слишком насмешливо по отношению к , чтобы произвести на кого-либо впечатление. Если бы этот человек был уверен в своем деле, ему нужно было бы только попросить у вас разрешения и затем работать на свой счет. Но его секретные средства будут стоить дорого, как вы сами сейчас говорите, и все же их использование должно быть дешевым. Мне кажется, что мы стоим перед решением этой головоломки, и это объясняет дружбу, которая подтолкнула его к откровенным признаниям.

Как бы то ни было, я вовремя предупредил вас, чтобы вы не рисковали деньгами за счет Вашего Величества. Поэтому я полагаю, что вы не зашли слишком далеко, и еще раз предупреждаю вас, чтобы вы не рисковали, пока мы не увидим ясно, совершенно ясно, на основании вашего меморандума. Только тогда мы сможем уполномочить вас на значительные расходы или дорогостоящие обязательства.

Кобенцль Кауницу

Брюссель, 25 июня 1763 г.

Я с полным почтением докладываю Вашему Преосвященству обо всем, что я договорил с этим странным человеком. Для полноты картины я должен повторить часть того, что я уже говорил в своих предыдущих докладах.

Этот человек посетил меня здесь, как бы проходя мимо. Несмотря на то, что его жизнь и сама личность окутаны таинственной тайной, я обнаружил у него выдающиеся способности ко всем искусствам и наукам. Он поэт, музыкант, писатель, врач, физик, химик, механик и глубокий знаток живописи. Короче говоря, он обладает универсальным образованием, которого я еще не встречал ни у одного человека, и он говорит на всех языках почти одинаково хорошо, лучше всего на итальянском, французском и английском (). Он объездил

почти весь мир, и, поскольку при всем своем знании он был очень интересным собеседником, я очень приятно проводил с ним свое свободное время. Я могу упрекнуть его только в том, что он часто хвастался своими талантами и происхождением.

До этого наши разговоры касались только вопросов образования и развлечений. Но когда он начал рассказывать мне о своих секретных средствах, показывал мне их результаты и давал надежду поделиться ими со мной, я не хотел больше полагаться только на себя и познакомил его с госпожой Неттиной. Она была не менее восхищена талантами господина де Сюрмона, чем я. Он проявил величайшую дружбу к ней, ее семье и ко мне, и мы поняли, что только от нас зависит, сможем ли мы завладеть всеми его секретами. Итак, мы усердно проверяли их пригодность и по результатам многих испытаний и заключениям всех экспертов пришли к выводу, что его металл, возможно, хорош, что его красители превосходны, что его древесина намного лучше, чем окрашенная во Франции, что его кожа имеет огромное значение и что его шляпы могут стать очень важным предметом торговли.

Чем дальше мы с ним продвигались, тем больше мы понимали, что его редкие дары шли рука об руку с крайней упрямостью, что он удовлетворял наши желания только для того, чтобы мы пошли навстречу его желаниям, и что нет другого способа получить его секретные средства, кроме как согласиться на строительство фабрики. Для этого я выбрал город Турне по ранее упомянутым причинам [359]. Но для этого были необходимы расходы. Чтобы согласиться на это, мне потребовалось бы предварительное разрешение, которое я, однако, не смог получить от Е. Е. Поэтому госпожа Неттина с присущим ей рвением вмешалась и, как она сама написала господину референдарии [360], заявила о своей готовности вести это дело за свой счет, если Ваше Величество не захочет его взять на себя.

В приложении 1 приводится перечень уже потраченных ею сумм, а также сумм, которые еще потребуются.

Таким образом, мы основали нашу мануфактуру. Граф несколько раз ездил в Турней, и купец Рассе, у которого я его разместил, с большим рвением помогал ему.

Тем временем граф рассказывал нам о своих богатствах, в частности о ценностях, которые он имел в Голландии. Мы хотели узнать об этом подробнее, и купец из Неймегена, его деловой партнер, оценил их как минимум в миллион. Поскольку у графа не было денег и он хотел перевезти сюда свои ценности, госпожа Неттина предоставила ему аванс, указанный в приложении 2. Однако мы заметили, что его деловой партнер из Неймегена, должно быть, был с ним в сговоре; ценности, прибывшие сюда, были совершенно незначительными, а то, что осталось в Голландии, состоит только из картин, которые он очень высоко ценит, но которые, по-видимому, имеют небольшую ценность. Кроме того, мы заметили, что граф был в долгах и его кредиторы в Голландии оказывали на него давление. К тому же в его личных делах царит такой беспорядок и такая расточительность, что мы удивляемся его знаниям в этой области.

Поэтому мы могли только пожелать избавиться от него, узнать его секретные средства как можно дешевле, избежать любых дальнейших расходов и передать руководство предприятием человеку, который, не имея порядка, растрачивал доходы на чрезмерные расходы. С этой целью я послал виконта де Неттина в Турне, чтобы он узнал там все секретные средства и сам их опробовал. Как только я убедился, что они у нас есть, я послал своего племянника [361] с господином Валькиером в Турне, чтобы заключить сделку с графом. Они сделали это на условиях, указанных в приложении 3.

Теперь мы владеем следующим секретным методом: мы можем превращать железо в металл. Если этот металл хорош, то это еще одно преимущество. Если он не годится, то затраты ничтожны, и мы используем его очень мало, так как для окрашивания кож не требуется много воды. Но эта окраска имеет огромное значение, и металлическая вода не только обеспечивает окраску, но и сжимает шкуры, делая их более прочными и сохраняя их крепость. Таким образом, мы создали кожевенный завод, о котором говорится в приложении 4. Приложение 5 содержит сравнение цен на шкуры, принятых в стране до сих пор, и цен, установленных в соответствии с нашей технологией.

Мы владеем технологией окрашивания шерсти, шелка, пряжи, козьего волоса и хлопка. Важность этого дела следует из разницы в ценах между нашей технологией окрашивания и ранее применяемой, представленной в приложении 6. Сбыт обеспечен, поскольку наши крупнейшие купцы уже поспешили передать нам свои сукна, камелот, шелковые и шерстяные ткани для окрашивания. Уже одна только эта отрасль промышленности может принести Вашему Величеству значительную прибыль, а местным провинциям — бесконечные блага.

Остатки затем используются для окрашивания дерева, что является бесплатной прибылью. Даже если она незначительна, она заслуживает внимания как чистая прибыль.

Краски, которые, как мы знаем, опробованы французскими художниками, также приносят чистую прибыль без каких-либо затрат, поскольку получаются только из осадка вышеупомянутых, уже использованных красителей.

Наконец, производство шляп также является очень значительной статьёй, как следует из приложения 7.

Из всех этих подробностей Ваше Превосходительство можете увидеть, какие технологии мы приобрели, какую прибыль мы можем от них ожидать и какие расходы мы уже понесли. Мне остается только сообщить о дальнейших необходимых расходах, которые указаны в приложении 8.

Теперь все зависит от высшего решения: хочет ли Ваше Величество передать предприятие госпоже Неттине или взять его на свой счет. Последнее, на мой взгляд, рекомендуется во всех отношениях. В этом случае госпоже Неттине пришлось бы выплачивать четыре процента годовых на ее авансы по предприятию и постепенно возвращать капитал из прибыли. Также было бы справедливо и разумно назначить ее сына генеральным директором предприятия. Он особенно подходит для этой должности благодаря своему усердию и проницательности, а также тому, что является единственным владельцем секретного процесса (). Ему нужно только подчиняться Его Королевскому Высочеству [362] и надзору министра. Государственный советник и директор лотереи Валькиерс [363] мог бы быть назначен королевским комиссаром по делам предприятия, которое было бы присоединено к управлению лотереей. Учитывая ожидаемую прибыль, Неттина могла бы получать либо фиксированную зарплату, либо долю прибыли.

Прошу Ваше Преосвященство передать мне распоряжения Вашего Величества по всем этим вопросам и лишь отмечу, что во всем этом я действовал с высшего одобрения Его Королевского Высочества и отправляю этот отчет, который я ему зачитал, только по его распоряжению.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Перечень средств, выделенных на мануфактуру в Турне

Красильня и склад

Два больших дома, один для отбеливания шелка и окрашивания в целом, другой в качестве общего склада, а также два небольших примыкающих дома. Сумма покупки в гульденах куррант

31 035 гульденов.

5 соль, 4 пфеннига [364]

(NB. Из этих 31 035—5—4 гульденов оплачено только 12 400. Остальная сумма взята в ипотеку под 4 процента.)

	гульден
Дом, соединенный с первым,	3000—
На покупку участка земли для расширения водопровода, проходящего через сад красильни,	630—
Оборудование для использования водопровода	1000—
Ремонт вышеуказанных зданий	7500—
Ремонтные работы, которые еще продолжаются, не более	3000—
Большой оловянный котел и чан из желтой меди для красильни	5300—
Маленькие ведра из олова и фаянса, прессы и другое необходимое оборудование для крашения	3000—
Три цилиндра	2000—
Общие расходы на крашение	56135—5—4

Кожевенный завод

	гульден
Покупка дома для кожевенного завода	7800—
На необходимые переделки	9000—
Для необходимого оборудования	2500—
Общие расходы на кожевенный завод	19300—

Шляпная фабрика

	гульден
Покупка дома для шляпной фабрики	1500—
Выполненные и предстоящие ремонтные работы	2760—

Устройство для 6 валяльных машин	1440—
Общие расходы на фабрику по производству шляп	5700—

	гульден
Покупка дома для графа Сурмонта	13500—
Различные другие расходы	

	гульден
Расходы и сборы за покупку вышеуказанных домов	800—
Различные расходы господина Рассе на производство	4500—
Итого	5300—

Общая сумма

	гульден
Расходы на красильную мастерскую и склад	56135—5—4
„ „ „ Кожевенный завод	19300—
„ „ „ Шляпная фабрика	5700—
Дом для графа	13500—
Различные расходы	5300—
Общая сумма Гульден Курант	99935—5—4

2. Перечень авансов и расходов для графа Сурмонта

	гульден
Различные авансы г-жи Неттине	81720—
Расходы господина Рассе и госпожи Неттине на содержание графа, а также на его поездки в Турне и т. д.	12280—
гульдена куранта	94000—

3. Предварительные условия, согласованные между графом Кобенцлом и графом Сурмонтом

Граф Сурмонт получает *пожизненную* [365] половину доли в мануфактурах, построенных в Турне.

Из причитающейся ему прибыли должны быть вычтены авансированные ему суммы и расходы, произведенные для него. После вычета он может свободно распоряжаться своей прибылью.

Граф обязуется перед графом Кобенцлом также раскрыть секреты производства синего и зеленого цветов, очистки масел, чесания кожи для изготовления шляп или для любого

другого известного ему использования, а также раскрыть любые другие секретные методы или любые подходящие средства для достижения максимальной эффективности мануфактур.

Граф Сурмонт подписал эти условия.

4. и 5. Кожевенное производство и т. д.

Шкура быка весом 70 фунтов стоит, после дубления и обработки, включая заработную плату и расходы, 14 гульденов 15 солей. Шкура обычно теряет половину своего веса и продается по 9 солей за фунт, таким образом, 35 фунтов = 15 гульденов 15 солей. Прибыль на каждую шкуру составляет 1 гульден 10 солей или 11 процентов.

Кожа коровы весом 45 фунтов, выделанная и обработанная, стоит 7 гульденов 15 солей. После полной отделки она весит всего 15 фунтов и продается по 14 солей за фунт, то есть за 10 гульденов 10 солей. Прибыль с каждой шкуры составляет 2 гульдена 15 солей, или около 29 процентов.

Телячья шкура весом 12 фунтов, выделанная и обработанная, стоит 3 гульдена. После отделки она весит всего 4 фунта и продается по 17,5 солей за фунт, то есть за 3 гульдена 10 солов. Прибыль составляет 10 солов за шкуру или 16 процентов.

1 дюжина козьих шкур весом 20 фунтов стоит 23 гульдена. После отделки эти шкуры весят только 18 фунтов и продаются по 2 гульдена за фунт, то есть за 36 гульденов. Прибыль за 1 дюжину составляет 13 гульденов, или около 55 процентов.

Кожа марокин, выделанная с помощью сумаха в жире, также весом 20 фунтов, стоит 18 гульденов 15 солей за дюжину. После отделки она весит только 16-17 фунтов и продается по 2 гульдена 16 солей за фунт, то есть примерно 44 гульдена 5 солей. Таким образом, прибыль за 1 дюжину составляет 25 гульденов 10 солей, или около 135 процентов.

Красная кожа марокин, дубленая желчными яблоками, при том же весе стоит 32 гульдена 10 солей за дюжину. После отделки она весит 12 фунтов и продается по цене не менее 4 гульденов 15 солей за фунт, то есть 57 гульденов. Прибыль составляет 25 гульденов 10 солей за дюжину или 68 процентов.

Также белая кожа марокин.

Все это производится без использования секретных методов графа Сурмонта, а с помощью средств, которые позволяют получить еще более красивые цвета по еще более низкой цене.

6. Красильня

Отделывание шелка

Благодаря секретному методу графа Сурмонта уже достигнута 50-процентная прибыль, поскольку шелк теряет только $\frac{1}{8}$ своего веса, в то время как при обычном методе — вдвое больше. Кроме того, это гораздо дешевле, поскольку отжиг шелка обычно стоит 10 солей за фунт, а здесь — не более 6.

Помимо этих преимуществ, шелк становится гораздо красивее, прочнее, полнее и гораздо лучше впитывает краску, чем раньше.

Окрашивание шелка

Красный. Окрашивание фунта шелка в карминовый цвет стоит всего 21 соль, в Антверпене — 42 соля. Разница составляет 100 процентов. Окрашивание того же количества в понсовый красный цвет стоит всего 4 гульдена, в Антверпене — 24. Разница составляет 500 процентов. В ярко-красном цвете такое же количество стоит всего 40 соль, в Антверпене — 12 гульденов; разница составляет 600 процентов. Нежный вишнево-красный цвет стоит всего 20 соль, в Антверпене — 4 гульдена; разница составляет 400 процентов. Розовый — 20 соль, в Антверпене — 3 гульдена; разница составляет 300 процентов.

Фиолетовый. Фунт шелка нежно-пурпурного и других оттенков фиолетового стоит всего 18 солей, в Антверпене — 36 солей; разница составляет 200 процентов.

Желтый. Фунт шелка самого яркого желтого цвета, например, для тесьмы, стоит всего 2 гульдена, в Антверпене — 10 гульденов; разница составляет 500 процентов.

Другие оттенки соответственно.

Окрашивание сукна, шерсти, камелота, козьего волоса и т. д.

Красный. Окрашивание сукна, шерсти, камелота и козьей шерсти в карминовый, ярко-красный, алый и все оттенки нежно-красного цвета стоит всего 7 солей. Здесь эти цвета стоят 28 солей. Разница составляет 400 процентов. Розовый — менее 5 солей, в остальных случаях — 10 солей; разница составляет 200 процентов.

Фиолетовый. Ткань, шерсть, камелот и козья шерсть стоят всего 6 солей за фунт, в остальных случаях — 24; разница составляет 400 процентов.

Желтый. Ткань, шерсть, камелот и козья шерсть стоят только 2 соля за локоть и фунт, в остальных случаях — 4 соля; разница составляет 200 процентов.

Окрашивание дерева

После окрашивания шелка или шерсти вода, оставшаяся в чанах, больше не подходит для окрашивания тканей, но может быть использована для окрашивания дерева без каких-либо затрат (). Несмотря на то, что эти разноцветные породы дерева приносят небольшую прибыль, она является чистой прибылью.

Краски

После окрашивания дерева краситель оседает. На дне остается очень красивая краска, которая также ничего не стоит.

7. Производство шляп

Граф Сурмонт владеет секретным методом производства шляп, который может принести очень большую прибыль. Он пообещал показать его. Но даже без этого метода производство шляп принесет очень приличную прибыль.

Вид	Текущие затраты в оптовой покупки в гульденах	В будущем, включая заработная плата и прочие расходы	прибыль в гульденах	в процентах
Высококачественный бобр	9—7—8	7—14—	1—13—8	18
Обыкновенный бобр	7—9—8	6—10—8	—19—	13
Полубобр	5—2—8	4—11—	—11—8	11
Обычный полубибер	4—13—8	4—4—8	—9—	10

В эксплуатации находятся 6 валяльных машин. Каждая из них производит 16 шляп в день, таким образом, общая суточная производительность составляет 96 шляп, а за 250 рабочих дней в году — 24 000 шляп с прибылью не менее 20 000 гульденов курранта.

8. Состав персонала для управления мануфактурами

	Гульден
Г-н Рассе, директор	3000
« де Ланнуа, заместитель директора	2500
« де Ланнуа-младший за корреспонденцию	500
1 бухгалтер для красильной фабрики	500
« » «Кожевенный завод»	500
1 складской менеджер	1000
гульден	8000

Кобенцль Кауницу

Брюссель, 2 июля 1763 г.

Ваше Преосвященство теперь располагает всеми материалами по нашему секретному делу. Я жду Вашего решения и хотел бы добавить лишь несколько замечаний к Вашему письму (от 21 июня).

Я полагаю, что в таких делах с близкого расстояния легче ошибиться, чем с дальнего. Присутствие и красноречие человека могут ослепить. Но с дальнего расстояния видны только факты, и их можно оценить беспристрастно. Чтобы быть беспристрастным и в этом случае, я обратился за консультацией к экспертам, и каждый из них признал все окрашенные ткани прекрасными. Низкие производственные затраты, безусловно, придают им высокую ценность. Наш производитель тесьмы и торговец шелком Барбьери, наш производитель камвольной ткани Франколет и наш производитель сукна т'Кинт на коленях просят меня ускорить работу этой красильни, которую они считают чрезвычайно ценной для государства.

Окрашивание дерева является побочным продуктом, который не требует никаких затрат. Если наши и парижские столяры-ремесленники () захотят купить дерево, это будет дополнительная прибыль; если нет, то дело будет закрыто.

Если металл хорош, как полагает химик, которого я опросил, то это может быть прибыльным; если нет, то производят только столько, сколько нужно для производства воды, которая отлично подходит для чернения кожи. Производство ста фунтов металла достаточно для окрашивания нескольких тысяч шкур. Я называю эту воду чудесной, потому что сам провел эксперимент и смешал ее с пресной водой в соотношении 1 к 60. Она мгновенно окрашивает кожу насквозь в самый красивый черный цвет. Если оставить кожу в ней на несколько часов, она сжимается настолько, что очень прочная коровья кожа становится тонкой, как двойной лист бумаги, не теряя при этом своей формы. Я не ошибаюсь, когда говорю, что это чрезвычайно важно. Производство шляп также важно, и то же самое, как доказано, относится к маслам.

Я убежден во всех этих фактах, но не в богатстве моего мужа. Я понимаю, что он передал мне свой секретный метод, потому что находился в крайней нужде и не мог сам его использовать.

Кондиционный договор, который я заключила с ним [366], доказывает, что секретные методы, хотя и обходятся дорого из-за выплаченных ему авансов и затрат на оборудование, в конечном итоге фактически ничего не стоят, поскольку эти суммы зачисляются в долю прибыли, обещанную графу Сурмонту. Я также не рисковал ничем для Вашего Величества, поскольку госпожа Неттина с удовольствием берет все на себя за свой счет. Но если Ваше Величество, как я и желаю, сохранит это предприятие за собой, то госпожа Неттина готова предоставить аванс под обычный процент в 4 процента.

Если это предприятие будет связано с лотереей и тотализацией, то, надеюсь, вскоре станет ясно, что эти три предприятия являются значительным источником дохода для государственного бюджета.

Кауниц к Кобенцлу

Вена, 5 июля 1763 г.

В ответ на Ваш отчет (от 25 июня) с досадными подробностями Вашего предприятия в Турне я мог бы сразу же сообщить, что *Ваше Величество не участвует в нем ни копейкой* [367]. Однако я не хочу предвосхищать официальное решение, которое будет Вам направлено.

Я также не хочу указывать на изменение вашего мнения о личности и тайных средствах этого мошенника. Мне достаточно того, что я обозначил его как такового, несмотря на уверенный тон, с которым вы говорите о его богатствах, его возвышенных знаниях и миллионах, которые он хочет достать нам из *дружбы* [367] к вам и семье Неттине.

Хотя в моем ответе на ваш первый отчет [368] о ваших предприятиях, который, как я теперь вижу, пришел *несколько поздно* [367], я не хотел и не мог прямо сказать вам, что ваш энтузиазм может затуманить ваше ясное видение вещей, я все же дал вам — вы помните об этом — довольно ясно дал понять, что не склонен верить в факты, о которых вы сообщили. Я использовал выражение «»: против фактов можно возразить только тем, что их правильно ли увидели. К этим сомнениям я добавил предосторожное предупреждение, *чтобы не ставить под угрозу интересы Вашего Величества* [369].

Эта осторожность была совершенно необходима. Вы тогда написали мне: «Я дал *очень небольшую сумму* аванса [369] через госпожу Неттину». Сегодня эта *очень небольшая сумма* [369] уже превышает 190 000 гульденов [370]!

Описание, которое я дал вам этого знаменитого авантюриста или мошенника — ведь, в конце концов, мошенник — это не что иное — явно не произвело на вас впечатления, поскольку вы, возможно, полагали, что разгадали загадку, как можно использовать его таланты, не опасаясь его мошенничества. Ведь Ваш постоянный ответ на мои предупреждения был: «Какое нам дело до его ошибок, если у нас есть его секретные средства!»

Однако Ваше Величество не согласилось с моим отчетом о вашем письме и моем ответе. В заключение моего отчета было сказано:

«Я ни отверг, ни одобрил ваши грандиозные планы. Возможно, среди большого количества секретных средств, использование которых обещает блестящие успехи, есть и несколько действительно полезных. Но возможно, что все это рассеется как дым. В любом случае, было бы целесообразно, если бы Ваше Величество сохранило содержание моего доклада в тайне; ведь в первом случае Сен-Жермен слишком сильно опасался бы разоблачения, а во втором случае пришлось бы прикрыть завесой слабость правительства, которое позволило себя обмануть мошеннику [371].»

Такова была моя позиция на протяжении всей нашей переписки. Хотя она, по-видимому, не произвела на вас впечатления, я из соображений такта и дружбы не сообщил вам, что Ваше Величество сказало о моем докладе. Я сообщаю вам это в полной конфиденциальности:

«Я полностью убежден, что изображенная вами картина более соответствует действительности, чем картина Кобенцля, и что эта глупость должна оставаться в тайне. Я хотел бы, чтобы министр излечился от нее [372].»

Итак, глупость совершена, и бедная женщина Неттина, которую я искренне сожалею, находится в большой опасности заплатить за все. Как она могла, увидев его красивые глаза, авансировать этому негодяю 81 720 гульденов? Как вы, со своей стороны, могли смотреть, как он потратил 12 280 гульденов только на поездки и питание [373]? Как можно было, помимо всего прочего, согласиться на расходы в размере 99935 гульденов [374], не приобретая до сих пор ни пенни на производственные средства или сырье для ваших фабрик, да и не узнав от мошенника секреты, которые, по-видимому, обещают наибольшую выгоду? Вы уверены в нем, говорите вы. Да, настолько уверен, что я не удивлюсь, если однажды утром он сбежит со всем, что у вас украл, оставив вас со всем вашим богатством и вашей четырех-пятисотпроцентной прибылью!

Но после всего, что я вам уже написал по этому поводу, дальнейшие разговоры бессмысленны. Ваши расчеты кажутся мне расчетами ремесленника, который говорит себе: «Помощник приносит мне ежедневно $\frac{1}{4}$ гульдена; значит, я возьму 400; это даст 100 гульденов в день». Но найдется ли у него столько работы, чтобы он мог нанять четыреста помощников? Найдётся ли столько сбыта для ваших обычных окрашенных тканей, чтобы вы зарабатывали 4-500 процентов и хотя бы покрывали свои текущие расходы? Была ли рассчитана потребность в окрашенных тканях внутри страны? Ведь о зарубежных рынках не может быть и речи, ни об Англии, ни о Франции, Голландии, Италии, Германии и т. д.

Но как бы то ни было, я представлю Вашему Величеству подробный отчет и приду к следующим выводам:

1. Фабрики не подходят для государственного управления ни по сути, ни с точки зрения отдельных аспектов и административных расходов.
2. Если, несмотря на все, что я привел против, производство или использование секретного метода Сурмонта принесет прибыль, то г-жа Неттина имеет на нее первоочередное право.
3. Таким образом, нельзя отказывать ей в защите и льготах, которые она будет просить у правительства, тем более что принцип правительства состоит в том, чтобы предоставлять мануфактурам любую поддержку, совместимую с конституцией страны.

Я надеюсь, что Ваше Величество одобрит эти выводы, но не могу этого гарантировать. Между тем, мои предыдущие письма уже дают Вашему Превосходительству необходимые указания.

Кауниц Марии Терезии

Вена, 21 июля 1763 г.

Ваше Императорское Величество помнит, что 22 апреля этого года [\[375\]](#) я представил доклад графа Кобенцля о гигантских прибылях, которые он обещает получить от секретных методов окрашивания тканей и нескольких других видов торговли, которыми, как он утверждает, владеет своеобразная личность, ранее известная как граф Сен-Жермен.

Кауниц повторяет содержание доклада Кобенцля от 8 апреля и своего ответа от 19 апреля [\[376\]](#).

Государственный канцлер граф Кауниц

Гравюра Пацци

Ваше Превосходительство одобрило мое мнение по этому вопросу и мои указания графу Кобенцу. Крупные проекты этого министра показались Вам самым глупостью, которую необходимо держать в секрете, и от которой Ваше Превосходительство пожелало избавить его.

То, что граф Кобенцль с тех пор рассказывал мне о своем чудотворце и его проектах, только подтвердило мое первоначальное мнение. Чем подозрительнее становилось дело, тем больше я заботился о том, чтобы обеспечить интересы Е. М., и, как мне кажется, мне это удалось. Тем не менее, я не смог помешать г-же Неттине выплатить уже почти 200 000 гульденов авансом за фабрики в Турне [377], которые были построены графом Кобенцлем по настоянию Сурмонта.

Однако прежде чем я перейду к более подробному описанию этих инвестиций и их назначения, я должен сообщить Е. М. о противоречивых заявлениях графа Кобенцля, о личности и богатстве их основателя.

Сначала министр говорил об этих богатствах в тоне, который не оставлял места для сомнений. Тем не менее я сомневался и попросил графа Кобенцля сообщить, насколько он уверен в существовании этих предполагаемых богатств и какого они характера, состоят ли они из денег, ценных бумаг, земельных владений или торговых ценностей. Я также рассказал ему анекдоты, из которых следовало, что этот человек хвастался своими богатствами и во Франции и в своей дерзости зашел так далеко, что что он официально купил у графа Сен-Флорентина поместье стоимостью 1 800 000 ливров, но в день оплаты обещанные задолженности и векселя не поступили, и покупатель был вынужден покинуть Францию [378].

На все это министр ответил мне 28 апреля [379], что Сурмонт купил поместье Убберген в Голландии, заплатил за него две трети стоимости и принял название этого поместья. Кроме того, он владел ценностями, которые он оставил на хранение у госпожи Неттине, и человек, который заложил их в Зеландии, оценил их стоимость в более чем миллион. Как признал граф Кобенцль, Сурмонт много говорил о своих богатствах. Но он повторил, что тот должен быть очень богат, потому что везде, где бывал, он делал сказочные подарки и много тратил, *не оставляя нигде долгов* [380].

О покупке поместья графом Сен-Флорентином министр ничего не знал. В остальном он пытался опровергнуть мои другие возражения относительно характера и жизни Сурмонта, указав, что этот человек ничего не требовал от нас и что он хотел передать ему свои секретные средства из дружбы; таким образом, его личные качества не должны иметь для нас значения, если только мы получим его секретные средства.

Эти объяснения не смогли стереть впечатления, которые я получил от других сведений об этом человеке. Какое представление можно было бы составить о богатстве неизвестного Сюрмона (), чьи ценности заложены, а земля не оплачена? 10 мая [381] я обратил внимание графа Кобенцля на эти противоречия и, учитывая приключения Сурмонта во Франции, не скрывал от него своих опасений, что в таком приграничном городе, как Турне, где граф Кобенцль хотел построить фабрику, он может оказаться в опасности.

Министр ответил на все эти сомнения лишь заверениями, что госпожа Неттина во время поездки в Париж не узнала ничего плохого о Сурмонте и убедилась у своих зятьев, что нам нечего бояться сопротивления ни в одном из наших предприятий [382].

Неизменное доверие, которое госпожа Неттина проявила к этому человеку после опроса своих зятьев в Париже, начало развеивать мои сомнения. Я не скрывал этого от графа Кобенцля в своем письме от 31 мая. Но когда через несколько дней пришли образцы искусства Сурмонта, я ясно понял, что он сумел обмануть нас как в отношении реальности своих секретных средств, так и в отношении своего личного положения. Кроме того, в своем письме от 9 июня граф Кобенцль уже не хвастался тем, что получает эти секретные средства из дружбы. Он уже тогда сообщал, что они будут стоить дорого, а 25 июня он полностью

изменил свой тон в отношении богатства и характера Сурмонта. Я прилагаю этот отчет вместе со всеми приложениями [383]. Как он признался, он поинтересовался богатствами Сурмонта, особенно ценностями, у одного из Нимвегена купца и делового друга Сурмонта и узнал, что они стоят не менее миллиона. Поскольку он все равно был без денег и хотел, чтобы его ценности из были доставлены в Турней, госпожа Неттине авансировала ему 81720 гульденов. Кроме того, было видно, что купец из Неймегена был с ним согласен в том, что в Брюссель были привезены только очень незначительные ценности, а те, что остались в Голландии, состояли только из картин, которые, хотя и были очень высоко оценены Сурмонтом, но, по-видимому, имели очень небольшую ценность. Кроме того, выяснилось, что он был в долгах, подвергался давлению со стороны своих голландских кредиторов и не вел упорядоченный и бережливый образ жизни. Тем не менее граф Кобенцль по-прежнему считал его обладателем удивительных секретов. В то же время он жаловался на его капризы и причудливый характер.

Все это резко контрастирует с первыми сообщениями министра о его честности, скромных нравах и богатстве. Я не понимаю, как можно было так долго обманываться, в то время как я, получив первые известия из Брюсселя, сделал все возможное, чтобы предупредить графа Кобенцля об ораторском таланте и особом даре этого мошенника, способного завоевать доверие даже самых скептически настроенных людей. Я особо указал ему на приключения Сурмонта во Франции и сказал ему буквально, что тот сумел там удержать всех, кто надеялся разделить его щедрость и обещанные им чудеса, в состоянии своего рода благоговения, так что они даже отказались от права на сомнение. Несмотря на мое предупреждение, ему слишком хорошо удалось повлиять на графа Кобенцля и семью Неттине, как это было в течение некоторого времени с частью французского министерства.

Судя по авансам и большим расходам, которые были произведены исключительно для его личности и уже составляют 94 000 гульденов [384], восторг в Брюсселе, должно быть, был еще больше, чем в Париже. Очевидно, граф Кобенцль, обнаружив ошибки Сурмонта, счел себя способным использовать его таланты, не опасаясь его махинаций, поскольку на мои подозрения он всегда отвечал: «Какое нам дело до его ошибок, если у нас есть его секретные средства?».

Такой подход мог бы показаться оправданным, если бы реальность его предполагаемых секретных средств и огромные прибыли от них были заранее точно установлены. Но в то время, когда еще остается вопросом, следует ли верить чудесам, обещанным авантюристом, осторожность требует тщательно учитывать его нравы, характер, личные обстоятельства, предыдущие приключения и т. д. Все это, однако, говорит против предполагаемого графа Сурмонта и само по себе было бы достаточным основанием для отклонения его проектов.

Кауниц рассматривает предложения Кобенцля о переходе мануфактур в государственную собственность и отклоняет их, поскольку они не принесут обещанной прибыли. Присланные образцы являются некачественными, и, несмотря на низкую цену, не следует ожидать большого объема продаж. Переходя к отчету Кобенцля от 25 июня, Кауниц критикует ненадежность документов, а также отсутствие синего и зеленого цветов.

Если новые мануфактуры в Турне уже не подходят нам по объективным причинам, то тем более не подходят из-за больших затрат, которые уже были понесены, и дорогостоящего управления, которое, по словам графа Кобенцля (), они требуют. Как уже подчеркивалось выше, г-жа Неттина Сурмонт уже авансировала или выложила за него 94 000 гульденов, но до сих пор не удалось вывести у него секретные технологии, которые, по-видимому, являются

наиболее перспективными. Расходы на заводское оборудование уже составляют 99 935 гульденов, 5 солей и 4 пфеннига, при этом до сих пор не было приобретено ни пфеннига производственных средств или сырья, ни потрачено ни копейки на наем рабочих. Кроме того, все эти расходы свидетельствуют о расточительстве, которое не позволяет сделать благоприятных выводов о будущих текущих расходах.

Только на содержание Сурмонта и его поездки было потрачено 12 280 гульденов. Для него в Турне был куплен жилой дом за 13 500 гульденов, а различные не подтвержденные расходы купца Рассе, который должен стать одним из директоров, составляют 5300 гульденов [385]. Административный план, разработанный графом Кобенцлом, не отличается особой экономичностью. Заработная плата двух директоров и остальных сотрудников составляет 8000 гульденов в год [386]. Кроме того, министр предлагает назначить сына госпожи Неттине, которому Сурмонт доверил свои секретные процедуры, генеральным директором всего нового предприятия и подчинить его только Его Королевскому Высочеству и надзору министра. Кроме того, он считает, что государственный советник Валькиерс должен быть назначен королевским комиссаром в этом предприятии, руководство которым будет связано с лотереей, и что Е. М. мог бы предоставить молодому Неттине фиксированную зарплату или долю прибыли.

Одновременно граф Кобенцль присылает мне предварительный договор, заключенный с Сурмоном [387], согласно которому последний получает пожизненную половину доли в рассматриваемых предприятиях, авансированные ему суммы вычитаются из его доли прибыли, и Сурмон, со своей стороны, обязуется указывать способ производства синего и зеленого цветов, усовершенствование масел, чесание кожи для шляпной фабрики или для любого другого известного ему использования, а также любое другое секретное средство или метод, с помощью которого мануфактуры могут быть доведены до наивысшего совершенства.

Таким образом, Сурмонт не только сумел выбить сумму почти в 100 000 гульденов, возврат которой основан на, по крайней мере, очень сомнительной, если не полностью недействительной прибыли, но и обеспечил себе возможность дальнейшей прибыли от своих якобы секретных методов, поскольку он оставил за собой, по-видимому, самые важные из них и, несомненно, будет брать за них дорого. Кроме того, он обещает научить тому, чего, по его собственному признанию, сам еще не понимает, а именно изготовлению синего цвета. Речь может идти только об изготовлении без кошенили, поскольку о чем-либо другом никогда не было и речи. Теперь граф Кобенцль 27 мая прямо пишет мне, что Сурмонт не знает этого способа изготовления и только надеется найти метод, который сделает этот дорогой ингредиент ненужным. То же самое, вероятно, относится и к зеленому цвету, который он утверждает, что может изготовить, но образец которого министр еще никогда не видел [388]. Как уже упоминалось выше, нигде в списке цен на новые краски не упоминаются эти два цвета.

Все это добавляется к причинам, по которым не рекомендуется финансировать предприятие за счет государства. Тем не менее граф Кобенцль считает это наиболее целесообразным. Если Е. М. согласится, он хочет выплатить г-же Неттине аванс за указанные предприятия в размере 193 935 гульденов, 5 сольдов и 4 пфеннигов с 4-процентными процентами и постепенно погасить его из прибыли.

При этом он неоднократно уверяет меня, что если Е. М. не захочет взять на себя управление фабриками Сурмонта за счет государства, г-жа Неттине с удовольствием возьмет их на свой счет. Кроме того, он объясняет мне, что во всем этом деле действовал с согласия Его Королевского Высочества, и просит меня сообщить ему о высшем решении Е. М. по этому вопросу.

Из всего сказанного следует, что

1. Граф Кобенцль, госпожа Неттине, ее семья, а также все, кто участвовал в нелепом мистификации с якобы секретными средствами этого авантюриста, были настолько обмануты, что сделали авансы и расходы на сумму почти 100 000 гульденов только для его лица и на счет его огромных богатств, которые, как они сегодня признают, ограничиваются ничтожными суммами и превратились в долги, которые, несомненно, являются результатом мошенничества, подобного тому, которое было совершено в Брюсселе.
2. После того как они так грубо обманывались относительно характера этого мошенника, несмотря на то что знали его историю и его приключения, они дают нам право не доверять их суждению о секретных средствах, которые он так дорого обманом выманил у них. Это обоснованное недоверие усиливается отказом, который Сурмонт получил во Франции, Голландии, Англии и везде, где он, как и у нас, рекламировал свои жалкие секретные средства. Таким образом, я мог бы сэкономить себе все сравнения, расчеты, пробы и испытания.

Из них следует:

3. Окрашенные шелковые и шерстяные ткани не предлагают публике ничего нового и поэтому не могут претендовать на преимущества новизны и монополии. Даже в известных цветах они не предлагают ничего выдающегося и далеко не во всех цветовых гаммах. Даже венские окрашенные ткани превосходят его по цветовой гамме; тем более они не могут конкурировать с английскими, французскими и голландскими!
4. Таким образом, все их ожидания основаны только на продажах в Нидерландах. Но они не смогли или не захотели рассчитать его объем, хотя это было бы единственным надежным ориентиром для расчета размера доходов и сопоставления их с расходами. Ведь без такой предварительной оценки может, да даже должно случиться, что в результате поспешного и крайне необдуманного начала крупного производства они за месяц окрасят больше тканей, чем местные фабрики могут потреблять за год.
5. В лучшем случае, то есть если бы можно было обеспечить весь внутренний рынок, это предприятие было бы морально неправильным и политически ошибочным. Неправильным, потому что все частные красильни были бы обречены на нищету, будь то добром или силой. Добром, если бы их превзошли дешевыми ценами; силой, если бы к дешевизне добавился еще и монопольный контроль. Политически это предприятие было бы неправильным, потому что даже если предположить, что все частные предприятия можно национализировать — что полностью противоречит повседневному опыту —, то эти предприятия в частных руках были бы гораздо ценнее для государства, чем государственные предприятия. Ведь в первом случае они способствуют росту населения, стимулируют конкуренцию, увеличивают каналы обращения, стимулируют внутреннюю торговлю продовольствием, умножают ее ценности и поддерживают сельское хозяйство и оборону страны. В государственных предприятиях, напротив, в результате объединения все эти благоприятные факторы исчезают; содержание тысячи семей потребляется сотней служащих и рабочих, и сотня людей обедняется, чтобы обогатить одного. Такое предприятие ни в коем случае не принесло бы пользы подданным Е.

М., как смело утверждалось, а привело бы их к гибели. Они по праву будут громко жаловаться, и мы навлечем на себя самые горькие жалобы и претензии со стороны сословий. Но если в лучшем случае это необходимые последствия такого предприятия, то невозможно согласиться с графом Кобенцлом в том, что справедливость является единственным средством для захвата всего потребления окрашенных тканей в Нидерландах. Таким образом, все его ожидания рушатся, и ему остается только сожалеть о том, что он пошел на такие большие жертвы. И действительно, Кобенцл не прав, потому что он не доказал, что возможно исключить частную промышленность со всеми ее вспомогательными средствами и навсегда лишить ее знания секретного процесса, который, по словам госпожи Неттине, довольно легко угадать. В конце концов, он также не доказал, что можно превзойти частную промышленность красотой и качеством красок, а также низкой ценой, если она однажды начнет работать по его секретному методу.

Из моего изложения следует также:

6. Что прибыль от кожевенного производства сегодня получают местные кожевники, и что граф Кобенцль надеется только увеличить эту прибыль с помощью секретного метода Сурмонта. При этом кожевенное производство заслуживает наибольшего внимания среди всех предполагаемых секретных методов, и именно о нем они знают меньше всего, поскольку все их положительные данные ограничиваются весом шкур, обрабатываемых и продаваемых сегодня нашими кожевниками. Точно так же можно сказать: в Нидерландах есть 10 000 сапожников; каждый из них зарабатывает столько-то в день. Поэтому нужно только производить все сапоги и туфли, которые изготавливают эти сапожники, за счет государства, и тогда вся прибыль будет принадлежать только вам. Если продолжать в том же духе, захватывать все ремесла и заниматься ими самостоятельно, и предположим, что это удастся, то тогда нужно будет найти Е. М. новых подданных, у которых будет достаточно денег, чтобы покупать все эти товары, потому что ваши подданные будут разорены и обеднеют. Мы и так знали, что на кожевенном производстве можно заработать деньги. Но предлагать государству захватить и эту отрасль промышленности не следует, не доказав предварительно, какие реальные и новые преимущества это принесет населению.

То же самое относится и к фабрике по производству шляп.

7. Сурмонт также не раскрыл им секретный процесс, с помощью которого обычные масла становятся без запаха и настолько очищаются, что могут заменить изысканное провансальское масло. Этот пункт был бы единственным, который мог бы принести государственному бюджету наибольший доход без ущерба для отечественной промышленности и торговли, поскольку нигде еще нет подобной фабрики, сырье для нее есть в Нидерландах, и таким образом были бы созданы новые ценности. Но объявление об этом секретном процессе похоже на то, что нам рассказали о превращении железа в золотистый металл. Оба варианта одинаково маловероятны, поскольку уже сам секретный процесс очистки масел указанным способом был бы куплен Сурмонтом в Голландии и Англии по любой цене, которую он запросил бы.

8. Предлагаемое нам управление столь же неэкономично, как и поведение по отношению к Сурмонту с самого начала и до сегодняшнего дня. Ему пришлось бы управлять семью-восемью мастерскими, каждая из которых потребовала бы всей энергии и бдительности, всего усердия и всей бережливости нескольких очень опытных деловых людей. Одно только административное бюро стоило бы 8000 гульденов в год. Почти столько же потребовали бы

проценты по уже так легкомысленно потраченным суммам. При этом еще не учтены ни пенни на заработную плату множества рабочих и на закупку сырья.

Из всех этих выводов становится очевидным и абсолютно необходимым, что эти рискованные предприятия не соответствуют государственным финансам ни по сути, ни по управлению, ни по эксплуатации. Однако, поскольку г-жа Неттина из своего кармана сделала бессмысленный аванс почти в 200 000 гульденов и хочет также взять на себя эти фабрики, то справедливо и правомерно, чтобы Ваше Величество оставило их ей и одновременно поручило вашему правительству предоставить ей все льготы и привилегии, которые совместимы с благосостоянием государственных финансов и конституцией страны.

Собственноручная пометка Марии Терезии

Placet. Я одобряю все предложения канцлера.

Кобенцль Кауницу

Брюссель, 22 июля 1763 г.

С момента издания Вашего указа от 5-го числа о деле в Турне больше не говорится. Я был свидетелем того, что господин мэр Хасселаар [389] очень благосклонно отзывался о нашем человеке, но о создании мануфактуры между ними речи не шло.

Мария Терезия принцу Карлу Лотаринскому

Вена, 24 июля 1763 г.

Мой придворный и государственный канцлер сообщил мне обо всей своей переписке с графом Кобенцлем относительно якобы секретных средств для фабрик и мануфактур, которыми, как утверждается, владеет некий Сурмонт, а также о мануфактуре, которую граф Кобенцль в результате этого уже основал в Турне с разрешения Вашего Высочества [390]. Настоящим сообщаю Вам, что мы провели наиболее беспристрастную и тщательную проверку всего этого и пришли к выводу, что данная мануфактура не соответствует моему королевскому служению ни по сути, ни по управлению и в случае успеха государственного предприятия приведет к гибели большого числа моих верных подданных. Таким образом, я присоединяюсь к тому, что мой придворный и государственный канцлер уже сообщил графу Кобенцлю по этому поводу [391], и полностью отвергаю идею о том, чтобы данное предприятие работало за счет государства. Кроме того, государство ни в коей мере не должно привлекаться к оплате уже понесенных расходов [].

Однако, поскольку вдова Неттина, которая уже выплатила значительные авансы для нового предприятия, хочет взять его на себя за свой счет, я уполномочиваю Ваше Высочество дать ей для этой цели необходимое разрешение и предоставить ей все льготы и преимущества, которые совместимы с благосостоянием моих финансов и конституцией моих бельгийских провинций.

Кобенцль Кауницу

Брюссель, 2 августа 1763 г.

Сегодня я жду известия об отъезде господина фон Сурмонта и надеюсь, что госпожа Неттина вернет свои большие авансы. Несомненно, в его секретной процедуре есть что-то хорошее; по крайней мере, это признано в производстве шляп и кожевенном деле, и все наши

торговцы шелком и сукном считают окрашенные ткани замечательными. Его Королевское Высочество будет выполнять соответствующие приказы Вашего Величества [392] с величайшей точностью.

Кауниц к Кобенцлу

Вена, 14 августа 1763 г.

Я не совсем понимаю, что означает фраза в вашем отчете от 2-го числа: «*Сегодня я жду известия об отъезде господина фон Сурмонта*». Он уезжает добровольно или его наконец прогоняют? В первом случае он, вероятно, не только заберет с собой деньги госпожи Неттине, о чем я искренне сожалею, но и сохранит за собой право свободно распоряжаться своими прекрасными секретными средствами. Во втором случае, надеюсь, у него еще удастся выведать секрет очистки масел. Честно говоря, господин граф, я до сих пор не могу составить себе представление, если бы я не подчеркнул в своем первом ответе [393] тот энтузиазм, с которым этот мошенник наполнил вас всех, точно так же, как ему удалось это сделать во Франции. Но плохие опыты все же хороши в одном: я надеюсь, что в будущем вы будете начеку, и авантюристы не смогут одержать верх.

Кобенцль Кауницу

Брюссель, 23 августа 1763 г.

Господин фон Сурмонт не был выслан. Но в ожидании решения о том, возьмет ли Ваше Величество мануфактуру под свой контроль или передаст ее госпоже Неттине, она оставила своего сына в Турне, чтобы он изучил все секретные методы господина фон Сурмонта. Поскольку от него уже узнали все, что он знал, и его присутствие больше не было необходимо, я написал ему после получения высшего приказа, что Ваше Величество не желает знать о его секретных методах. В то же время Неттина сообщила ему, что его мать оставит его у себя в качестве залога за авансы, но не будет давать ему дальнейших авансов. После этого он сразу же решил уехать, заявив, что вернет все в течение нескольких месяцев. В противном случае можно будет использовать его секретные методы, и если понадобится какая-либо информация, он готов ее предоставить, где бы он ни находился. Он уехал в Льеж и, вероятно, направится в Карлсруэ к маркграфу Баден-Дурлаха [394]. Госпожа Неттина все еще надеется вернуть хотя бы часть своих авансов.

Надо было видеть этого человека, чтобы оправдать нашу легковёрность. Те, кто попался на его уловки до нас, тоже могут частично нас оправдать, но мы на собственном опыте убедились, что человека можно обмануть тем, что он видит и может потрогать руками.

Кауниц к Кобенцлу

Вена, 3 сентября 1763 г.

Дело Сурмонта для меня закрыто. Я бы хотел, чтобы то, что он сделал и заставил сделать в Брюсселе, можно было так легко исправить, чтобы я мог забыть об этом.

Кобенцль Кауницу

Брюссель, 2 октября 1763 года.

Я ни откуда не получаю известий о том, что стало с господином де Сен-Жерменом. Мануфактура, основанная в Турне, начинает развиваться; я твердо верю, что госпожа Неттина получит свою прибыль или, по крайней мере, окупит свои затраты.

В середине июня мой дядя отправил меня в Турне, чтобы я в течение нескольких дней наблюдал за поведением известного авантюриста по имени Э [396], на которого полностью попались мой дядя, госпожа Неттина и многие другие. Этот человек появился в Брюсселе под именем графа Сурмонта, после того как в других местах называл себя графом Сен-Жерменом. Он вел себя у моего дяди очень загадочно, представившись с помощью нескольких рекомендательных писем, я не знаю от кого. Днем он никогда не выходил, а для бесед с моим дядей он приходил только глубокой ночью. Он предложил оказать двору большие услуги с помощью своих якобы секретных методов. В частности, речь шла о металле, который не был золотом, но имел цвет, вес и ковкость золота и, таким образом, все его преимущества. По его словам, он обладал превосходными знаниями в области крашения и мог очень дешево придать коже, шерсти и шелку самые яркие цвета. Он хотел производить самые изысканные шляпы по цене, дешевле, чем обычно стоило изготовление самых грубых шляп. Он умел избавлять пятнистые бриллианты от их самых заметных пятен. Он изготавливал лекарства от всех болезней и обладал средствами для непредсказуемого продления жизни. Он в высшей степени владел всеми науками, о которых говорили. Когда речь заходила о музыке, он говорил о ней как мастер, садился за фортепиано и исполнял собственные композиции. Когда речь заходила о живописи, он утверждал, что владеет превосходной коллекцией картин, но не говорил, где она находится. Он не говорил, где его родина, но очень хорошо говорил по-французски, итальянски, английски, португальски и испански. Он не говорил, сколько ему лет, ; по-видимому, ему было 50 лет, но он говорил, что жизнь человека можно невероятно продлить, и рассказывал о событиях, которые произошли столетия назад и свидетелем которых он был.

Он говорил мало и так, что больше догадывался, чем понимал. Благодаря такому роду рекламы этот ловкий человек сумел завоевать доверие моего дяди, который надеялся извлечь более чем одну выгоду для государства из части своих секретных средств, открыв в Турне красивую фабрику, бумажную фабрику и мастерскую по производству драгоценных металлов. Моего дядю подкупили очень красивые образцы всех этих вещей, которые авантюрист ему представил, утверждая, что он хочет передать ему все свои секреты исключительно из чистой дружбы, поскольку он имеет все, что желает, и ни в чем не нуждается. Чтобы убедить моего дядю, граф Сурмонт однажды, когда речь зашла о живописи и мой дядя заметил, что лишь очень немногие частные лица могут похвастаться тем, что владеют подлинным Рафаэлем, сказал, что это верно, но в его коллекции этого не было, и в доказательство этого через две-три недели пришла картина, которую господин фон Сурмонт подарил моему дяде из своей коллекции, и несколько художников города, знатоков или нет, которым мой дядя показал эту картину, признали ее подлинной Рафаэлем. Однако Сурмонт не хотел ее забирать и попросил его оставить ее в знак дружбы.

В другой раз он показал моему дяде большой бриллиант с пятном и сказал, что через несколько дней он сделает его безупречным. Действительно, через несколько дней он принес ему бриллиант той же огранки, безупречный и без пятен, заверив, что это тот же самый камень (). Когда мой дядя внимательно осмотрел и полюбовался им, он хотел вернуть камень, но тот не принял его, утверждая, что у него достаточно бриллиантов, с которыми он не знает, что делать, и что мой дядя может оставить его себе на память о нем. Мой дядя, который не хотел принимать подарки, долго сопротивлялся и уступил только тогда, когда Сурмонт пригрозил немедленно покинуть Брюссель со всеми своими тайными средствами, если мой дядя, отвергнув эту мелочь, докажет, что не верит его словам.

Таким образом, было решено основать все вышеупомянутые предприятия в Турне, и по просьбе их создателя сразу же в большом масштабе. Сначала нужно было купить дома, а некоторые из них построить заново, а также закупить всевозможные материалы по списку Сурмонта, который взялся за реализацию этого проекта с помощью суммы, которую ему пришлось авансировать для этой цели. Г-жа фон Неттине приобрела несколько акций, мой дядя сделал то же самое; остальное было взято на себя государством. Сурмонт отправился в Турне, чтобы приступить к делу; через несколько месяцев меня послали туда, чтобы посмотреть, как обстоят дела. Я пробыла там две недели и не спускала глаз с мужа ни днем, ни ночью. Из моего отчета, представленного по возвращении, выяснилось, что ничего не было сделано и что все авансированные этому человеку суммы исчезли. Вскоре после этого он сам исчез, и пришлось даже оплатить многочисленные долги, которые он наделал, злоупотребив, к сожалению, предоставленными ему полномочиями. Позже выяснилось, что этот человек под разными именами уже проделывал подобные фокусы в других странах. Я не знаю, куда он направился после того, как покинул Нидерланды. Несколько лет спустя я услышал, что он был в Гамбурге, где и умер [397], и никто так и не узнал, откуда он был родом и чем зарабатывал на жизнь.

III

Из «Мемуаров» Казановы [398]

На следующий день я прибыл (из Дюнкерка) в Турне. Увидев нескольких конюхов, едущих на красивых лошадях, я из любопытства спросил, кому они принадлежат.

«Графу Сен-Жермену, адепту, который находится здесь уже месяц и никогда не выходит из дома».

Этот ответ побудил меня навестить его. Едва прибыв в гостиницу, я написал ему и спросил, когда я могу прийти к нему. Ниже приведен его ответ, который я сохранил:

«В связи с моей занятостью я не могу никого принимать. Но для вас сделаю исключение. Приходите, когда вам удобно; вас проведут в мою комнату. Вам не нужно называть ни моего, ни своего имени. Я не предложу вам половину своего обеда, потому что моя пища не подходит никому, и тем более вам, если у вас еще сохранился прежний аппетит».

Я пришел в девять часов и застал его с двухдюймовой щетиной. В комнате у него было несколько колб, наполненных жидкостями. Некоторые из них проходили химическую обработку; они лежали на песке при естественной температуре. Как он мне сказал, он для развлечения занимался изготовлением красок и открыл фабрику по производству шляп, чтобы угодить графу Кобенцлу, министру Марии Терезии в Брюсселе. Граф дал ему только 105 000 гульденов, которых было недостаточно, но он собирался добавить еще [399]. Затем мы заговорили о госпоже фон Урфе.

«Она отравилась слишком сильной дозой универсального лекарства» [400], сказал он. «Ее завещание доказывает, что она считала себя беременной. Она могла бы быть беременна, если бы спросила меня совета. Это очень сложное, но вполне возможно, хотя наука еще не может определить пол ребенка».

Узнав, какой болезнью я страдаю [401], он убедил меня остаться в Турне на три дня. За это время он хотел устранить все мои отеки желез, а затем прописать мне пятнадцать таблеток, которые я должен был принимать в течение пятнадцати дней и которые полностью вылечили бы меня. Он показал мне свою «жизненную силу», которую он называл «Атоэтер», белую жидкость в плотно закрытой бутылочке. Эта жидкость, сказал он, является универсальным

духом природы; доказательством этого является то, что дух немедленно покидает бутылочку, если слегка проколоть воск иголкой. Я попросил его показать мне этот эксперимент. Он дал мне флакончик и иглу. Я слегка проткнул воск, и флакончик действительно опустел.

«Великолепно!» — сказал я. «Но в чем смысл этого?»

«Я не могу вам этого сказать: это мой секрет».

Как обычно, он стремился удивить меня, и поэтому спросил, есть ли у меня с собой мелочь. Я достал несколько монет и положил их на стол. Не говоря мне, что он собирается делать, он встал, положил раскаленный уголь на металлическую пластину, попросил у меня двенадцатисушковую монету, которая лежала под другими монетами, положил на нее черный горошек и монету на уголь и подул на них стеклянной трубкой. Через две минуты она раскалилась.

«Подождите, пока она остынет», — сказал алхимик. Это заняло минуту. «Заберите ее с собой», — добавил он, — «потому что она принадлежит вам».

Я взял ее: это было золото. Я ни на минуту не сомневался, что он подменил монету и дал мне другую, которую, несомненно, предварительно отчистил до блеска. Я не хотел его упрекать. Но чтобы он не подумал, что он меня обманул, я сказал: «Это замечательно, граф. Но в следующий раз, чтобы быть уверенным, что вы ошеломите даже самого внимательного наблюдателя, вы должны заранее сказать ему, какое превращение вы собираетесь произвести. Тогда он сможет посмотреть на монету, прежде чем вы положите ее на раскаленный уголь».

«Тот, кто может усомниться в моей науке, недостойн разговаривать со мной», — ответил мошенник.

Это высокомерное поведение было для него характерно, но для меня оно не было новостью. Это был последний раз, когда я видел знаменитого и ученого мошенника; шесть- семь лет назад он умер в Шлезвиге [402]. Его монета была из чистого золота. Два месяца спустя, в Берлине, я передал ее милорду Киту [403], который проявил к ней интерес.

СЕН-ЖЕРМЕН В АНЗБАХЕ (1774–1776)

«Сведения о чудотворце, маркизе Сен-Жермене, и его пребывании в Ансбахе от очевидца» [404]

Этот странный человек, вызвавший в свое время незаслуженный ажиотаж, прожил несколько лет в княжестве Ансбах, и никто даже отдаленно не подозревал, что он был тем загадочным авантюристом, о котором ходило столько чудесных легенд.

Александр, маркграф Ансбаха и Байройта

Гравюра Даниэля Бергера

В 1774 году покойному маркграфу Бранденбурга Карлу Александру [405] было сообщено [406], что в Швабахе находится незнакомец, который выдает себя за русского офицера, живет очень скромно, но в то же время совершает многие благотворительные поступки. Война [406], которая в то время еще продолжалась между Россией и Османской империей, и присутствие русского флота в архипелаге вызвали предположение, что русское правительство, возможно, отправило в Францию доверенное лицо, чтобы оно без лишнего шума занималось перепиской, проходящей через Италию. И столь же добрый, сколь и человечный князь отдал приказ разрешить этому чужестранцу спокойно проживать в его владениях до тех пор, пока он не даст полиции повода для более пристального наблюдения за ним.

Через некоторое время реформатский священник из Швабаха, господин Деян, сообщил, что незнакомец, который с момента своего прибытия общался только с ним и тогдашним городским старостой Грейнером, очень желает, если это возможно без лишнего шума, перед отъездом из этих мест посетить господина маркграфа и поблагодарить его за столь либерально предоставленную защиту. Его просьба была удовлетворена, и маркграф впервые увидел его зимой вечером у знаменитой актрисы Клерон [407], которая в то время находилась в Ансбахе.

Незнакомец казался тогда мужчиной между 60 и 70 лет, среднего роста, скорее худощавым, чем крепким, скрывавшим свои седые волосы под париком и выглядевшим вполне как обычный старый итальянец. Его костюм был максимально простым; его внешний вид не выделял его ничем особенным.

Поблагодарив маркграфа на французском языке (акцент выдавал итальянца) за разрешение беспрепятственно пребывать в его землях, он сказал ему много хорошего о его правлении, рассказал о великих путешествиях, которые он совершил, и закончил тем, что заверил, что в знак благодарности он хочет довериться маркграфу секретами, которые способны способствовать счастью и процветанию его страны. Конечно, высказывания такого рода не могли не привлечь внимания, которое вскоре достигло предела, когда он показал множество очень красивых камней, которые можно было принять за бриллианты и которые, если бы они были настоящими, имели бы огромную ценность.

Маркграф пригласил его приехать весной в Трисдорф, летнюю резиденцию князя, и граф *Цароги* [408] — под этим именем он представился — принял приглашение при условии, что ему будет позволено жить там по-своему, незаметно и в тишине.

В Трисдорфе он был размещен в нижних комнатах замка, верхнюю часть которого занимала мадемуазель Клерон. Маркграф и его супруга жили в Фалькенхаузе. У него не было слуг, он обедал только в своей комнате, которую редко покидал, и как можно проще. Его потребности были скорее ограниченными, чем с . Он избегал всяких контактов и только вечера проводил в компании мадемуазель Клерон, маркграфа и тех людей, которых этот господин любил иметь рядом с собой. Его невозможно было уговорить поужинать за княжеским столом, и только несколько раз он видел маркграфиню, которая также жаждала познакомиться с этим странным человеком.

В разговорах он был чрезвычайно интересен, демонстрировал глубокое знание мира и человеческой природы и то и дело бросал загадочные фразы, от которых он умело отвлекался

и переводил *разговор* на другие темы, когда кто-то просил его рассказать подробнее. Он особенно любил говорить о годах своего детства и о своей матери, о которой он никогда не упоминал без видимого волнения, а иногда и со слезами на глазах. Если верить ему, он получил княжеское образование.

Он был отвержен, но никогда не был невежливым. То, что он, как сказал барон Глихен, обычно столь приверженный правде, «проживал в Трисдорфе по своему усмотрению, обращаясь с маркграфом как со школьником [409]», не является ни правдой, ни вероятным. Несмотря на свою приветливость в общении, маркграф хорошо умел отстаивать уважение, которое полагалось ему по рождению, званию и хорошим моральным качествам. Он не терпел, когда ему приказывали, и тем более не прощал этого незнакомому человеку.

Трудно было определить, чем этот чудак занимался в течение всего дня. У него не было с собой никаких книг, кроме испачканного экземпляра «*Pastor fido*» [410]. К нему редко пускали, и тогда его чаще всего можно было увидеть с головой, укутанной черной тканью. Его главным занятием, по-видимому, было приготовление всевозможных красок, потому что окна его комнаты, выходящей в сад, были так испачканы красками всех видов, что через них ничего не было видно. Вскоре после своего прибытия в Трисдорф он начал давать маркграфу инструкции по различным видам производства, которые должны были положить начало прибыльным фабрикам. Среди них особенно выделялись всевозможные виды сафьяна, кордуана и дубленой кожи, которые должны были производиться из самой плохой овечьей кожи, производство самой красивой турецкой пряжи и т. д.

Маркграф поручил автору этих статей записать рецепты, и теперь приступили к самим экспериментам, которые, по его желанию, должны были проводиться в строжайшей тайне. Работа началась в специально оборудованной лаборатории, и эксперименты проводились за закрытыми дверями.

Даже спустя много лет автор еще живо помнит веселые сцены этих экспериментов и как часто и от души он смеялся вместе с маркграфом, видя, как князь и его доверенные лица превратились в мастеров-кожевников и красильщиков в мастерской. Хотели попробовать все и оставить лучшее. Но надежды скоро померкли при более тщательном рассмотрении. Уже с небольшими усилиями и затратами был произведен самый красивый кордуан, и в радости своего сердца автор заказал из него обувь, которая получилась очень хорошей, но в течение первых 24 часов разлетелась на куски. Настолько ненадежной была турецкая пряжа, и так было с несколькими другими изделиями. Когда к нему обращались за советом, Цароги возлагал вину на неправильную обработку, которая, однако, наверняка заключалась в используемых ингредиентах. Он обещал время от времени сам приложить руку к делу, чтобы продемонстрировать истинные преимущества, и так прошло несколько недель, в течение которых неизвестный попеременно находился в Трисдорфе и Швабахе. Находясь в Швабахе, он часто писал маркграфу и автору, присылая все новые образцы обработанной кожи, окрашенного шелка и тканей, которых у автора до сих пор хранится целая коробка. Образцы были в основном подписаны собственноручно Цароги, например, на образцах кожи:

«Совершенно неизвестные виды кожи; разрежьте их, и вы заметите их прочность».

«Очень дешевые виды кожи, изготовленные исключительно из отходов, которые больше не могут быть использованы для обработки шкур, без малейших ухищрений».

На окрашенных образцах ткани: «Все эти образцы окраски позволяют добиться все большей красоты, тонкости и прочности, я полагаю, до бесконечности. Чтобы убедиться в этом,

достаточно сравнить черный цвет этого образца с образцом, присланным в прошлый вторник. Тогда вы увидите разницу; можно пойти еще дальше».

На другом образце: «Этот драгоценный черный цвет получен без витриола, без желчных яблок и без кипячения. Он никогда не выцветает и изготавливается из тонкого русского синего. Этот несравненный желтый цвет окрашивается в чистой, кристально прозрачной воде ()». И так далее.

Так он привлек внимание и надежду, что среди стольких представленных образцов, возможно, найдутся некоторые полезные, до сих пор неизвестные предметы.

Однажды Цароги сообщил маркграфу, что получил курьера от графа Алексея Орлова [411], только что вернувшегося из Италии, с настоятельным приглашением посетить его в Нюрнберге во время его проезда. Он также предложил маркграфу воспользоваться этой возможностью, чтобы познакомиться с героем Чесмы. Предложение было принято, и автор сопровождал маркграфа в Нюрнберг, куда граф Алексей Орлов уже прибыл.

Орлов встретил графа Цароги, который теперь впервые появился в русском генеральском мундире, с распростертыми объятиями, несколько раз назвал его «*caro padre*», «*caro amico*» и т. д. Он принял маркграфа с исключительной вежливостью и многократно поблагодарил его за защиту, которую тот оказал его достопочтенному другу. И при этом случае прозвучало то высказывание, которое барон Глихен приписывает князю Григорию Орлову (которого маркграф никогда не видел) [412], высказывание, из которого следовало заключить, что Цароги сыграл большую роль в революции 1762 года в России.

Обед был у графа Орлова. Беседа была чрезвычайно интересной. Много говорили о военной кампании в архипелаге, но еще больше — о полезных изобретениях графа Цароги. Среди прочего Орлов показал маркграфу кусок негорючего дерева, которое, после проведенного испытания, когда его подожгли, не давало ни пламени, ни углей, а лишь, разбухнув как губка, рассыпалось в легкий пепел.

После обеда Орлов провел графа Цароги в соседнюю комнату, где они пробыли вместе довольно долго. Автор, находившийся у окна, под которым стояли кареты графа Орлова, заметил, что один из слуг графа открыл карету, вынул из ящика сиденья большой мешок из красной кожи и отнес его в комнату.

Через некоторое время они распрощались, и на обратном пути Цароги имел все карманы полными венецианских зекимен, которыми он, казалось, небрежно играл. То, что этот человек раньше не имел денег, было известно наверняка, потому что все, что его касалось, было предметом пристального внимания.

Он принес графине от имени графа Орлова красивую серебряную медаль, отчеканенную в честь победы при Чесме. После возвращения он впервые показал свой патент на звание русского генерала, заверенный императорской печатью, и впоследствии доверился маркграфу, что имя Цароги — это вымышленное имя, что на самом деле его зовут Ракоци и он является последним потомком семиградского князя Ракоци [413], преследуемого императором Леопольдом.

Все эти обстоятельства вместе взятые усилили любопытство, которое, однако, вскоре было удовлетворено не очень благоприятным для этого странного человека образом ().

В 1775 году маркграф отправился в Италию в сопровождении автора этих заметок. В Неаполе стало известно, что последний потомок дома Ракоци, поселившийся там, уже давно умер и

от этого имени не осталось ничего [414]. В Ливорно от английского консула сэра Джона Дика узнали, что неизвестный был не кто иной, как печально известный граф Сен-Жермен, что он познакомился в Италии с князем Грегором Орловым и его братом Алексеем и сумел завоевать высокое доверие этих господ.

Из другого, не менее достоверного источника стало известно, что он был родом из Сан-Джермано, небольшого городка в Савойе, где его отец, называвший себя Ротондо, был сборщиком налогов и, обладая значительным состоянием, пользовался большим уважением. Он дал своему сыну очень хорошее образование, но впоследствии пришел в упадок и был уволен за плохое управление своей службой. Чтобы избежать неприятностей, которые судьба отца могла бы навлечь на сына, тот сменил свою фамилию на название своего родного города и стал писаться Сен-Жермен. С этого времени он путешествовал по миру как авантюрист, называя себя в Париже *Жаком-Жаком* (), в Лондоне *Сен-Жерменом* (*Saint-Germain*), в Венеции *графом де Бельмаром* (*Conte de Belle mare*) [415], в Пизе *шевалье Шёнингом* (*Chevalier Schöning*), в Милане *шевалье Велдоном* (*Chevalier Welldone*) и в Генуе *Солтиковым* (*Soltikow*) и в то время мог быть примерно 75 лет.

Конечно, открытия такого рода не могли не вызвать недовольство маркграфа по отношению к человеку, который хотел его одурачить и который так нагло солгал ему о его происхождении и о многих других вещах. Поэтому после своего возвращения в 1776 году он поручил автору этого письма отправиться в Швабах, допросить авантюриста обо всех этих новостях, которые он узнал, и дать ему понять, что князь недоволен тем, что тот злоупотребил его добротой, и одновременно дать ему понять, что он больше не должен появляться перед ним и должен вернуть письма, которые ему время от времени писал маркграф. В случае, если он без возражений вернет эти письма, ему будет позволено оставаться в Швабахе столько, сколько он захочет, при условии, что он будет вести себя спокойно; в противном случае он будет арестован, у него будут изъяты документы, и его вывезут за границу.

По прибытии в Швабах автор встретил графа Сен-Жермена лежащим в постели, поскольку, несмотря на то, что он хвастался своим здоровьем и преклонным возрастом, он часто страдал приступами подагры.

На высказанное ему обвинение, которое он, казалось, выслушал очень спокойно, он признался, что время от времени принимал все вышеупомянутые имена, за исключением имени *Солтикова*; но что он везде известен под этими именами как человек чести и что, если какой-нибудь клеветник осмелится обвинить его в плохих поступках (), он готов будет должным образом доказать свою невиновность, как только узнает, в чем его обвиняют и кто является обвинителем, намеревающимся выступить против него. Он не боялся преследований, кроме тех, которым его могло подвергнуть его имя. Он твердо утверждал, что не сказал маркграфу ни одной неправды в отношении своего имени и своей семьи. Однако доказательства его происхождения находились в руках человека, от которого он зависел; эта зависимость принесла ему в течение его жизни самые страшные преследования. Именно эти преследования и покушения, как он выразился, помешали ему применить на практике свои обширные знания. По этой причине он уединился в месте, где, как он полагал, сможет жить незаметно и незамеченным. Теперь настал момент, когда он может и будет воплощать в жизнь то, что обещал, если его не помешают.

На вопрос, почему он не предупредил маркграфа о различных именах, под которыми он выступал в многих государствах и городах, он ответил, что не счел это необходимым, поскольку полагал, что, поскольку он никогда ничего не требовал от маркграфа, никого не оскорблял и никому не причинял вреда, его будут судить не по этому, а по его поступкам. Ему

никогда не приходило в голову злоупотреблять доверием маркграфа; он указал свое настоящее имя; в скором времени его поступки не оставят сомнений в его образе мышления, и тогда он сможет представить доказательства своего происхождения. Неблагоприятное мнение, которое было внушено маркграфу о нем (), очень больно задевает его. Однако, если то, что происходит сейчас, будет держаться в тайне, он продолжит выполнять свои обещания и тем самым заставит маркграфа вновь уважать его; в противном случае он будет вынужден покинуть страну.

В дальнейшем ходе беседы он сообщил, что впервые познакомился с графом Орловым в Венеции. Патент, который он получил от него и который он вновь продемонстрировал при этом случае, был оформлен графом в Пизе и выдан на имя *шевалье Велдона*. Он также упомянул о доверии, которым его удостоил Людовик XV, который в 1760-х годах тайно использовал его для начала мирных переговоров с Англией. Однако его близкое знакомство с маршалом де Бель-Илем навлекло на него ненависть графа Шуазеля, который написал в Англию и потребовал от министра Питта его ареста. Король сообщил ему о его предстоящей судьбе и посоветовал не возвращаться во Францию [416].

Эта анекдотическая история полностью совпадает с тем, что упоминает барон Глихен в своих *мемуарах* [417], и еще больше подтверждается тем, что Фридрих II приводит в своих *посмертных сочинениях, том IV, стр. 73* [418]. (Здесь король описывает его как человека, которого никогда не удалось разгадать.)

Он с видимым волнением вернул все письма маркграфа, за исключением одного, которое, по его словам, он передал графу Орлову.

После этого он еще некоторое время оставался в Швабахе, откуда через Дрезден, Лейпциг и Гамбург отправился в Эккернафорде в Шлезвиге, где в начале 1780 года [419] умер от инсульта, который сразу же парализовал его язык, вероятно, в возрасте около 80 лет, положив конец своей приключенческой карьере.

Эта карьера достаточно странна. Странно, что человек, который всю свою жизнь бродил по большому и малому миру под такими разными именами, никогда не попадал в руки судьи или полиции. Несомненно, он понимал искусство использовать и поддерживать склонность людей к чудесному, и как часто он, наверное, находил повод воскликнуть вместе с Фигаро: «*O, que les gens d'esprit sont bêtes* [420]!»

Автор этих статей не может убедиться в том, что он обладал обширными знаниями в области химии. Его препараты привлекали внимание, но это были лишь небольшие эксперименты; для изготовления и обработки кожи использовались едкие вещества, такие как витриоловый спирт, витриоловое масло и т. п. Об этом свидетельствуют сохранившиеся образцы, которые, как видно, были разъедены бумагой, в которую они были завернуты. За все время своего пребывания в Швабахе он никогда не изготавливал крупных изделий из камней « ».

Вышеупомянутые камни, о которых также упоминает барон Глихен [421], были действительно красивы и, возможно, в оправе подлинных украшений обманули бы даже глаз знатока, но они не были драгоценными камнями. Они не выдерживали обработки напильником и не имели веса подлинных камней. Сам Сен-Жермен никогда не выдавал их за бриллианты. Автор все еще владеет одним из этих камней и куском массы, из которой они, вероятно, были изготовлены. Симиор, который Сен-Жермен выдавал за важное изобретение, вскоре потерял свой блеск и стал черным, как самая плохая латунь. Фабрика по производству этого металла, построенная в Л., вскоре закрылась.

Среди образцов своих тайных искусств он однажды показал большой карманный нож, половина которого была гибкой, как свинец, а другая — жесткой и твердой, как железо. Этим он хотел доказать, что обладает секретом, позволяющим сделать железо гибким и *пластичным* [422], как свинец, без потери его остальных свойств. Это изобретение, конечно, было бы очень полезным, но его так и не удалось убедить провести эксперимент в больших масштабах.

Его химические знания, по всей видимости, были эмпирическими. Покойный городской староста Грейнер из Швабаха, человек обширных знаний, особенно в технической области, неоднократно утверждал, что в своих беседах с Сен-Жерменом не обнаружил ни малейших теоретических знаний.

Маркиз особенно хвастался своими медицинскими знаниями, благодаря которым он, по его словам, дожил до глубокой старости. Его предписания заключались, в частности, в строгой диете [423] и употреблении чая, который он называл *Thée de Russie или Acqua benedetta* [424]. Копию рецепта этого чудодейственного лекарства маркиз получил от вышеупомянутого английского консула в Ливорно. Оно использовалось на русском флоте в архипелаге для поддержания здоровья экипажа [425] в тех жарких краях.

Какими *ресурсами* располагал Сен-Жермен, чтобы покрывать необходимые расходы своей жизни, трудно сказать. Автор этой статьи предполагает, что он владел секретом очистки бриллиантов от пятен, которые иногда встречаются на них и значительно снижают их ценность. Но это всего лишь предположение.

Было бы несправедливо объявить этого человека мошенником. Для этого нужны доказательства, а их нет. Пока он был связан отношениями с маркиграфом, он никогда ничего не желал, никогда не получал ничего, имеющего малейшую ценность, никогда не вмешивался в то, что его не касалось. При его чрезвычайно скромном образе жизни его потребности были очень ограниченными. Если у него были деньги, он делился ими с бедными. Неизвестно, чтобы он где-либо оставил долги; однако автор много позже узнал, что в последнее время своего пребывания в Швабахе он склонил барона фон Л. к спекуляциям, которые обошлись ему в несколько тысяч гульденов. Но поскольку это дело не дошло до суда, то, по-видимому, мошенничества не было. Остается неясным, каким образом этот авантюрист, особенно в таких больших городах, как Париж и Лондон, мог вести приличную жизнь и общаться в высших кругах.

Маркиграф нашел его портрет, написанный в молодые годы, в Париже у мадам д'Урфе или Рошфуко [426]; он привез с собой копию, которая до сих пор хранится в Трисдорфе, в комнатах, где когда-то жил Сен-Жермен.

СЕН-ЖЕРМЕН В ЛЕЙПЦИГЕ И ДРЕЗДЕНЕ (1776–1777)

/

Из дневников графа Лендорфа [427]

2 мая 1777 года.

Я много времени провожу на ярмарке в Лейпциге и навещаю гравера Баузе и художника Граффа [428].

Оттуда я отправляюсь к самому удивительному человеку в современной Европе, графу Сен-Жермену, который известен под этим именем уже 50 лет, но в настоящее время принял имя *Уэллдоун*, что в переводе с английского означает «благодетель». Об этом человеке говорят, что он жил еще во времена Христа. Сам он этого не утверждает, но дает понять, что живет уже очень долго и не верит, что когда-нибудь умрет, и что люди, если будут следовать его образу жизни, смогут дожить, по крайней мере, до глубокой старости, свободной от всех недугов. Несомненно, что он сам придерживается строгой диеты. Он ведет очень умеренный образ жизни, пьет только воду, никогда не пьет молодое вино и ест только один раз в день легкую пищу [429]. Его беседы интересны. Он всегда проповедует добродетель, умеренность, благотворительность и демонстрирует эти качества на собственном примере. Ему нельзя предъявить ни малейшего обвинения в неподобающем поведении. Он, по-видимому, уже не так богат, как казалось раньше. Во Франции, Англии и Венеции он тратил 6000 дукатов в год, и никто не знал, откуда брались эти деньги. Здесь, в Лейпциге, говорят, что у него не хватает денег, но он никого об этом не просил; вместо этого он, по-видимому, владеет большим количеством бриллиантов.

Его выражение лица чрезвычайно одухотворенное. Он говорит вдохновенно и метко, но не любит противоречий. Он утверждает, что может по лицу определить, способен ли кто-то его понять или нет. В последнем случае он не хочет больше видеть этого человека.

Что касается меня, то я с большим удовольствием слушал его. Он казался мне очень дружелюбным, так что за три дня я видел и слышал его, наверное, 24 часа. Он очень увлекателен.

Кстати, ему приписывают многое, чего он вовсе не говорил. Некоторые считают, что он португальский еврей; другие оценивают его жизнь в несколько столетий и предполагают, что он какой-то свергнутый князь. Его обвиняют в том, что он хочет заставить людей поверить, что он третий сын князя Ракоци [430].

Он считает себя великим физиком. Прежде всего он врач и много говорит о своем восхитительном порошке, который пьют как чай. Я попросил дать мне чашку этого порошка. Он имел вкус аниса и немного помог. Он непрерывно проповедует о правильном балансе между телом и душой. По его мнению, если внимательно следить за этим, то механизм жизни никогда не выйдет из строя.

С самого раннего юности я слышал об этом человеке, и теперь я в восторге от того, что встретил его здесь. Более 30 лет назад мне рассказывали, как он был очень тронут во время представления «Мариамны» в Париже, которое он смотрел в ложе в компании нескольких дам, и сказал: «Это должна быть она, потому что я хорошо знал эту милую княгиню». Его прервали коротким вопросом: «Значит, вы также знали Иисуса Христа?» — «Слишком хорошо! Я был тогда совсем молодым человеком, когда с ним произошла эта история в храме, и сразу же сказал ему: «Дорогой друг, это плохо закончится!» [431] Он не говорил мне об этом, но мне казалось, что он был уверен, что не умрет естественной смертью.

II
Из переписки Фридриха Великого с принцем Генрихом, принцессой Вильгельминой Оранской и Альвенслебеном

Альвенслебен [432] королю Фридриху

Дрезден, 10 марта 1777 г.

Печально известный Сен-Жермен, который в разных странах также выступал под именем маркиза де *Бельмара* или господина *Кастелана* [433], с октября находится в Лейпциге под именем господина фон *Веллдоуна*. Я решил упомянуть об этом человеке, поскольку публично ходят слухи, что он неоднократно удостоивался чести получать письма от Вашего Величества. По этой причине этот странный человек, который в остальном не имеет большого значения для Вашего Величества, может привлечь Ваше внимание.

Король Фридрих к Альвенслебену

Потсдам, 15 марта 1777 г.

Попытайтесь выяснить и немедленно сообщите мне, с какой целью упомянутый вами Сен-Жермен прибыл в Лейпциг. Вы легко узнаете это от купцов, имеющих связи с Лейпцигом.

Король Фридрих принцессе Вильгельмине Оранской [434]

Потсдам, 17 марта 1777 г.

Нас здесь угрожает появление известного авантюриста, некоего Сен-Жермена, который проживал во Франции и Англии и о котором рассказывают чудесные вещи. Я не люблю таких людей; они обычно оставляют неприятный след там, где побывали. Однако он еще не прибыл.

Альвенслебен королю Фридриху

Дрезден, 24 марта 1777 года.

Печально известный Сен-Жермен все еще находится в Лейпциге под именем *Веллдоун*. Я собрал много фактов и анекдотов об этом странном человеке, но все это пока еще настолько несвязно, что я не смею докладывать об этом Вашему Величеству, не рискуя выставить себя в смешном свете. Однако я приложу все усилия, чтобы узнать о нем больше, и слежу за ним так внимательно, что надеюсь вскоре выполнить приказ Вашего Превосходительства. Несомненно, что он находится в тесных отношениях с графом Алексеем Орловым, что тот передал ему письма к своему брату, князю [435], поскольку в то время он намеревался уехать в Россию. В этих письмах Орлов просил своего брата относиться к нему как к своему закадычному другу, поскольку он признал его одним из самых уважаемых людей в мире.

Прежде чем приехать в Лейпциг, он провел целый год в Нюрнберге, Швабахе и Ансбахе [436]. Из всего, что сейчас о нем говорят, следует, что он чрезвычайно остроумный и знающий человек, который знает людей, с которыми разговаривает, и умеет подстраивать свои речи под ум и представления каждого из них.

Цель его пребывания в Лейпциге пока неизвестна, поскольку все, что об этом говорят, более чем маловероятно.

Дрезден, 28 марта 1777 года.

Печально известный Сен-Жермен все еще находится в Лейпциге. Он останется там даже во время ярмарки, но не приедет сюда, хотя его неоднократно приглашали. Он хотел представить магистрату Лейпцига несколько проектов, но его не приняли. Хотя он не находится в плохом положении, в настоящее время у него заканчиваются деньги. И все же: когда, выступая под именем графа Марколини, специально приехал к нему в Лейпциг и пообещал ему вознаграждение, если он окажет государству существенную услугу, поделившись своими секретными средствами, он ответил ему, что очень ошибаются, если предполагают от него нечто подобное; его единственная цель — сделать человечество счастливым, и если ему это удастся, он будет считать себя достаточно вознагражденным [437]. Как признают, в Лейпциге он не сделал ничего, что противоречило бы этим принципам, но и ничего, что их подтверждало.

Король Фридрих Альвенслебену

Потсдам, 29 марта 1777 г.

Я интересуюсь Сен-Жерменом исключительно из любопытства. Только по этой причине я жду вашего отчета о том, что вы еще узнаете о нем. Учитывая его давние отношения с графом Орловым, вполне возможно, что ему придет в голову навестить своего друга в России в прекрасную пору года.

Король Фридрих принцессе Вильгельмине Оранской

Потсдам, 30 марта 1777 года.

Сен-Жермен, о котором я тебе недавно писал, все еще находится в Лейпциге. Как я слышал, он хочет отправиться в Петербург. Будь этот старый дурак умен, он бы спокойно дождался смерти во Флоренции, вместо того чтобы выгуливать свое старое скелетное тело на берегу Ледяного моря.

Альвенслебен королю Фридриху

Дрезден, 25 июня 1777 года.

Поскольку я ожидал, что граф *Веллдоун*, известный под именем Сен-Жермен, покинет эту страну и больше не будет о себе напоминать, я не упоминал его в своих последних отчетах. Однако, поскольку он уже более пяти недель непрерывно находится здесь и выразил намерение отправиться в Берлин, я вновь обратил на него внимание и приложил все усилия, чтобы выяснить о нем как можно больше. Это тем более приятно для меня, что несколько дней назад он сказал мне, что хочет обратиться непосредственно к Э. М. Возможно, он еще сегодня пришлет мне письмо для Э. М., в котором он упоминает о секретных средствах, которые, по его утверждению, граничат с чудом. Его план и желание Э. М. узнать о нем больше, возможно, оправдывают меня, если я слишком подробно вхожу в детали, чтобы по моему слабому пониманию составить характеристику этого предполагаемого чудотворца.

Его высказывания о своей личности, которые я слышал сам, полны тщеславия и высокомерия. Различные беседы, которые я с ним вел, его комплименты, которые он без разбора и бездумно раздает всем подряд, и оживленные, серьезные дебаты, в которые он легко вступает, побуждают меня к следующему заключению. Он очень одаренный человек с очень живым умом, но совершенно лишенный здравого смысла, свою странную репутацию он приобрел только благодаря самой низкой и подлой лести, на которую способен человек, а

также благодаря своему выдающемуся ораторскому таланту, особенно если дать себя увлечь тем рвением и энтузиазмом, с которыми он умеет выражать свои мысли и которые всегда производят впечатление на слабые умы. К тому же его речь украшена всевозможными поверхностными знаниями и фактами, которые он собрал во время своих путешествий. Но поскольку они плохо упорядочены в таком неясном уме, как его, это приводит к постоянной бессвязной болтовне, как только он пытается выработать новые мысли в своей пустой голове. Безграничная тщеславность — это движущая сила, которая приводит в движение весь механизм, и эта тщеславность должна найти полное удовлетворение, если он действительно еврейского происхождения, как утверждают люди, которые считают, что знают его лучше всех. Ведь доказано, что он попадает в дома великих людей исключительно благодаря своим фокусам и многие с безмолвным восхищением, граничащим с поклонением, считают его новым пророком.

Его возраст — ему почти 70 лет — и многочисленные путешествия, которые он, как утверждает, совершил по Европе, побережью Африки, Египту и Малой Азии, наполнили его голову многочисленными анекдотами и многими, возможно, очень поверхностными торговыми проектами. Благодаря этому он также является стимулирующим и развлекательным в обществе, пока он просто рассказывает. Но как только он пытается развить собственные мысли, проявляется вся его слабость. Ведь тогда он вступает в противоречие со здравым смыслом и ясно доказанными основными понятиями. Но горе тому, кто осмелится ему противоречить! Тогда он не знает границ, извергает огонь и пламя и говорит с таким энтузиазмом, что можно испугаться. Да, тогда он доходит до того, что бросает проклятия на каждого, кто сомневается в его системе, хотя эта система сама себе противоречит и запутывается в противоречиях. Но если кто-то все же имеет смелость противостоять ему, не верить в его учения и бороться с ними с помощью аргументов, он выбирает более разумный вариант и молчит.

Тот, кто слышит его речи, всегда склонен считать себя его самым близким доверенным лицом. Однако чувствуешь себя несколько униженным, когда замечаешь, что число его доверенных лиц растет в той же мере, что и число его знакомых. Его лесть исчерпывает все, что может придумать самая разгульная фантазия. Я видел, как краснели от этого люди, которые обычно не страдают от скромности. Чтобы не утомлять Э. М. повторением всех его банальных лести, я приведу в качестве единственного примера то, что он конфиденциально заверил меня, что я говорю как жемчужина Востока, и особо подчеркнул это выражение.

Он свободно говорит по-французски, но знатоки уверяют, что он использует много странных оборотов. Кроме того, многочисленные письма, которые он адресовал местным дамам, доказывают, что он обладает даром придумывать выражения, которые, несомненно, еще неизвестны Французской академии.

Он называет себя князем *Ракоци*, и в доказательство своего особого доверия он еще сказал мне, что у него есть два брата [438], но они настолько низкомысленны и настолько малодушны, что смирились со своей жалкой судьбой. Он же, напротив, в определенный момент принял имя *Сен-Жермен*, что означает «святой братьев».

По его словам, он пятнадцать лет содержал француза по имени Буасси в Индии и Китае за свой счет, чтобы через него получить все материалы и знания, в которых он нуждался.

Он презирает всех врачей, лекарства и домашние средства; тем не менее, он продает порошок, о котором рассказывает чудесные вещи, и сам пахнет как ходячая аптека.

Он показал мне список своих секретных средств [439], но я видел его только мельком. Он включает более двадцати пунктов, но, если память мне не изменяет, его можно свести к следующему:

1. Окрашивание кожи в самые яркие цвета.
2. Изготовление всех возможных красок, особенно белой, превосходного качества.
3. Улучшение самых низкокачественных шкур, даже овечьих, так что их можно использовать в течение тридцати лет в качестве ремней для карет.
4. Заменитель кошенилевой краски.
5. Отбеливание холста в кратчайшие сроки и лучше, чем в Нидерландах, но без повреждения ткани.
6. Обработка шелковых тканей и окрашивание в самые красивые цвета.
7. Производство эликсира жизни.

Эти секретные средства он предназначил для русской царицы [440], к которой он питает особую симпатию. Однако, по его утверждению, они должны служить основой для торговых отношений между Саксонией и Россией и для их взаимных политических связей. Благодаря этому приобретению обе страны должны обрести полное счастье и изобилие, так что они больше не смогут обходиться друг без друга и не смогут быть счастливыми друг без друга. В настоящее время он, однако, недоволен Саксонией и тем приемом, который ему здесь оказали, и поэтому кажется, что государства Е. М. должны заменить Саксонию не только для того, чтобы основать свое счастье (), но и для того, чтобы сделать существующий союз между Пруссией и Россией [441] необходимым и закрепить его навечно. Я полагаю, что это является основным содержанием его письма и его плана, по крайней мере, судя по некоторым высказываниям, которые он мне сделал по этому поводу. Он даже твердо решил покинуть Саксонию как слишком маленькую арену для такого великого ума, как его, но, тем не менее, он сделает счастливыми некоторых людей, которые привязаны к нему как верные апостолы. По его утверждению, это богатство секретных средств стоило ему миллионы, но страна, которую он одарит этими дарами, должна получать от их использования не менее 12 миллионов чистой прибыли в год, при этом он добавил: «Я подсчитал это не вчера». И поскольку он обладает такими огромными богатствами, ни один правитель не может вознаградить его или уготовить ему судьбу, которая могла бы его соблазнить, поскольку он сам является князем.

Я осмелился задать ему три вопроса, которые, как я полагал, загнали бы его в угол, но он, как ловкий фокусник, выбрался из затруднительного положения. Сначала я спросил его, почему он обратил свой взор именно на Россию, чтобы сделать ее счастливой, ведь раньше он признался мне, что у него есть книга, в которую он внес пять правителей и князей, которых он восхищает и к которым он испытывает особую привязанность, а именно: Е. М., царицу России, императора [442], короля Сардинии [443] и маркграфа Бадена [444]. Во-вторых, почему он так поздно пришел к своим планам сделать мир счастливым, ведь он демонстрировал такие великодушные и гуманные настроения. В-третьих, действительно ли он обязан своей долгой жизнью действию эликсира жизни.

При каждом из этих вопросов он подходил ко мне с загадочным выражением лица и уверял, что должен раскрыть мне большую тайну. Но на самом деле он не говорил ничего, кроме громких слов, и болтал такую бессвязную чепуху, что было невозможно ни кратко изложить

содержание, ни понять, как из этого я должен был извлечь желаемые объяснения. Только по последнему вопросу я смог получить некоторое объяснение. Я подчеркнул, что если его якобы секретное средство может заставить поверить в сообщения о его преклонном возрасте, то одно его замечание, сделанное им незадолго до этого, может почти сбить меня с толку. Когда я усомнился в том, что он испытывает особое удовольствие от чтения произведений Свифта [445], если не знает мельчайших подробностей того времени, он ответил мне, что знает их из очень подробных современных описаний, которые ему удалось раздобыть. Это было бы бесполезно, если бы он жил в то время. На это он ответил только: это замечание не противоречит его секретному средству, потому что вполне возможно, что в то время он жил в уединении в другой стране, например, в Португалии, в течение десяти-пятнадцати лет; таким образом, он должен был полагаться на сообщения других. Кроме того, было общеизвестно, что он часто исчезал на годы, и никто не знал, где он живет.

Из этих ответов Э. М. понял, что он не ответил прямо «да», но дал понять, что его возраст исчисляется столетиями.

Он часто говорил: «Я держу природу в своих руках, и, как Бог сотворил мир, так и я могу создать из ничего все, что захочу».

Однажды, когда я разговаривал с ним о должности генерального контролера [446], которую, как говорили, он должен был получить, он заверил меня, что не мог бы отказаться от этой должности, поскольку она ему никогда не предлагалась. Однако в Королевском совете открыто говорили, что для должности генерального контролера нужен ум, подобный его. Это было верно, хотя он, как князь, был далек от того, чтобы принять должность, которую занимали мещане и нищие.

Помимо уже упомянутых тайных средств, в обществе ему приписывают еще и искусство изготовления капского вина и очистки металлов и камней.

Поскольку я считал своим долгом точно описать характер человека, который хочет лично обратиться к Вашему Величеству, и это казалось мне невозможным без вступления в подробности, я надеюсь на милостивое снисхождение Вашего Величества, если я превысил пределы, которые Ваше Величество обычно устанавливает для моих докладов.

Послесловие I

В этот момент граф Веллдоун лично приносит мне точный перечень секретных средств, о которых он желает поговорить с Э. М. лично, чтобы затем обнародовать их на благо ваших государств. Прилагаемый перечень написан его собственной рукой. Он передал его мне для Э. М. вместе с несколькими образцами, относящимися к его секретным средствам. Он не написал письма, как я предполагал, потому что опасался, что детали, которые ему пришлось бы изложить, были бы слишком длинными, и предпочел через несколько дней сам отправиться в Потсдам, чтобы представить Е. М. свои искусства, хотя я пытался объяснить ему, что ему лучше подождать здесь ответа Е. М.

Секретное средство, о котором он не хочет давать никакой информации [447], касается облагораживания драгоценных камней. Только благодаря этой отрасли промышленности он хочет зарабатывать миллионы в час. Я просто повторяю то, что он сказал.

Послесловие II

Хотя граф Веллдоун не обещал мне письма к Э. М., он прислал мне прилагаемый конверт, который выглядит как письмо [448].

Новая физика в применении к нескольким торговым товарам, которые столь же важны, сколь и новы [449]

1. Процесс, придающий всем видам шкур и кожи ранее неизвестную прочность, качество, красоту, долговечность и т. д., а также придающий овечьим шкурам реальную, весьма значительную ценность.
2. Процесс очистки шерсти, благодаря которому она приобретает гораздо большую прочность, тонкость, качество и т. д.
3. Процесс крайнего, полного отбеливания полотна, конопли, льна и их волокон, совершенно лучше, чем в Гарлеме в Голландии, процесс, который не повреждает ткани, как там, и занимает мало времени.
4. Процесс стирки шелка, благодаря которому итальянский шелк становится более красивым, блестящим и прочным, чем самый красивый шелк в мире.
5. Метод обработки шкур ангорских коз, позволяющий изготавливать из них превосходные блестящие камелоты, которые не рвутся, как прежние, потому что при этом методе шкура становится почти шелковистой.
6. Метод полного отбеливания и повышения прочности льняных и хлопковых тканей.
7. Процесс окрашивания шкур и кожи в синий, зеленый, черный, настоящий пурпурный, настоящий фиолетовый и нежный серый цвета исключительной красоты и качества.
8. Производство неизменных красок желтого, красного, синего, зеленого, пурпурного, фиолетового и т. д. цветов, отличающихся совершенной красотой и качеством.
9. Производство белой краски, превосходящей все представления о качестве. Краска, которую тщетно искали во все времена, всегда остается белой, сочетается со всеми хорошими красками, к которым ее добавляют, украшает и сохраняет их. Одним словом, эта белая краска — настоящее чудо.
10. Производство черной кожи очень чистого и очень красивого цвета из русского синего без каких-либо других добавок. В результате получается неповторимая черная кожа исключительной красоты и качества.
11. Производство полотна и пеньковых тканей несравненно чистого и блестящего желтого цвета, которые можно стирать мыльной водой и которые не выцветают на воздухе, в нескольких оттенках.
12. Производство хлопчатобумажных тканей и нитей превосходного желтого цвета в нескольких оттенках, хорошо стираемых и не выцветающих на воздухе.
13. Производство полотна нежно-серого цвета, которое можно стирать мыльной водой и которое не выцветает.
14. Производство хлопчатобумажных тканей и нитей нежно-серого цвета, которые можно стирать мыльной водой и которые не выцветают.

15. Производство полотна, льняных и конопляных тканей настоящего пурпурного, настоящего фиолетового, настоящего красного и т. д. цвета, хорошо стираемых и совершенно не выцветающих, в нескольких оттенках.
16. Производство очень тонких, очень красивых, очень прочных и совершенно новых шелковых тканей.
17. Производство цветного полотна совершенно новых и тонких цветов, в частности серого и оттенков, которые не выцветают ни под воздействием кислот, ни под воздействием воздуха, ни под воздействием мыльной воды.
18. Производство серебряных тесьм, по крайней мере на треть дешевле и гораздо белее, блестяще и долговечнее, чем самые красивые лионские тесьмы.
19. Различные методы обработки драгоценных металлов, т. е. без золота и серебра, которые приносят большую пользу и значительную экономию и, несомненно, вызовут удивление любого хорошего химика, а также сократят огромные, пагубные расходы на роскошь.
20. Производство совершенно нового металла, свойства которого весьма удивительны.
21. Различные методы обработки драгоценных предметов, которые кажутся совершенно невозможными и сводятся к сокращению огромных расходов на роскошь.
22. Производство бумаги, перьев, слоновой кости, кости и окрашенного дерева в великолепных, изысканных и очень красивых цветах.
23. Хорошие и полезные физические методы для различных вин.
24. Производство ликера Rossoli из косточек фруктов и т. д. превосходного качества и по очень низкой цене.
25. Производство других полезных вещей, о которых я умалчиваю.
26. Профилактические средства от болезней и недомоганий всех видов и т. д.
27. Правильные слабительные средства, которые выводят из организма только вредные вещества. *Nota bene.*
28. Настоящие, безопасные и полезные косметические средства.
29. Высококачественное оливковое масло, произведенное в Германии за 12 часов.

Что касается сельского хозяйства и т. д., то это оставим на потом.

L. P. T. C. von Welldone.

По ряду причин здесь нельзя ничего сказать о еще одном пункте. Он остается в силе и т. д.

Реализация этого нового торгового плана может принести государственному искусству огромную пользу и привести к созданию неразрывной связи между некоторыми великими державами.

von Welldone.

Parler de soi même autrement, que par
des faits ne convient pas du tout
quand on a la bonté de s'adresser
à un si grand Roi: Votre Majesté
m'enverra donc les ordres, dont il
lui plaira honorer

à Dresde
25 Juin 1777

Votre très fidèle
très humble et très obéissant serviteur
Le C. de Wellone

Письмо Сен-Жермена Фридриху Великому

Сен-Жермен королю Фридриху [\[450\]](#)

Дрезден, 25 июня 1777 г.

Сир. Говорить о себе иначе, чем через дела, совершенно неуместно, когда имеешь счастье обращаться к такому великому королю. Ваше Величество, пожалуйста, пришлите мне приказы, которыми Вы удостоите меня чести.

Ваше Величество

покорнейший и послушнейший слуга
граф фон Веллдоне.

Король Фридрих Альвенслебену

Потсдам, 30 июня 1777 г.

Я не считаю целесообразным немедленно отвечать господину Сен-Жермену на его письмо. Поэтому я уполномочиваю вас сообщить ему от моего имени, что он может свободно приехать сюда, но в то же время обратить его внимание на то, что здесь люди очень скептически и в целом верят только в то, что можно доказать наглядно. Поэтому ему следует спросить себя, готов ли он продемонстрировать свою науку и свои секретные средства. В противном случае он наверняка зря потратит здесь свое время, которое, возможно, мог бы использовать с большей пользой в другом месте.

Король Фридрих к принцессе Вильгельмине Оранской

(Потсдам) 30 июня 1777 г.

Нам угрожает появление авантюриста по имени Сен-Жермен, который путешествует по миру с проектами, алхимическими рецептами, секретными лекарствами и рецептами философского камня. Сомневаюсь, что он найдет здесь свое счастье.

Король Фридрих принцу Генриху [\[451\]](#)

(Потсдам) 2 июля 1777 г.

Печально известный авантюрист Сен-Жермен приезжает сюда, чтобы взять нас под свою опеку. Он хочет увеличить наши доходы на 6 миллионов. Но я полагаю, что никто не хочет, чтобы его зарплата зависела от этого источника дохода.

(Потсдам) 9 июля 1777 г.

Сен-Жермен еще не прибыл. Возможно, он передумал, потому что я предупредил его о царящем здесь неверии. Прилагаю меморандум о его искусстве, который он прислал мне [452]. Если бы он мог делать золото, то обеспечил бы себя, но он не рискует использовать эту старую уловку. Для нас единственное искусство делать золото заключается в развитии сельского хозяйства и торговли, но и этим далеко не уйдешь, потому что импорт и экспорт зависят от наших продуктов и наших потребностей. Таким образом, ясно, что в нынешних условиях мы не достигнем такого успеха, как Крез и Монтесума. Можно быть очень счастливым, не имея золота; душевный покой и радость ценнее всех сокровищ Перу.

Принц Генрих королю Фридриху

Рейнсберг, 15 июля 1777 г.

Благодарю тебя, дорогой брат, за любезно присланный мне меморандум с чудесами, которые умеет творить Сен-Жермен. Конечно, он много обещает, но он также много знает, наверняка занимался обширными исследованиями и всегда считался чудотворцем. Поэтому вполне возможно, что он владеет секретом использования и совершенствования определенных веществ. Попытка с двумя-тремя предложенными им предметами не может повлечь за собой больших затрат и, в случае успеха, принесет значительную прибыль, пусть и не сокровища Креза или Монтесумы, но можно стать богатым, даже очень богатым, не сравниваясь с ними. Мерилом богатства являются собственные потребности. Тот, кто находит удовлетворение, не теряет ничего из своей радости и душевного покоя, более того, он еще больше усиливает их, если умеет облегчить участь несчастных и нуждающихся.

III

Из писем курфюрста Максимилиана III Иосифа Баварского (1727-1777)

Курфюрст Максимилиан своей сестре, вдовствующей курфюрстине Марии Антонии Саксенской [453]

Мюнхен, 27 марта 1777 г.

Говорят, что у вас гостит человек, которому 200 лет. Напишите мне, правда ли это.

Мюнхен, 10 апреля 1777 г.

Если этот Сен-Жермен действительно насчитывает 200 лет, не выглядя на свой возраст, то он, без сомнения, адепт.

IV

Из переписки принца Фридриха Августа Брауншвейгского [454]

Дубоска [455] принцу Фридриху Августу

Лейпциг, 15 марта 1777 года.

Получив милостивое письмо Вашего Высочества [456], я немедленно отправил предполагаемому графу Сен-Жермену письмо [456], которое Ваше Высочество поручило мне передать. Я приложил к посылке очень настоятельную просьбу не откладывать его отъезд в Берлин в соответствии с пожеланиями Вашего Высочества. Я должен был сказать ему это устно, а не письменно, но мы поссорились, потому что я счел целесообразным проявить к нему недоверие.

Ниже приводится краткое описание наших мимолетных отношений. После загадочного пребывания продолжительностью около трех месяцев нынешний граф Сен-Жермен, который в то время был известен под именем графа *Велдоуна* и намеренно давал понять, что это лишь псевдоним его настоящего имени князя *Ракоци*, решил подружиться со мной. Признаюсь, что из-за недоверия к этой попытке сближения я не был так польщен, как следовало бы быть. Ведь он исходил от человека высокого положения, который, по его утверждению, обладал высшим знанием и жил только для обогащения и счастья человечества. Во мне яростно боролись мое отвращение и горячее желание расширить и исправить свои представления.

Наша первая встреча началась с восхваления его талантов и огромных достижений в области химии, большой роли, которую он сыграл в России, его участия в войне в архипелаге [457] (в которой он, однако, не участвовал), его профессии, приносящей счастье людям, миллионов, которые он потратил на благотворительность. Наконец он перешел ко мне, восхваляя мои знания, мою честность и многие другие достоинства. Очень странно! Откуда он это знал? Ведь он меня вообще не знал, и я сам не узнавал себя в этом описании. Затем он показал мне шелковые ткани всех возможных цветов, обычную кожу, из которой изготавливают марокин или тонкую кожу разных цветов, грубое полотно, переработанное в испанскую парусину. Он рассказал о своем секретном способе улучшения драгоценных камней и о других менее важных секретных средствах.

Когда я ушел от него, я был удивлен его красноречием и убедительностью, но несколько не убежден. Мы виделись еще несколько раз; каждая встреча длилась по семь часов. У меня было достаточно времени, чтобы укрепиться в своих сомнениях; я убедился, что он ни в коем случае не был адептом. Я видел в нем только остроумного человека, который много читал, видел и пробовал, человека, который владел несколькими секретными средствами и различными химическими знаниями, но не стал при этом методичным исследователем, короче говоря, человека без твердой системы. Я понял, что он был далек от теософии, что он был далек от того, чтобы видеть бесконечное Все в совокупности отдельных частей или получить правильное представление о творческой причине из анализа творения.

Мне казалось, что человек, который существует в этом мире только для того, чтобы делать его счастливым и раздавать сокровища, не может и не должен оказаться в положении, когда ему всего не хватает и у него нет ни гроша за душой. Я признаю, что адепт может вести себя самым скромным образом, но он никогда не находится в крайней нужде; он никогда не хвастается своим пониманием или своим происхождением. Он такой, каким должен быть: простым, открытым и честным.

Мой роман закончился так, как я и предполагал. Он одолжил меня в ожидании своих богатств, но я не счел целесообразным одалживать ему что-либо. На этом наши отношения закончились.

Я обнаружил в нем несколько противоречий и еще больше лжи. Кто-то требовал от него 4000 гульденов, которые он еще должен в Швабах или его окрестностях со времени своего пребывания там. Он убедил его, что заплатит их из выручки от векселя на 4000 рублей,

который он передал мне на продажу. Он позволил себе эту ложь в то время, когда умолял меня помочь ему выйти из затруднительного положения, дав ему ссуду.

Может ли мудрец лгать? В настоящее время его финансовое положение, по-видимому, улучшилось; он нашел более доверчивого человека, с которым занимается изготовлением золота.

Надеюсь, Ваше Высочество простит меня за эти многочисленные слова, но я счел, что не должен скрывать от Вас своего мнения об этом чуде.

Постскриптум. Только что Сен-Жермен прислал мне прилагаемое письмо для Вашего Высочества [458].

Бишофвердер [459] принцу Фридриху Августу

Эльстерверда, 25 марта 1777 г.

Признаюсь, что я недостаточно осведомлен, чтобы судить о таком человеке, как господин Сен-Жермен. Но я хочу подчиниться вам и свободно высказать свои мысли о письме брата Дюбоска [460] и графа Велдона [458].

Хотя о нем можно сказать: *Ecce vere Israelita, in quo dolus non est* [461], я все же считаю (исходя из опыта), что он слишком поспешен в своих суждениях о весьма уважаемых лицах. Обвинение во лжи требует веских доказательств; кроме того, он должен знать, что величайшие знания вполне совместимы с бедностью, а порой (по закону) даже неотделимы от нее. Можно раздавать огромные сокровища и при этом бояться потратить очень скромную сумму по прихоти. Брат Дюбоск, судя по рассказам всех, кто давно знает господина де Сен-Жермена, должен хорошо знать, что он часто попадал в ситуацию, когда ему приходилось одалживать деньги, но что он всегда честно возвращал их, перечисляя значительные суммы. Короче говоря, создается впечатление, что брат Дюбоск был ошеломлен просьбой графа Велдона о ссуде и в этот момент увидел все в ложном свете.

С другой стороны, письмо графа Велдона не отличается от того, чего можно было бы ожидать от знатока Т [462]. Поэтому я не вижу ни малейшей опасности в том, чтобы вы познакомились с ним, тем более что, как я убежден, вы не требуете ничего, что противоречило бы морали и профессии [463], к которой он исповедуется в своем письме, и если вы отложите установление особых отношений до того момента, который он вам укажет и который добрые люди желают для славы Божьей.

Фрелих [464] принцу Фридриху Августу

Гёрлиц, 28 марта 1777 г.

От Сен-Жермена Ваше Высочество не получит никакой информации о масонстве. Этот человек довольно долгое время прожил в Лейпциге под именем *сеньор Велдоун*. Я обедал с ним у Дюбоска. Я знаю его очень хорошо. Этот *Sieur Welldone* не является масоном; он также не является магом и не является теософом. Его роль в Лейпциге закончится печально, если он не найдет в ближайшее время добросердечного друга, который о, одолжит ему деньги. Я сообщаю об этом Вашему Высочеству как масону, чтобы (он), когда приедет в Берлин, не пытался *окупиться* именно таким образом.

Дубоск принцу Фридриху Августу

Лейпциг, 2 апреля 1777 г.

Поскольку Ваше Высочество, по-видимому, проявляет интерес к предполагаемому графу Сен-Жермену и даже удостоил его приглашением в Берлин, я считаю своим долгом сообщить Вашему Высочеству о том, что постепенно выясняется о прошлом этого загадочного человека. Как говорят, он родился во Франции, был низкого происхождения и, по-видимому, обучился ремеслу. Однако следующее я знаю наверняка от одного из моих друзей, заслуженного человека, швейцарского офицера по имени Хотц, который служит подполковником в гвардии русского великого князя [465] и в настоящее время находится здесь по семейным делам. Как он мне заверил, он встретил нашего Сен-Жермена в пути по России, когда тот печально шел пешком по дороге. Из-за травмы ноги он с трудом передвигался. Офицер, полный сострадания, посадил его в свою карету. У него, должно быть, была в Москве или ее окрестностях фабрика по производству «», но она не приносила прибыли. Ему посчастливилось познакомиться с графом Орловым [466], с которым он некоторое время проводил химические эксперименты, но в конце концов граф устал от этой бесплодной и дорогостоящей работы и уволил его. Благодаря милости этого господина он долгое время прожил на его содержании. С тех пор он скитался по нескольким регионам Германии, о чем свидетельствуют долги, которые он задолжал, в частности, в районе Швабаха. Здесь даже поступил выписанный им и не оплаченный вексель на сумму 20 000 гульденов от еврея из Ансбаха.

В настоящее время я узнаю, что он повсюду показывает письмо Вашего Высочества [467] и дает его читать. Он рассказывает всем, что его повсюду приглашают прийти и не скрывать от мира свои возвышенные знания. Таким образом, он играет одним против другого. Простите, Ваше Высочество, что я рассказываю такие истории. Но они помогают разоблачить обманщика. Я хотел закончить, но забыл еще одну показательную историю. Вчера я был в доме, где показывали кольцо, которое он подарил одному из своих местных покровителей. Это был довольно большой желтый камень, обладающий огнем. Когда он его подарил, он подчеркнул, что это желтый бриллиант, и оценил его как минимум в 1000 талеров. Присутствовавший ювелир и большой знаток осмотрел кольцо и сказал: «Конечно, этот камень может стоить около восьми грошей». Мне кажется, это довольно характерная черта для него.

Бишофвердер принцу Фридриху Августу

5 апреля 1777 года.

Все, что я могу добавить по поводу графа Велдона, это то, что он не является P [rior] Cler [icorum], и что, несмотря на доказательства его знаний, я не советую вам писать ему письма, которые не могут быть показаны публично. Краткая беседа с каменщиками, которых я встречу в Лейпциге, должна пролить свет на эту тайну.

Дубоск принцу Фридриху Августу

Лейпциг, 12 апреля 1777 года.

По приказу Вашего Высочества я хочу поговорить с предполагаемым Сен-Жерменом. Надеюсь, что мои упреки произведут большее впечатление, чем я ожидаю. Этот человек не умеет преподнести себя в лучшем свете, чем показывая с таинственным видом письма, содержание которых может создать о нем высокое мнение. Таким образом ему удастся прослыть чудотворцем.

Если послушать много анекдотов из его жизни и сравнить их между собой, то постепенно можно понять его уловки. Я готов поспорить, что он еврейского происхождения. Некоторое время он проработал на ситцевой фабрике в Москве, потому что занимается производством красок, в чем, по его утверждению, он очень хорошо разбирается. Поскольку он не смог удержаться там, это, по-видимому, доказывает обратное. Если сопоставить это обстоятельство со временем его поездки в Россию, то получается, что это тот самый незнакомец, с которым один из моих друзей [468], человек очень образованный, частично совершил поездку в Москву. Это совпадает как со временем, так и с талантами, которыми он хвастался, и с описанием, которое дал ему мой друг. Здесь он постоянно рассказывает, что он хорошо известен и очень популярен при русском дворе и играл там важную роль. Все это, по крайней мере, доказывает, что он сильно хвастается.

Вчера я долго беседовал с одним из моих друзей, великим гравером, который очень увлечен всем, что с этим связано. Он хорошо знает нашего чудака, знает о нем все и поинтересовался его секретным методом изготовления и улучшения драгоценных камней. Как он мне заверил, Сен-Жермен не может ни изготавливать драгоценные камни, ни улучшать и совершенствовать бракованные алмазы. Метод, которым он хвастается, может применяться разве что к топазам или полудрагоценным камням; он провел эксперимент с коричневыми топазами, и он оказался успешным: они стали совершенно белыми. Мой друг несколько раз повторил эксперимент с бриллиантами, но тщетно: средство осталось совершенно бездейственным.

Единственные камни, которые принадлежат Сен-Жермену и которые он очень высоко ценит, происходят из шахты, которую он обнаружил в России и которую, по его утверждению, он имеет право эксплуатировать. Он устраивает по этому поводу удивительный шум и хочет убедить людей, что из этого можно сделать очень прибыльную отрасль торговли. Однако ему доказали, что на это нет никаких перспектив, поскольку эти камни состоят из вида кристалла, который, хотя и очень твердый, но намного уступает топазам, поскольку не обладает ни их красотой, ни блеском. Они похожи на гальку, которую можно найти у нас и в других местах.

Вполне возможно, что господин фон Саграмосо [469] видел его во Флоренции, Пизе и Венеции, поскольку он действительно путешествовал по Италии (). Но при всем должном уважении к проницательности господина фон Саграмосо, я не могу думать о нем так же благосклонно, как он. Иначе он должен был бы сильно измениться с тех пор. Но зачем человеку меняться в худшую сторону? Таким образом нельзя ни укрепить свою репутацию, ни приобрести последователей. Поэтому я остаюсь при своем мнении: он льстив, уступчив, говорит всем то, что они хотят услышать, но горе тому, кто на него поверится! Граф Орлов может рассказать об этом не понаслышке [470]. Сомневаюсь, что Сен-Жермен когда-либо бывал в Дрездене; никто его там не видел. Он говорит о многих городах, но о Дрездене не упоминает ни словом. И здесь я снова удивляюсь господину фон Саграмосо.

Сен-Жермен все еще здесь; он не сдвинулся с места. Граф Марколини, который специально приехал, чтобы поговорить с ним и отвезти его в Дрезден [471], если он будет им доволен, поспешно уехал, оставив его здесь. Это не совсем доказывает, что он был доволен. Тем не менее, господин фон Саграмосо, сопровождавший графа Марколини, должно быть, высоко ценил Сен-Жермена. Тот продолжает жить здесь в тени и заводит несколько знакомств, но они никогда не длятся долго; с ним очень скоро ссорятся.

Герцог Карл Курляндский [472] принцу Фридриху Августу

Дрезден, 22 апреля 1777 г.

Брат Б [ишофвердер] этой ночью уехал в Лейпциг, где он рассчитывает познакомиться со странным человеком по имени Э, который уже несколько месяцев находится в Лейпциге и о знаниях которого мы пока не имеем ясного представления.

Бишофвердер принцу Фридриху Августу

Дрезден, 2 мая 1777 г.

Ваше Высочество, вероятно, узнали от брата Декера о причинах, по которым граф *Велдоун* показал вам свое письмо [473].

Фрелих принцу Фридриху Августу

Гёрлиц, 7 мая 1777 г.

Сен-Жермен все еще находится в Лейпциге, и к нему относятся все менее внимательно, так как исчезла всякая надежда, что он хоть в малейшей степени разбирается в масонстве.

Сен-Жермен принцу Фридриху Августу [474]

Лейпциг, 8 мая 1777 г.

Ваше Высочество, позвольте мне открыть вам свое сердце. Оно кровоточит с тех пор, как господин советник Дюбоск в неудобной для меня форме передал мне приказ, которым, по его словам, вы удостоили его. Но этот приказ, безусловно, не был адресован мне. Господин барон фон Вурмб [475] и господин барон фон Бишофвердер всегда будут давать мне похвальные отзывы о том, что мой шаг был вполне оправдан и честен, что мое почтение и моя ревностная и верная преданность, которые я навеки поклялся Вашему Высочеству, были для меня неизбежными, хотя сначала я хотел с деликатностью скрыть свои мотивы. По возможности я хочу ускорить здесь выполнение моих столь важных, сколь и необходимых дел, чтобы в скором времени иметь невыразимую радость предстать перед Вами. Несравненный князь, когда я удостоюсь чести быть Вам хорошо известным, я с уверенностью ожидаю от Вашей справедливости и проницательности всего, что мне положено и что, исходя от Вас, будет для меня дорого и ценно. Из чувства долга, привязанности и почтительного, верного служения Вашему Высочеству я остаюсь Вашим покорнейшим и послушнейшим слугой

граф *Веллдон*.

Monsieur

Votre Altesse veut bien permettre que
je lui envoie mon cœur, il est ulcéré depuis
que M. le Conseiller de Bosc s'est servi d'un
morceau qui ne pouvoit pas m'être agréable
pour me signifier les ordres dont elle
l'avoit honoré, à ce qu'il dit dans la lettre
et qui sûrement ne pouvoient me regarder
en aucune manière. M. le Baron de
Wurm, ainsi que M. le Baron de Busch,
opswarde sont toujours d'honorables
témoignages de la bonté et droiture de
ma démarche que le respect et l'attachement
zélé et fidèle que je tiens à vous
pour la vie Monseigneur, m'ont absolu-
lument rendu nécessaire, quoique ma
délicatesse m'ait d'abord enjoint de
ne rien dire du motif -

Je presserai autant que possible de terminer
des affaires très importantes qui indispen-
sables au lieu où je me trouve pour avoir
tout aussi tôt agité l'innommable joie
d'aller vous faire ma cour Prince incompa-
rable; quant à l'honneur de vous être
bien connu, Monseigneur, je me promets
bien surmonter de votre justice et bon
discernement toute celle que on me doit
et que venant de votre part me para
extrêmement chère, je suis comme
mon devoir, mon inclination et mon
attachement respectueux, et fidèle

De Votre Altesse très humble

Monseigneur

Leipzig le 8 mai 1755

Le très humble et vaillant serviteur

Le D^e Wurm

Письмо Сен-Жермена принцу Фридриху Августу Брауншвейгскому

Monsieur

Votre Altesse veut bien permettre que
je lui envoie mon cœur, il est ulcéré depuis
que M. le Conseiller de Bosc s'est servi d'un
morceau qui ne pouvoit pas m'être agréable
pour me signifier les ordres dont elle
l'avoit honoré, à ce qu'il dit dans la lettre
et qui sûrement ne pouvoient me regarder
en aucune manière. M. le Baron de
Wurm, ainsi que M. le Baron de Busch,
opswarde sont toujours d'honorables
témoignages de la bonté et droiture de
ma démarche que le respect et l'attachement
zélé et fidèle que je tiens à vous
pour la vie Monseigneur, m'ont absolu-
lument rendu nécessaire, quoique ma
délicatesse m'ait d'abord enjoint de
ne rien dire du motif -

Письмо Фридриху Августу Брауншвейгскому; левая сторона

Je presserai autant que possible de terminer
des affaires très importantes qui indispen-
sent au lieu où je me trouve pour avoir
tout au plus tôt après l'innéprable joie
d'être avec vous faire ma cour Prince incompa-
rable: quand j'aurai l'honneur de vous être
bien connu, Monsieur, je me promets
bien survenir de votre justice et de
discernement toute celle qu'on me doit
et que venant de votre part me sera
extrêmement chère, je suis comme
mon devoir, mon inclination, et mon
attachement respectueux, et fidèle

De Votre Altesse Ser^{ve}

Monsieur

Leipzig le 8 mai 1777

Le très humble et très obéissant serviteur

L. J. Wetzel

Письмо Фридриху Августу Брауншвейгскому; правая сторона

Министр фон Вурмб [476] принцу Фридриху Августу

Дрезден, 19 мая 1777 г.

Я воспользовался своим четырнадцатидневным пребыванием в Лейпциге, чтобы прощупать настроение знаменитого Сен-Жермена, который теперь называет себя графом Велдоном. По моей просьбе он даже приехал на некоторое время. Поскольку, как я знаю, он обижен на некоторых за то, что они хотели сделать его чудотворцем, я поступил наоборот и обращался с ним как с обычным человеком, чьи знания в области химии и физики пробудили мое любопытство.

Я встретил человека в возрасте от 60 до 70 лет, очень живого для своего возраста. Он насмехается над теми, кто приписывает ему необычайный возраст. Он, конечно, не производит впечатления новорожденного, но благодаря своему упорядоченному образу жизни и хорошим лекарствам, которые он, по его словам, имеет в своем распоряжении (), имеет все основания рассчитывать на долгую жизнь. Несмотря на все это, внешне он не выглядит так, как будто ему осталось жить еще долго. Нельзя отрицать, что он обладает

прекрасными знаниями. Я буду работать с ним над несколькими статьями о крашении и обработке шерсти и льна, чтобы посмотреть, можно ли извлечь из этого какую-то пользу для наших мануфактур. Мне не нравится, что он часто говорит о миллионах, хотя он далек от того, чтобы ими распорядиться, и, по-видимому, даже не умеет делать золото.

Завоевав его доверие, я завел разговор о масонстве. Не проявляя особого энтузиазма или интереса к этому вопросу, он признался мне, что является членом четвертой степени, но уже не помнит знаков. Поэтому я не мог обсуждать с ним эту тему более подробно, поскольку он ничем не продемонстрировал каких-либо знаний о системе строгого соблюдения правил. В конце концов, он сам проявил интерес к делу Шрепфера [477], и когда я рассказал ему все, что мог, он рассказал мне историю, которая произошла с ним в Париже. Там компания из примерно 200 человек во главе с глупым герцогом Бульонским и несколькими дамами, увлеченными системой графа Габалиса [478], пыталась познакомиться с ним, потому что считала его высшим начальником. Из всего этого я делаю вывод, что либо он очень хорошо притворяется, либо он не один из нас. Последнее мне кажется более вероятным, тем более что в вопросах религии и философии он является явным материалистом.

Бишофвердер принцу Фридриху Августу

Эльстерверда, 9 июля 1777 г.

Граф *Веллдоун* действительно не является одним из наших. Но если он и обладает настоящими секретами, то я владею самым важным из них. Хотя это и противоречит всем правилам вероятности:

1. что это вообще возможно,
2. что я предназначен быть носителем столь богатого аркана,
3. что я получил его как новичок, я все же отложу свое решение на 14 дней, когда в этом вопросе уже не будет никаких сомнений. Я доверяю это только вам и расскажу, в чем дело. Может быть, это испытание нового рода? Мне кажется подозрительным, что такой драгоценный секрет предлагается мне рукой мирянина, атеиста.

Эльстерверда, 16 сентября 1777 года.

Попытки, которые я предпринял с помощью секретных методов, переданных мне Сен-Жерменом, дают поразительный эффект. Всегда под минимальным условием моего честного слова хранить молчание; до сих пор я не понимаю, почему я стал их носителем.

СЕН-ЖЕРМЕН В БЕРЛИНЕ [479]

/

Из «Воспоминаний» Тьебо [480]

Необычный человек, известный в мире как граф Сен-Жермен, прибыл в Берлин и пробыл там более года. Аббат Пернети [481] немедленно посетил его как адепт и рассказал нам о нем чудесные вещи.

Граф был стариком, возраст и родина которого были неизвестны. Он был еще очень бодр, хотя и немного полный (). Говорили, что он владел секретом изготовления золота и даже

бриллиантов. Что еще более важно, он жил уже не знаю сколько сотен лет. Он был вечным евреем, чем-то совершенно удивительным, тем более что владел всеми европейскими языками. Сен-Жермен снял несколько комнат в одной из лучших гостиниц Берлина. Он жил там очень уединенно, имел двух слуг и арендованную карету, которая весь день стояла у дверей. Он хорошо ей платил, но никогда ею не пользовался.

Старый барон фон Книпхаузен [482] сразу же навестил его как старого знакомого и настоятельно пригласил его пообедать у себя. «С удовольствием», — ответил Сен-Жермен, — «но только если вы пришлете мне свою карету. Мне не нужны наемные кареты, они слишком плохо держатся на ремнях». Примечательно, что незнакомец всегда обращался к барону только как «мой сын».

Принцесса Амалия [483] хотела его увидеть, и он явился к назначенному времени. Она спросила его, из какой он страны.

«Я из страны, — ответил он, — которая никогда не имела иностранцев в качестве правителей».

Таким же ловким и загадочным образом он отвечал на все вопросы Ее Королевского Высочества, которая в конце концов осталась безмолвной и проводила его, не узнав о нем ничего.

Его также хотела увидеть мадам дю Труссель [484]. Аббат Пернети выступил посредником в этом государственном мероприятии, и однажды вечером граф пришел к ней и поужинал у нее. Разговор зашел о философском камне. Однако он заметил только, что те, кто занимался этим, в большинстве своем совершали странную глупость, используя только огонь в качестве основного элемента. Они не учитывают, что огонь растворяет и разъединяет, и поэтому абсурдно работать с огнем, когда речь идет о новом составе. Он долго и подробно говорил об этом, а затем перешел к более повседневным вещам.

У него были тонкие, одухотворенные черты лица; по нему было видно, что он человек из хорошей семьи и с хорошим воспитанием. Говорят, что он был учителем печально известного Калиостро [485], который, как известно, в Париже обманул кардинала де Рохана [486] и многих других. Но ученик ни в коем случае не мог сравниться с учителем. Последний до самой смерти не попал ни в одну неприятную ситуацию, в то время как более смелый Калиостро часто рисковал всем и закончил свою карьеру в темницах римской инквизиции, что было печальной, но слишком мягкой судьбой.

История графа Сен-Жермена показывает более мудрого и осторожного авантюриста, и ничего, что противоречило бы чести в ее истинном смысле. Ничего нечестного, все прекрасно, нигде нет подлости и возмущения. Если правда, что он сказал дамам, которые плакали во время трагедии «Мариамна»: «Как бы вам было, дамы, если бы вы знали ее, как я, если бы видели, какой она была милой, очаровательной и красивой [487]!» — если правда, что он сказал о страданиях Иисуса Христа: «Это была его собственная вина; я предсказывал ему, что он погибнет, если не изменит своих целей» [488], — то это смешные выражения, но с точки зрения общественного порядка они не являются преступлениями.

Когда этот странный человек находился в Берлине, я однажды осмелился поговорить о нем с французским послом, господином фон Понс Сен-Морисом [488]. В частности, я выразил свое удивление по поводу его особых, близких отношений с высокопоставленными лицами, например, с кардиналом де Берни [489], от которого он, как утверждается, получил конфиденциальные письма из того времени, когда тот был министром иностранных дел.

Посол не стал высказываться по этому поводу, но затем высказал предположения, которые звучали вполне правдоподобно.

«Я полагаю, — сказал он мне, — что действительно необычный человек принимает решение создать себе необыкновенную судьбу и сыграть в мире роль, которая вызовет удивление и всеобщее внимание. Я полагаю, что этот человек, полностью поглощенный этой идеей и посвятивший себя ей, обладает умом, приобретает знания, внимательно следит за всеми обстоятельствами и проявляет еще большую настойчивость в осуществлении своего плана. Я особенно предполагаю, что он умеет скрывать свои намерения под покровом глубочайшей секретности и что в случае необходимости ему никогда не недостает присутствия духа и гибкости. Наконец, я предполагаю, что он унаследовал или приобрел значительное состояние, примерно 20 000 франков постоянного дохода. Как будет вести себя такой человек? Он не будет открыто говорить ни о своем возрасте, ни о своей родине, семье и личности; он окутает себя глубочайшей тайной, отложит свой доход в размере на несколько лет и таким образом накопит капитал, который доверит надежным и известным банковским домам. Когда он приедет в Берлин, его деньги будут, например, в Лейпциге. Берлинский банк получит поручение выплатить ему 20 000 франков или более. Он снимет их и отправит в банк в Гамбурге, который затем вернет их ему. Он будет играть в ту же игру с некоторыми банками во Франкфурте и в других городах; но это всегда будет один и тот же капитал, при этом он потеряет лишь несколько процентов и достигнет своей цели; ведь станет известно, что он каждую неделю получает значительные суммы со всех сторон, но никто не узнает, что он с ними делает, тем более что он мало тратит и не занимается никакими делами. Все другие чудеса, о которых рассказывают такие загадочные неизвестные личности, можно объяснить так же легко, как и деньги, которые граф Сен-Жермен так часто получает, хотя он так мало тратит».

II

Из «Фрагментов о Фридрихе Великом» Циммермана [490]

Мадам дю Труссель [491] страдала заболеванием, которое в Берлине считали неизлечимым; поэтому она отправилась на лечение к знаменитому графу Сен-Жермену. Тот излечил ее, и она всем показывала камень размером с куриное яйцо, который, по ее словам, был извлечен из нее Сен-Жерменом. Тем не менее, берлинская публика была достаточно подозрительна, чтобы поверить в то, что, по всей вероятности, и было правдой: Сен-Жермен излечил ее лишь от последствий ее любви к позорному епископу Вроцлавскому [492]. Два года спустя эта не безызвестная берлинская дама умерла от высокой лихорадки.

III

Граф Сен-Жермен [493]

Этот авантюрист, умерший два года назад в Датском Гольштейне, был достойным противовесом покойному графу Калиостро [494]. Он тоже находил множество поклонников и последователей, и с каким восторгом его восхищали! Как раз сейчас я получаю большую гравюру [495], на которой он изображен в великолепном меховом плаще с незначительным аристократическим выражением лица, а под ней находятся весьма любопытные стихи, которые, как мне кажется, заслуживают упоминания, чтобы рассказать о мышлении таких людей, которые не стесняются время от времени распространять подобные вещи в мире.

Я очень хорошо знал, что многие высокопоставленные и низкопоставленные люди были очарованы этим человеком, который не обладал ни публичными, ни тайными истинными искусствами и науками, хотя и понимал секрет, как заставить многих поверить, что он чудотворец; тайну, которая теперь так открыто и, можно сказать, так неуклюже используется,

что становится ясно, как легко, как только кто-то примирится со своей совестью, использовать все средства для достижения своей цели.

Этот человек, который многое знал, но ни в чем не разбирался досконально, которого в Дрездене и Берлине не уважал ни один умный человек, который не обладал самыми общими знаниями о том, что великие ученые достигли в важнейших областях, который никогда не создал ничего действительно хорошего или прекрасного, который ничего не выучил как следует, а вместо тяжелого обучения предпочел применять более легкий труд магических заклинаний: этот человек был достаточно наглым, чтобы дать понять, что он все знает и все может. И, к сожалению, он нашел даже среди немецких князей некоторых, кто ему поверил. Он должен был быть не просто великим музыкантом, но и играть на скрипке так, как будто слышались три скрипки одновременно [496], а он играл на своей весьма посредственно. Он должен был не только улучшать кожу и шерсть, но и очищать алмазы от пятен и даже плавить несколько вместе, хотя все, кто доверял ему в первых, более легких искусствах, с ущербом для себя убедились в тщетности его обещаний, а вторые, более сложные вещи, никто из людей никогда не видел. Он должен был уметь делать золото; но кто же сейчас не умеет этого? Он умел изготавливать омолаживающие или даже дающие бессмертие лекарства, в частности, некую соль, так что земные части человека, сотворенного из земли, обретали сверхземную судьбу. Он покупал дома и поместья, не платя за них, и люди удивлялись, откуда он берет на это деньги и т. д.

Все это я знаю очень хорошо. Я также знаю, что он по-прежнему пользовался доверием, когда то частично передавал через других, то частично сам давал понять в порыве, то прямо заявлял, что он чрезвычайно стар, что, однако, в зависимости от обстоятельств, указывалось по-разному. Вскоре он переписывался только с императором Леопольдом [497], а затем с адептом из общества Золотого и Розового Креста, Федерико Гуальдо [498] [*], с которым он дружил с детства, а затем даже давал всевозможные советы нашему Господу Христу относительно его поведения [**]. Я даже знаю, что некоторые и сейчас, после его смерти, верят: он жив и скоро воскреснет! Хотя он действительно мертв и, вероятно, уже гниет и воняет, как любой обычный человек, который не может творить чудеса и которого никогда не приветствовал ни один принц.

Хотя я знал все это, я никогда не мог поверить, что бессмысленное почитание такого человека может дойти до такой степени, как я увидел на упомянутой гравюре. Вот полный текст восхваляющей подписи к ней:

Граф Сен-Жермен,

знаменитый алхимик.

Как Прометей, он похитил с небесного свода

Пламя жизни, которое поддерживает Вселенную;

Природа следует его слову, подчиняясь ему;

Если он и не бог, то бог вдохновил его [499].

Кто бы мог подумать, что в наши дни имя «алхимик» может быть серьезным почетным титулом! Кстати, конечно, заслуживает называться знаменитым алхимиком тот, чей голос подчиняется природе и по чьему зову она движется. Природа! Знают ли люди, что они говорят, когда используют такие слова? Но последняя строка, последняя строка!

«Если он не Бог, то Бог вдохновил его!»

Условная формулировка мысли в первом предложении явно предполагает, что она может быть реальной и достоверной. И какая мысль!

Я, конечно, не нетерпим и не еретичен, я не люблю использовать жесткие слова и сильные обвинения, когда еще можно обойтись насмешкой; но я боялся бы оказаться недостойным имени поклонника Бога, если бы не сказал здесь серьезно и обвинительно: что это позорное выражение содержит одно из самых яростных богохульств, в которых когда-либо виновен заблудший человеческий разум. Даже если бы этот человек был столь же мудр и проницателен, сколь он был глуп и невежествен, столь же благороден, велик и скромен, сколь он был ребячлив, тщеславен и хвастлив, столь же возвышен, сколь он был корыстен, столь же открыт и искренен, сколь он был коварен и лжив и т. д. — то каждый человек должен был бы содрогнуться перед мыслью использовать эти слова, которые я стыжусь повторить. Явный, грубый атеизм, который сейчас снова начинает громко заявлять о себе, менее вреден и опасен, чем такое обожествление человека. Достаточно печально, если бы я должен был жить среди сограждан, которые никогда не задумывались о самых возвышенных идеях, которые не имели бы представления об общем отце природы и всех людей, чья мораль я должен был бы полагаться только на их чувства или страх перед наказанием! Но тысячу раз добро пожаловать их обществу по сравнению с такими людьми, которые могут считать возможным, мыслимым: что слабый человек, такой как я и они, управляет всей природой, что ограниченное существо имеет в своих руках силу, благодаря которой все живет и благодаря которой существует мир, и что этот человек, следовательно, заслуживает самого безграничного повиновения, самого непреодолимого следования всем его приказам и истинного божественного почитания! Я содрогаюсь, когда представляю, к чему это привело бы с точки зрения здравого смысла, совести () и правил человеческого поведения.

И кому нужен этот термин? Не варварским камчадалам, чьи грубые умы создали бога, которого превосходит самый грязный сын земли, и которые, следовательно, легко могли бы обожествить фокусника. Нет, это делают культурные европейцы, чьи понятия должны быть чище и которые знают, что даже самый напряженный ум тщетно пытается живо представить себе тень великих качеств божества, даже если он соединяет в своем воображении все самое возвышенное, что знал мир на протяжении тысячелетий. Более того, это делают христиане, которые хотят быть единственно благочестивыми и правочестивыми! Ведь те же люди, которые привержены спиритизму, алхимии и всем отвергнутым мечтаниям о тайных силах природы и о нынешних чудесах, которые верят в обман Каглиостро, Сен-Жермена, Шрепфера [500], Гюльденфалька [501], Плюменозка [502] и т. д. , которые ищут мудрость, приносящую счастье людям, в «*Mystère de la Croix*» и в книге «*De l'erreur et de la vérité*» [503]: именно они хвалятся высшей чистотой вероучения и всегда говорят о благочестии и истинном христианстве. Они так презрительно говорят о теологах , о новых веяниях, о насмешниках над религией и т. д., когда мыслящие умы применяют силу своего разума и исследовательский дух к действительно важным вещам и тем самым приходят к понятиям, которые, конечно, отклоняются от системы, популярной в настоящее время, но которые кажутся более близкими к сути и уже были высказаны тысячами благочестивых и праведных христиан на протяжении нескольких столетий, о чем, конечно, не знают эти люди вчерашнего дня, чья нехватка знаний и языковых навыков, незнание истории, удобство в повторении чужих слов, неспособность к самостоятельному мышлению и суеверие в готовности принимать самые безвкусные утверждения превосходит только их жестокосердное желание осуждать. Эти называющие себя истинными чистыми

христианами люди виновны в таких богохульствах, которые подрывают основу всей религии, всей морали и добродетели, всего человеческого разума и здравого смысла! Вот куда в конце концов ведет путь этих лживых лицемеров, для которых нет ничего слишком святого, чтобы не использовать в качестве прикрытия, даже христианская религия!

★★

*

Известный берлинский писатель и издатель *Фридрих Николаи* (1732-1811) пишет похожее [504]:

«Сен-Жермен выдавали за бога и привлекли внимание многих князей и других вовсе не бездуховных умов».

СЕН-ЖЕРМЕН В ГАМБУРГЕ (1778)

Дрессер барону Уффелю [505]

Гамбург, 23 октября 1778 года.

Теперь я должен сообщить Вашему Преосвященству об одном особом явлении. Человек, называющий себя графом Сен-Жерменом, который не желает раскрывать свое происхождение, проживает здесь в гостинице «Кайзерхоф». Он ведет роскошную жизнь, не испытывает недостатка в деньгах, платит за все *наличными*, но при этом не получает никаких денежных переводов [506]. Он пишет день и ночь, ведет *переписку* с величайшими коронованными особами, не любит общество, за исключением графини Бентинк [507] и французского министра [508]. Трудно завоевать его *расположение*. Он любитель естественной истории, изучал природу и благодаря полученным знаниям сейчас ему 182 года, а выглядит он так же молодо, как , как человек 40 лет. В строжайшей тайне он сказал одному моему другу, что у него есть определенные капли, с помощью которых он совершает все это, в том числе *transmutationem metallorum* [509] *pp*. В его присутствии он превратил богатый медью гульден в тончайшее серебро, плохую кожу в лучшую английскую кожу, а богемские камни в бриллианты. При этом он остается неизменным, не легко общается с кем-либо, имеет в избытке все виды золотых и серебряных монет, которые выглядят так, как будто только что вышли из монетного двора. Недавно он заказал себе полный набор современного серебряного столового сервиза по образцу, который есть у графини Бентинк, и сразу же оплатил его наличными новыми дукатами полного веса. И все же он не получает от никого денежных переводов и не имеет адреса ни у одного купца. Как это возможно? Может быть, этот человек и есть тот, кого мы до сих пор ищем?

Я прилагаю все усилия, чтобы познакомиться с ним в хорошем ключе, потому что назойливость могла бы навредить. Проезжавший здесь датский советник посольства знал этого человека в Париже, Лондоне и Гааге и заверил меня, что там он вел себя так же, как и здесь, что он бывал при всех дворах и пользовался особыми *привилегиями*, но, несмотря на это, никто так и не смог узнать его истинного происхождения. Он почти ежедневно получает письма от российской императрицы [510] и принцессы Амалии в Берлине [511]. Наши господа министры здесь ухаживают за ним, но он не сближается с ними, а постоянно пишет и еще при этом остается в тени. Его слуги ничего о нем не знают; он избавляется от них, как только покидает какое-либо место. У него есть только один камердинер, которого советник

посольства, мой друг, уже видел с ним в Париже, Лондоне и Гааге. Если Ваше Преосвященство сможет предоставить мне какую-либо информацию по этому поводу, я сделаю все возможное, чтобы узнать об этом человеке побольше.

Карл, принц Гессенский

Гравюра Йозефа Исая Нильсона

СЕН-ЖЕРМЕН В ШЛЕСВИГЕ И ЭККЕРНФЁРДЕ (1779-1784)

I

Из «Воспоминаний» принца Карла Гессен-Кассельского [512]

По возвращении из Берлина и Ханау я увидел в Альтоне [513] печально известного графа Сен-Жермена, который, казалось, проявил ко мне дружелюбие, особенно когда узнал, что я не охотник и не имею других увлечений, мешающих изучению высших естественных наук. Тогда он сказал мне: «Я навещу вас в Шлезвиге, и вы увидите, какие великие дела мы вместе совершим». Я дал ему понять, что у меня есть много причин, по которым я не могу принять его любезность в данный момент. Он ответил: «Я знаю, что должен прийти к вам, и я должен поговорить с вами». Я не знал другого способа избежать разговора, кроме как сказать ему, что полковник Кепперн [514], который остался из-за болезни, приедет за мной через несколько дней и что он может поговорить с ним об этом. Затем я написал Копперну письмо, чтобы он сделал все возможное, чтобы опередить графа Сен-Жермена и отговорить его, насколько это возможно, от приезда сюда. Копперн приехал в Альтону и поговорил с ним, но граф ответил ему: «Вы можете говорить, что хотите, я должен ехать в Шлезвиг и не отступлю от этого. Остальное само собой решится. Вы позаботитесь о том, чтобы там для меня была подготовлена квартира и т. д.». Кёпперн сообщил мне об этом результате их беседы, с которым я не мог согласиться.

Кстати, я собрал много сведений об этом необычном человеке в прусской армии [515] и особенно говорил о нем со своим другом, полковником Франкенбергом. Тот сказал мне: «Вы можете быть уверены, что он не мошенник и обладает обширными знаниями. Он был в Дрездене, когда я был там с женой. Он хотел нам обоим добра. Моя жена хотела продать пару сережек; ювелир предложил ей за них сущие гроши. Она рассказала об этом в присутствии графа, который спросил ее: «Вы не хотите показать их мне?» Она так и сделала. Тогда он сказал: «Вы не хотите доверить их мне на несколько дней?» Он вернул их ей, украсив. Ювелир, которому моя жена показала их, сказал: «Это прекрасные камни; они совсем не похожи на те, которые вы показывали мне раньше!» И он заплатил за них больше, чем в два раза больше».

Сен-Жермен вскоре приехал в Шлезвиг. Он говорил со мной о великих делах, которые он хотел бы совершить на благо человечества, и т. д. Мне не хотелось этого, но в конце концов я почувствовал угрызения совести за то, что отверг знания, которые были важны во всех отношениях, из-за мнимой мудрости или из жадности, и стал его учеником.

Он много говорил об улучшении цветов, что почти ничего не стоило, об улучшении металлов, добавляя, что совершенно не обязательно делать золото, даже если ты умеешь это делать, и он оставался абсолютно верным этому принципу. Драгоценные камни стоят столько, сколько стоит их покупка, но если ты умеешь их улучшать, их ценность бесконечно возрастает. В природе почти нет ничего, что он не умел бы улучшить и сделать полезным. Он доверил мне почти все свои знания о природе вещей, но только основы, а затем позволил мне самому искать средства для достижения цели путем экспериментов и был чрезвычайно рад моим успехам. Так он поступал в отношении металлов и камней, но о красках он действительно рассказал мне, а также поделился некоторыми другими очень важными знаниями.

Возможно, вам будет интересно узнать его историю, и я хочу воспроизвести ее в точности его собственными словами, добавив только необходимые пояснения.

Как он мне рассказывал, ему было 88 лет, когда он прибыл сюда, и он умер в возрасте 92 или 93 лет. Он сказал мне, что был сыном князя *Ракоци* из Семигорья и его первой жены, Тёколы [516]. Он был взят под опеку последнего Медичи [517], который позволял ему спать в своей комнате, когда тот был еще ребенком. Когда он услышал, что его два брата, сыновья принцессы Гессен-Рейнфельс или Ротенбург, если я не ошибаюсь, подчинились императору Карлу VI и получили от императора и императрицы [518] имена *Сан-Карло* и *Санта-Элизабетта*, он сказал себе: «Хорошо, тогда я буду называть себя *Санктус Германус*, святой брат [519]».

Я, конечно, не могу ручаться за его происхождение, но то, что он пользовался чрезвычайной благосклонностью последнего Медичи, я слышал и от других. Этот дом, как известно, был сведущ в высших науках, и неудивительно, что он черпал там свои первые знания. Но он утверждал, что исследует силы природы благодаря своему усердию и исследованиям. Он досконально знал травы и растения и изобрел лекарства, которыми постоянно пользовался и которые продлевали его жизнь и здоровье. У меня еще сохранились все его рецепты, но после его смерти врачи очень яростно выступали против его науки. У нас был врач Лоссау, который был аптекарем, и которому я ежегодно давал 1200 талеров за приготовление лекарств, которые ему прописывал граф Сен-Жермен, в том числе и, в первую очередь, его чай, который богатые получали за плату, а бедные — бесплатно. Последние также пользовались услугами этого врача, который вылечил множество людей и, насколько я знаю, ни один из них не умер. Но после его смерти я устал от высказываний, которые слышал со всех сторон, отозвал все свои рецепты и не заменил Лоссау.

Сен-Жермен хотел основать фабрику по производству красок здесь, в этой стране. Фабрика покойного Отте [520] в Эккернёрде стояла пустая и заброшенная. Таким образом, у меня появилась возможность недорого купить эти здания за городом, и я поселил там графа Сен-Жермена. Я также купил шелковые ткани, лен и т. д. Кроме того, для такой фабрики требовалось много различного оборудования. Я пробовал там, как меня учили и как я сам пробовал в чашке, покрасить 15 фунтов шелка в большом котле. Это удалось на славу. Поэтому нельзя сказать, что в больших масштабах это невозможно.

К несчастью, когда граф Сен-Жермен приехал в Эккернфорде, он жил в сырой комнате, где у него развился очень сильный ревматизм, от которого он, несмотря на все свои лекарства, так и не смог полностью излечиться.

Я часто навещал его в Эккернфорде и никогда не возвращался без новых, чрезвычайно интересных знаний, так как часто записывал вопросы, которые хотел ему задать. В последний период его жизни я однажды застал его очень больным и, как он сам считал, на грани смерти. Он заметно угасал. После того как я пообедал в его спальне, я сел один у его постели, и он стал говорить гораздо откровеннее о многих вещах, предсказал мне многое и попросил меня вернуться как можно скорее, что я и сделал. Однако по возвращении я обнаружил, что он стал менее болен, но зато более молчалив. Когда в 1783 году я уехал в Кассель, он сказал мне, что в случае его смерти во время моего отсутствия я найду запечатанную записку от него, которая будет для меня достаточной. Но этой записки не было; возможно, он доверил ее неверным рукам. Я часто настаивал, чтобы он еще при жизни рассказал мне то, что хотел оставить мне в этой записке. Тогда он грустил и восклицал: «Ах, как я был бы несчастен, мой дорогой принц, если бы осмелился говорить!»

Он был, пожалуй, одним из величайших мудрецов, которые когда-либо жили на земле. Он любил человечество; деньги он требовал только для того, чтобы раздать их бедным. Он любил даже животных, и его сердце было занято только счастьем других. Он верил, что делает мир счастливее, предоставляя ему новые удовольствия, более красивые ткани и более красивые краски по более низким ценам, потому что его великолепные краски стоили почти ничего. Я никогда не видел человека с более ясным умом, и при этом он обладал эрудицией, особенно в истории, которую я редко встречал.

Он побывал во всех странах Европы, и я не знаю почти ни одной, где бы он не прожил длительное время. Он знал их все досконально. Он часто бывал в Константинополе, и в Турции. Однако Франция, казалось, была страной, которую он любил больше всего. Он был представлен Людовику XV женой Помпадур и также участвовал в небольших ужинах короля. Людовик XV очень доверял ему. Он тайно использовал его для переговоров о мире с Англией и послал его в Гаагу [521]. Людовик XV имел привычку без ведома своих министров использовать эmissаров, которых, однако, бросал, как только они были обнаружены. Герцог Шуазель узнал о его деятельности и хотел арестовать его. Но он успел вовремя бежать. Теперь он сменил имя Сен-Жермен на имя графа *Велдона*.

Его философские принципы в отношении религии были чистым материализмом, который он, однако, умел излагать так остроумно, что было трудно противопоставить ему убедительные доказательства; но мне часто удавалось указывать на недостатки его аргументов. Он был далеко не поклонником Христа, и поскольку он позволял себе высказывания, которые мне были неприятны, я сказал ему: «Дорогой граф, вы сами решаете, верить ли вам в Иисуса Христа или нет, но я откровенно признаюсь вам, что вы причиняете мне много горя, когда говорите против Того, Кому я так предан». Он на мгновение задумался и ответил: «Иисус Христос – ничто, но причинять вам горе – это нечто. Поэтому я обещаю вам, что больше никогда не буду с вами об этом говорить». На смертном одре, во время моего отсутствия, он однажды поручил Лоссау сказать мне, когда я вернусь из Касселя, что Бог оказал ему милость, позволив изменить его мнение еще до смерти, и добавил, что он знает, как это меня порадует, и что я еще многое сделаю для его счастья в другом мире.

II

Принц Карл Гессенский принцу Кристиану Гессен-Дармштадтскому [522]

17 апреля 1825 года.

Что касается Сен-Жермена, то я единственный, кому он доверял. Он был величайшим умом, которого я знал. Он умер в полном рассудке в Эккернаёрде. Я был тогда в Касселе. Он передал мне через своего врача [523], который был посвященным братом, что он умирает с верой в Иисуса Христа; это меня обрадовало. Мы много говорили о религии, но он не был ничуть набожен.

III

Принц Фердинанд Брауншвейгский принцу Фридриху Августу Брауншвейгскому [524]

Миддельфорт, за Малым Бельтом, 2 ноября 1779 года.

Я познакомился с графом Сен-Жерменом и очень доволен этим. Я трижды был у него в Эккернаёрде. Он приобрел обширные знания в области исследования природы... Его знания очень обширны, а беседы с ним чрезвычайно поучительны.

Христианский приют в Эккернёрде

IV

Из писем графа Варнштедта [525]

Шлезвиг, 24 ноября 1779 года.

У нас здесь также находится печально известный авантюрист Сен-Жермен. Он самый совершенный шарлатан, дурак, болтун, пустослов и, в некотором смысле, мошенник, который когда-либо жил. Наш принц [526] ценит и уважает его изо всех сил и от всего сердца. В этом он следует своей врожденной склонности к людям такого рода. Он ежедневно берет у него три часа уроков. Надеюсь, его личный врач найдет хорошие средства, чтобы избавиться от всех тех газов, которыми Его Высочество в настоящее время так уверенно наполняет себя. Этот Сен-Жермен, несмотря на свою всеобщую любовь к людям, не любит город Копенгаген и не собирается его посещать. Ключ к разгадке этой загадки заключается в том, что граф Бернсторф много лет назад в Париже узнал его таким, каким он является [527].

Шлезвиг, 11 декабря 1779 года.

Я провел два вечера с печально известным Сен-Жерменом. Я так же уверен в этом, как и в своем существовании, что он авантюрист и шарлатан во всех отношениях. Кроме того, он обладает бурным воображением и поэтому, возможно, иногда обманывает сам себя, как обманывает других. Он полон ума и знаний — истинных и ложных —, но еще больше он полон тщеславия, высокомерия и безмерной, редкой самолюбивости. У него, по-видимому, нет религии; он материалист, второй Ла Меттри [528]. Судя по его внешнему виду и неуверенной манере говорить, я считаю его португальским или испанским евреем. Принц невероятно смешон с этим человеком. Он утверждает, что ему всего 86 лет. Кстати, неправомерно с моей стороны плохо отзываться о нем, ведь он очень меня любит.

V

Фридрих Великий королеве-вдове Юлиане Датской [529]

Потсдам, 16 октября 1784 г.

Принц Гессенский отправится в Копенгаген, чтобы выдать свою дочь [530] замуж за наследного принца и, если сможет, править Данией. Он потерял мошенника Сен-Жермена, и в качестве утешения его постепенно будут вводить в государственные дела.

СМЕРТЬ СЕН-ЖЕРМЕНА В ЭККЕРНФЁРДЕ

I

Из «реестра умерших» церкви Святого Николая в Эккернафёрде [531]

«Умер 27 февраля 1784 года. 2 марта так называемый граф Сен-Жермен и Веллдон — других новостей не поступало — был тихо [532] похоронен в местной церкви».

II

Из «Доходов от открытия захоронений и погребальных расходов» [533]

«1783 [534], 1 марта, умершему здесь графу Сен-Жермену место для захоронения в местной церкви Святого Николая под номером 1 на 30 лет разложения: 10 рихталер, а за открытие могилы: 2 рихталера — всего: 12 рихталер».

III

Из списка «платы за колокола» [535]

«Граф Сен-Жермен похоронен 2 марта утром в церкви ... 12 марок».

IV

Обращение мэра и совета города Эккернаёрде [536]

Мы, мэр и совет города Эккернаёрде, сообщаем всем, кого это касается, что

Согласно тому, что известный как за пределами, так и здесь под именем *Comte de Saint-Germain* и *Welldone* и проживавший в течение последних 4 лет в этих краях господин граф Сен-Жермен недавно скончался здесь, в Эккернаёрде, его наследство было опечатано судом, и было сочтено необходимым, как его возможным наследникам по закону, поскольку до сих пор не было составлено завещания [537], так и его возможным кредиторам, публично объявить об этих наследственных правах и требованиях и одновременно в определенный срок обосновать их, —

настоящим мы приказываем всем и каждому, кто имеет какие-либо законные претензии [538] и права на наследство вышеупомянутого, умершего здесь графа Сен-Жермена и Велдона, которые касаются *vel ex capite hereditatis, vel debiti, vel alio quocunque capite vel causa* [539], которые они считают за свое право, настоящим раз и навсегда и *sub poena praecclusi* [540] предписываем, чтобы все они, без исключения, а именно местные жители в течение 6, а иногородние в течение 12 недель а *die publicationis* [541], в местном городском секретариате в соответствии с законом, предъявить имеющиеся у них документы и доказательства в оригинале, оставить заверенные копии в протоколе, а также назначить *procuratores* [543] ad

Акта, не проживающих в местном *foro* [542], с явным *предупреждением* [544] и предупреждением, что те, кто не выполнит это в течение *указанных* [545] 6 и 12 недель, по истечении которых дело не будет далее рассматриваться, а *будет преклюдировано* [546], и тогда им будет *наложено perpetuum silentium* [547], как сейчас, так и в будущем. В связи с этим, для *подтверждения* этих сведений, все *Profitentes* [548] настоящим раз и навсегда и таким образом *peremptorie* [549] вызываются и обязываются явиться 14 октября этого года *coram Magistratu* [550], должным образом *обосновать* свои заявления и, в зависимости от обстоятельств и характера наследства, ожидать правового решения и признания, *в случае необходимости*, в порядке первоочередности. После чего каждый, кому это важно, должен соблюдать осторожность и остерегаться ущерба.

Подписано в Экернёрде, 3 апреля 1784 года.

Мэр и совет города.

V

Некролог профессора Ремера в «Neuen Braunschweigischen Nachrichten»

В 56-м номере «Nachrichten» от 6 апреля 1784 года говорится: «Великий химик Маккер [551] скончался в Париже в прошлом месяце, как и известный крикливый бродяга граф Сен-Жермен».

В 59-м номере от 12 апреля приводится следующее опровержение [552]:

Нижняя Эльба, 9 апреля 1784 года.

«Граф Сен-Жермен, о смерти которого говорится в этих страницах, ни в коем случае не заслуживает оскорбительных эпитетов, которыми его обзывали. У него были свои особенности, но они почти всегда встречаются у гениев. Люди, которые хорошо его знали и чье суждение не вызывает сомнений, свидетельствуют, что он был человеком с глубоким пониманием тайн природы, который до конца своей жизни с большой активностью применял свои знания на благо человечества. Великие и прозорливые князья удостоили его своей благосклонности и покровительства. Когда он уже был поражен инсультом, он по-прежнему оставался самосознательным и с особенно яркой и поучительной покорностью подчинялся руководству великого создателя всего этого. Он умер 24 [553] февраля».

Из этого произведения было выпущено специальное издание в четыреста экземпляров на бумаге ручной работы в типографии Спамера в Лейпциге. Этот привилегированный тираж пронумерован и переплетена в цельную и полукожаную .

Сноски:

[1] От барона фон Гемминген и Казановы.

[2] Запись Харденбрука от 1762 года.

[3] Мишель де Монтень (1533-1592), «Очерки», книга 1, глава 20.

[4] Факсимиле этого письма с полной подписью P. M. de Saint-Germain опубликовано по оригиналу, хранящемуся в Британском музее в Лондоне, в монографии Дж. Купер-Окли «*The comte de St. Germain*» (Милан, 1912).

[5] См. Эндрю Лэнг, «Исторические загадки», стр. 259 (Лондон, 1904).

[6] Рукописный экземпляр трактата («*Musique raisonnée, selon le bon sens, aux dames anglaises qui aiment le vrai goût en cet art*»), объемом 135 страниц, хранится в библиотеке замка Лобковиц в Рауднице в Богемии. Она посвящена принцу Лобковицу, вероятно, генералу и дипломату принцу Иосифу Марии Карлу (1725–1802), который был также большим любителем музыки и, среди прочего, поддерживал переписку с Карлом Филиппом Эмануэлем Бахом в Гамбурге.

[7] Приложение к письму графа Кауница графу Кобенцлу от 19 апреля 1763 года.

[8] Отчет Хеллена от 8 января 1760 года.

[9] Запись Бентинка от 9 марта 1760 года.

[10] Запись Бентинка от 4 апреля 1760 года.

[11] Инструкции Шуазеля д'Аффри от 19 марта и 11 апреля 1760 года.

[12] Отчет Хеленса от 5 апреля 1760 года.

[13] Отчет Хеллена от 15 марта 1760 года.

[14] См. v. Bilbassoff, *Geschichte Katharinas II.*, немецкий перевод, т. 2, часть 1, с. 15 (Берлин, 1893).

[15] Запрос д'Аффри от 23 марта и ответ Шуазеля от 10 апреля 1762 года.

[16] Письмо Дюбоска от 2 апреля 1777 года.

[17] Письма Дюбоска от 2 и 12 апреля 1777 г.

[18] Письмо Дубоска от 12 апреля 1777 года.

[19] Шведский профессор Бьорнсталь в своем путевом дневнике (*Resa til Frankrike, Italien, Sweitz, Tyskland etc.*, т. 4, с. 172; Стокгольм, 1782), что 21 мая 1774 года в замке Ханау он встретил господина де Сен-Жермена в сопровождении лорда Кавендиша, с которым он познакомился в Лозанне и который направлялся в Кассель и Берлин. Этот Сен-Жермен был камергером лорда и поэтому не имел никакого отношения к нашему герою, который в то время уже находился при дворе в Ансбахе. О визите лорда и его камергера в Берлин в июле 1774 года см. «Политическая переписка Фридриха Великого», т. 35, с. 418, и дневники графа Лендорфа, дополнения, т. 2, с. 303 (Гота, 1913).

[20] Письма Фрелиха от 28 марта, Вурмба от 19 мая, Бишофвердера от 9 июля 1777 года.

[21] Письмо Дрессера от 23 октября 1778 г.

[22] См. журнал «De Vrijmetselaar» за май 1911 г.

[23] Письмо Вурмба от 19 мая 1777 г.

[24] Отчет от 25 июня 1763 года.

[25] Отчет от 25 июня 1777 года.

[26] На сегодняшний день известны следующие имена, под которыми выступал Сен-Жермен: *маркиз де ла Круа Нуар* (в Лондоне), *Сурмонт* (в Голландии), в Италии: *маркиз де Монферрат*, *маркиз д'Аймар*, *граф Белламаре* или *Бельмар* (в Венеции), *шевалье Шёнинг* (в Пизе), *граф Солтиков* (в Генуе), затем князь *Ракоци* и *граф Велдоун*.

[27] Барон Карл Генрих фон Глихен (1733-1807), дипломат на службе в Байройте, затем в Дании. Он был эстетом и теософом, писал о философских и художественных вопросах, среди прочего, написал сочинение о «Магии, каббале и тайных обществах». Его друг, граф А. фон Вестерхольт, опубликовал в «Andenken für Freunde 1811 und 1812» (Сульцбах) из «Воспоминаний» раздел о Сен-Жермене, который в немецком переводе появился в «Morgenblatt» (1813) и в изданном Вульпиусом «Curiositäten der Vor- und Mitwelt», т. 7, с. 12 и далее (Беймар, 1818). Вышеприведенная цитата взята из издания Гримбло «*Souvenirs de Charles Henri Baron de Gleichen*», с. 122 и далее (Париж, 1868).

[28] По пути из Копенгагена в Мадрид, куда он направлялся в качестве датского посла.

[29] Людовик XV.

[30] Король Франция Франциск I (1494–1547); король Англии Генрих VIII (1491–1547).

[31] Парижский район к северу от Сены.

[32] Мать Иоанна Крестителя.

[33] Мать Марии.

[34] В 325 году.

[35] Жан Рамо, французский композитор (1683-1764).

[36] Неоднократно упоминаемый шевалье Жак Винсент Ланге, граф де Жержи, был послом в Венеции с 1723 года до своей смерти в 1734 году.

[37] Скорее в 1784 году в Эккернёрде.

[38] Филипп фон Стош (1691-1757), знаток и коллекционер произведений искусства. С 1731 года жил во Флоренции.

[39] Герцог Филипп II Орлеанский (1674-1723) после смерти Людовика XIV (1715) осуществлял регентство за несовершеннолетним королем Людовиком XV.

[40] Мария Анна Пфальц-Нойбургская (1667–1740), вдова короля Испании Карла II, умершего в 1700 году.

[41] Герцог Стефан Франц де Шуазель был государственным секретарем по иностранным делам, женат на Луизе Онорине, дочери парижского банкира Кроза дю Шателя.

[42] Роберт Игнац Солар де Брейль, командор Мальтийского ордена, в 1758-1765 годах сардинский посол в Париже.

[43] Людовик Карл Август, граф Бель-Иль, герцог Вернонский (1684–1761), французский маршал и с 1758 года министр войны.

[44] Летом 1759 года.

[45] Для следующего см. ниже раздел: «Миссия Сен-Жермена в Гааге».

[46] Граф Людвиг Август Августин д'Аффри (1713–1793).

[47] Граф Алексей Орлов, брат князя Григория Орлова, фаворита императрицы Екатерины II, во время Турецкой войны 1768–1774 гг. возглавлял русскую экспедицию в архипелаг. Под его командованием 5–6 июля 1770 г. русский флот одержал блестящую победу над турецким флотом при Чесме.

[48] См. раздел «Сен-Жермен в Ансбахе».

[49] Здесь имеется путаница с графом Алексеем, который весной 1775 года по пути из Италии посетил Нюрнберг.

[50] Каролина, супруга маркграфа Александра, урожденная принцесса Саксен-Кобургская († 1791).

[51] У принца Карла было два брата: ландграф Вильгельм IX и принц Фридрих, который служил в голландской армии.

[52] Эта информация противоречит обращению магистрата Экернфорде от 3 апреля 1784 года к предполагаемым наследникам.

[53] Граф Максимилиан Йозеф Ламберг (1729-1792), императорский камергер, сначала тайный советник Вюртемберга, затем главный маршал двора князя-епископа Аугсбурга, с 1769 года жил как эстет, занимаясь философскими и научными исследованиями. Печать по его сочинению: «Le mémorial d'un mondain», т. 1, с. 80 и далее (Au Cap Corse, 1774).

[54] Имеется в виду шах Надир, известный под именем Тамас Чули-Кан, который в 1736 году взойшел на персидский трон, покорил Великого Могола и был убит в 1747 году.

[55] Герцог Фридрих Йоркский, сын короля Георга III Английского, с 1764 года князь-епископ Оснабрюка.

[56] *Пизон*, фамилия рода Кальпурниев.

- [57] Граф Мориц Саксонский, сын курфюрста Августа Сильного Саксонского и графини Авроры фон Кёнигсмарк, маршал Франции (1696-1750).
- [58] Иоганна Элизабет (1712-1760), вдова князя Кристиана Августа, умершего в 1747 году.
- [59] Вульгата, Псалом 44, стих 2; в переводе Библии Лютера (Псалом 45): «Язык мой — перо хорошего писателя».
- [60] См. с. 10.
- [61] Жан Франсуа де Ла Мот Ле Вейер († 1764), французский юрист.
- [62] См. следующий раздел: «Миссия Сен-Жермена в Гааге».
- [63] Франц I (1708-1765), римский император, супруг Марии Терезии.
- [64] О пребывании Сен-Жермена в Австрии нет никаких других подтвержденных сведений.
- [65] *Fou* в французском языке означает «бегун» в шахматной игре.
- [66] Человек должен родиться королем или дураком.
- [67] Иоганн Генрих Потт (1692-1777) и Андреас Сигизмунд Марграф (1709-1783), химики в Берлине; Гийом Франсуа Руэль (1703-1770), французский химик.
- [68] Названия алхимических трудов.
- [69] Роберт Клайв (1725-1774), завоеватель Ост-Индии.
- [70] Чарльз Уотсон (1714–1757).
- [71] Джон Стюарт, лорд Бьют (1713-1792), английский государственный деятель, фаворит короля Георга III.
- [72] Принц Фридрих Людвиг Уэльский, сын короля Георга II, умер в 1751 году.
- [73] Трагедия Вольтера.
- [74] См. Cooper-Oakley, с. 59.
- [75] Вероятно, имеется в виду принц Иосиф Мария Карл Лобковиц, упомянутый на стр. 13, прим. 1.
- [76] Иоганн Фердинанд Опиц (1741–1812), австрийский писатель, с 1775 года банковский инспектор в Чезлау. Письмо (без даты) по оттиску в Maunial, *Casanova et son temps*, с. 268 и далее (Париж, 1911).
- [77] См. «*Lettres critiques, morales et politiques*», т. 1, с. 3 (Амстердам, 1786).
- [78] Печально известный авантюрист граф Александр Калиостро.
- [79] Мир хочет быть обманутым.
- [80] См. Maunial, с. 269.
- [81] См. Maunial, с. 269 и далее.
- [82] Графиня Фелисите де Женли (1746–1830), урожденная маркиза Дюкрест де Сен-Обен, французская писательница. Ее воспоминания о Сен-Жермене, с которым она познакомилась

зимой 1759/60 года, то есть в возрасте 14 лет, были записаны только примерно 50 лет спустя, о чем свидетельствует ее замечание о короле Фридрихе VI Датском (ср. с. 75).

Вышеприведенная цитата взята из *«Mémoires inédits de Madame la comtesse de Genlis sur le dix-huitième siècle et la révolution française depuis 1756 jusqu'à nos jours»*, т. 1, с. 134 и далее (Париж, 1835).

[83] Франсуа Филидор (1726-1795), композитор.

[84] Морис Квентин де Латур (1704-1788); Карл Ванлу (1705-1765).

[85] Принц Карл был женат на принцессе Луизе, сестре короля Кристиана VII (1749-1808); его дочь Софи в 1790 году вышла замуж за наследного принца Фридриха (VI), который правил как король с 1808 по 1839 год.

[86] Пьер Жан Гросле (1718–1785), французский ученый и писатель. Вышеприведенная цитата взята из его *«Oeuvres inédites»*, т. 3, с. 323 и далее (Париж, 1813), из описания его путешествия в Голландию в 1772 году.

[87] См. раздел «Миссия Сен-Жермена в Гааге».

[88] 1743-1745.

[89] В «Гиль Блас», знаменитом романе нравов Алена Рене Лесажа (1668-1747).

[90] Вероятно, покушение, совершенное Дамьеном на Людовика XV в 1757 году.

[91] Согласно новейшим исследованиям, человек в железной маске был министром герцога Мантуанского, который исчез в Пинероло, куда его отправил Людовик XIV.

[92] Королева-вдова Мария Анна Испанская (см. с. 53).

[93] См. *«Hohenzollern-Jahrbuch»*, 1911 г., с. 296.

[94] См. *«Un diplomate français à la cour de Cathérine II. Journal intime du chevalier de Corberon, 1775-1780»*, под ред. Лабанде. Т. 1, с. 195 и далее (Париж, 1901).

[95] Шарль Антуан Гуфье, маркиз де Хейли и Рибемон (род. 1698), французский генерал-майор.

[95] См. «Дневники имперского графа Эрнста Ахасвера Генриха Лендорфа после его пребывания в должности камергера». Изд. К. Э. Шмидт-Лётцен. Т. 1, с. 6 и далее (Гота, 1921).

[97] Трагедия Вольтера *«Ирод и Мариамна»*, впервые поставленная в 1724 году. Ирод Великий, четырехкнязь Галилеи, казнил свою супругу Мариамну.

[98] См. *«Anecdotes du règne de Louis XV»*, приложенные к *«Mémoires sur la vie de Marie Antoinette»*.

[99] См. с. 59 и далее.

[100] Элизабет Беркли (1750–1828), в первом браке замужем за лордом Крейвеном, после развода с ним в 1791 году вышла замуж за маркграфа Александра Ансбахского. Вышеприведенная цитата взята из *«Denkwürdigkeiten der Markgräfin von Ansbach»*, т. 2, с. 27 и далее (Штутгарт и Тюбинген, 1826). Что касается критики этой книги, следует отметить, что она не была лично знакома с Сен-Жерменом.

[101] См. с. 59.

[102] Цезарь высадился в Англии в 55 и 54 годах до н. э.

[103] Рене Шарлотта Виктория де Фруле, маркиза де Креки (1714–1803), вдова генерал-лейтенанта маркиза Луи Мари де Креки, скончавшегося в 1741 году. «Воспоминания», из которых взята приведенная выше цитата, являются подделкой, опубликованной в 1834 году под названием «Souvenirs de la marquise de Créqui» в семи томах, написанных неким Кузеном де Куршампом. Тем не менее, сведения о Сен-Жермене, содержащиеся в третьем томе, были восприняты со всей серьезностью.

[104] Жанна Камю д'Урфе (1705-1775), урожденная де Понкарре, вдова Луи Кристофа де Ларошфуко де Ласкариса д'Урфе, маркиза де Ланжеака, умершего в 1734 году. Из-за своих алхимических наклонностей она стала легковверной жертвой авантюристов. Ее общение с Сен-Жерменом подтверждается его портретом, который висел в ее салоне и по которому была выполнена гравюра Томаса (см. титульный лист). Копия портрета находилась в замке Трисдорф, летней резиденции маркграфа Ансбаха.

[105] Братство «Розенкрейцеров», якобы основанное около 1400 года немцем Кристианом Розенкрейцем с целью реформирования мира. Название «Розенкрейцеры» приняло также алхимическое общество, образованное в Гааге в 1622 году и оттуда широко распространившееся. В результате слияния с масонством в 1756–1768 годах в Южной Германии возник орден «Золотых и Розенкрейцеров».

[106] Антуан де Креки, сеньор де Креки и де Канаплъ, кардинал, епископ Нанта, затем Амьена (р. ок. 1531, † 1574).

[107] 1545-1547.

[108] Андре Геркулес де Флери, кардинал и премьер-министр Франции, умер еще в 1743 году.

[109] Луи Огюст Ле Тоннелье, барон де Бретей (1733-1807), получил эту должность только в 1783 году.

[110] Описание внешности, особенно «густая борода», никоим образом не соответствует портрету Сен-Жермена, переданному нам гравюрой Томаса (см. титульный лист).

[111] Разведенный супруг маркизы де Помпадур.

[112] Клод де Бовуар, сеньор де Шастеллю, виконт д'Аваллон (1385 или 1386-1453), маршал Франции.

[113] Карл VI (1380–1422).

[114] Согласно «Biographie Universelle», т. 8, с. 8 и далее (Париж, 1844), его матерью была Жанна де Сен-Веран, а первой женой — Аликс де Туси.

[115] Ален Шартье (1386–1458) и Меллен де Сен-Желе (1491–1558), французские поэты.

[116] Фламель, писец в Париже и автор алхимических сочинений, жил во второй половине XIV века. Он, как считается, достиг знания о создании философского камня.

[117] Печально известный авантюрист граф Александр Калиостро, настоящее имя которого было Джозеф Бальзамо (1743-1795), родом из Палермо, женат на девушке из низшего сословия, Лоренце Феличани. Вышеприведенная цитата взята из «*Mémoires authentiques pour servir à l'histoire du Comte de Cagliostro, par M. de Beaum ...*» (Париж, 1785). Этот текст

является подделкой, его автором является Жан Пьер Луи де ла Рош де Мэр, маркиз де Луше. Визит Калиостро в Сен-Жермен следует считать вымыслом. К моменту своего появления в Петербурге в 1779 году он уже имел за плечами почти десятилетнюю карьеру авантюриста с длительными пребываниями в Лондоне и Париже.

[118] Осенью 1779 года Сен-Жермен переехал в Шлезвиг.

[119] На кладбище Пер-Лашез в Париже, куда в то время стекалась высшая общественность, чтобы совершать молитвы.

[120] Фридрих Антон Месмер (1733-1815), основатель учения о животном магнетизме.

[121] Пруд Вифезда.

[122] Любовница Эпикура.

[123] Супруга императора Марка Аврелия.

[124] Императрица Восточной Римской империи, после смерти своего супруга, императора Льва IV, опекунша своего сына Константина VI, свергнута Никифором (I) († 803).

[125] Примечание, добавленное к тексту «Воспоминаний о графе Калиостро».

[126] См. с. 54.

[127] Пригород Парижа.

[128] Якоб Генрих Майстер (1744–1826), уроженец Швейцарии, сотрудник издания «*Correspondance littéraire, philosophique et critique*», выпускавшегося Гриммом и Дидро, сделал вышеуказанное критическое замечание при анонсировании «*Mémoires authentiques*». См. «*Correspondance littéraire*», под ред. Tournеux, т. 14, с. 253 (Париж, 1880).

[129] Это описание, по-видимому, восходит к «*Mémoires authentiques*». Оно взято из анонимного сочинения: «Über Zauberglauben und andere Schwärmereien», с. 378 (Лейпциг, 1787), которое Вульпиус перепечатал в изданном им «*Curiositäten der Vor- und Mitwelt*», т. 7, с. 11 и далее (Веймар, 1818).

[130] По анонимному сочинению, также изданному маркизом Луше (см. с. 100, прим. 1): «*Essai sur les Illuminés*», с. 96 и 107 и далее (Париж, 1789). Затем эта работа была переведена на немецкий язык под названием: «Ist Cagliostro Chef der Illuminaten? oder das Buch *Sur la secte des Illuminés*, in deutsch» (Гота, 1790). Приведенная выше «характеристика» была добавлена анонимным переводчиком (Иоганном Иоахимом Кристофом Боде) в качестве сноски на стр. 128 работы.

[131] Гийом Постель (1510-1581), французский энтузиаст.

[132] Принц Карл Гессенский. См. раздел: «Сен-Жермен в Шлезвиге и Экернфорде».

[133] См. с. 59 и далее.

[134] Иллюминаты.

[135] По случаю обсуждения перевода: «Является ли Калиостро главой иллюминатов?» Рв. в «*Allgemeine deutsche Bibliothek*», т. 7, с. 609 (Киль, 1792).

[136] Гораций Уолпол, лорд Орфорд (1717-1797), сын английского государственного деятеля Роберта Уолпола, член парламента. Позже он посвятил себя искусству и литературе.

[137] Гораций Мэн был английским послом во Флоренции. Вышеприведенная цитата взята из издания П. Тойнби «*Письма Горация Уолпола, четвертого графа Орфорда*», т. 2, с. 161 (Оксфорд, 1903).

[138] По случаю восстания претендента на английский престол Карла Эдуарда Стюарта (1720–1788), внука короля Якова II, изгнанного в 1688 году.

[139] Принц Фридрих Людвиг (см. с. 66).

[140] См. *Letters of Horace Walpole*, т. 6, с. 391 (Оксфорд, 1904).

[141] Жан-Жак Руссо (1712-1778), известный женеvский философ и писатель.

[142] По данным Maupial, с. 264.

[143] Жан Анри Мобер де Гувест (1721-1767).

[144] См. с. 119, прим. 3.

[145] Король Людовик XV.

[146] Джакомо Казанова де Сейнгальт (1725-1798), известный авантюрист. Вышеприведенная цитата взята из его «*Mémoires écrits par lui-même*», т. 5, с. 223 и далее и 344 и далее (Париж, 1832). В последнее время историческая достоверность этих мемуаров подвергается серьезному сомнению.

[147] См. с. 91.

[148] Анна Генри, графиня Герги, вдова графа, скончавшегося в 1734 году в качестве французского посла в Венеции (ср. с. 51).

[149] См. с. 93.

[150] Герцог Кристиан IV Цвайбрюккен-Биркенфельдский (1722–1775).

[151] Замок Шамбор.

[152] См. «*Mémoires de Madame du Hausset, femme de chambre de madame de Pompadour*», с. 148 и далее, 179 и 186 и далее (Париж, 1824).

[153] Король Франция Франц I (1494–1547).

[154] Анна, герцогиня де Монморанси (1492–1567), коннетабль Франции.

[155] Франц II (1559–1560), Карл IX (1560–1574) и Генрих III (1574–1589).

[156] Мария Стюарт была замужем в первом браке за королем Франциском II.

[157] Первая жена короля Генриха IV, разведенная им в 1599 году.

[158] См. с. 122.

[159] См. противоречивую информацию у Ламберга (с. 60).

[160] Шарль Антуан Арман (1708-1788), маркиз, с 1758 года герцог Гонто, генерал-лейтенант.

[161] Франсуа Кенэ (1694–1774), личный врач Людовика XV и экономист, основатель физиократической школы.

[162] Мария Анжелика, герцогиня Бранкасская, была фрейлиной дофины.

[163] Франсуа Жоаким де Пьер, граф Бернис (1715-1794), аббат, с июня 1757 по октябрь 1758 года государственный секретарь по иностранным делам, с октября 1758 года кардинал, в декабре 1758 года изгнан из Парижа, с 1769 года посол в Риме.

[164] Жан Петито (1607-1691), изобретатель эмалевой живописи.

[165] Дон Хоаким Антонио де Базан-и-Мело, маркиз де Сан-Хиль, с 1734 по 1746 год испанский посол в Гааге.

[166] Герой испанского романа о мошенниках.

[167] Бруно фон дер Хелен, прусский поверенный в делах в Гааге. Отчет по копии, хранящейся в Прусском секретном государственном архиве в Берлине.

[168] Заключив 1 мая 1756 года Версальский союз с венским двором, Франция перешла на сторону противников Пруссии и вместе с Австрией и Россией выступила против Фридриха Великого.

[169] При Кае 23 июля, где диктатором был назначен генерал фон Веделл, и при Кунерсдорфе 12 августа 1759 года, где сам король Фридрих был побежден русскими.

[170] Генеральный контролер финансов Этьен де Силуэт был уволен 21 ноября 1759 года.

[171] Маркиз де Мариньи был генеральным директором королевских дворцов во Франции. Вышеприведенная копия сделана по письмам, опубликованным в монографии Дж. Купер-Окли «Граф Сен-Жермен» (*The Comte de Saint-Germain*), с. 183 и далее, в виде выдержки из *Bibliothèque nationale* в Париже.

[172] Мажордом замков Шамбор и Блуа.

[173] Губернатор замка Шамбор.

[174] В оригинале указано: 1758.

[175] Граф Андреас Петер Бернсторф (1735-1797), датский государственный деятель. В 1757 году он находился во Франции. По отпечатку у Maupial, с. 263 и далее.

[176] Шарль Клод де Флао, господин де ла Биллардери, граф д'Ангивиллер (1730-1809). Он был камергером детей дофина Людовика, умершего в 1765 году. Согласно его записям «*Épisodes de ma vie*», сделанным в 1805 году, в издании Bobé «*Efterladte Papirer fra den Reventlowske Familiekreds*», т. 7, с. 195 и далее (Копенгаген, 1906).

[177] Принц Карл Гессенский.

[178] Стефан Франц граф фон *Стейнвиль* (1719-1785), 11 ноября 1758 года назначен государственным секретарем по иностранным делам и возведен в герцоги *Чуазеля*. Вышеприведенная копия сделана по выдержке из переписки, хранящейся в архиве Министерства иностранных дел в Париже, приведенной J. Cooper-Oakley (с. 188 и далее).

[179] См. с. 55, прим. 1.

[180] Французский морской комиссар в Амстердаме.

[181] Генрих Леонард Иоганн Баптист Бертен был преемником Силуэта (ср. с. 140 и далее) на посту генерального контролера финансов.

[182] Жан Пари де Монмартэль, французский придворный банкир, и его брат Жозеф Пари-Дюверне, также банкир.

[183] См. с. 54, прим. 2.

[184] Граф Виллем Бентинк, господин ван Рун (1704-1773). Он сыграл важную роль в восстановлении губернаторства в Голландии в 1747 году и был сторонником Англии. См. ниже с. 162 и далее записи Бентинка.

[185] Владелец торгового дома в Амстердаме.

[186] См. с. 146 и далее.

[187] Петер Стейн.

[188] Говерт ван Слинглендт, генеральный сборщик налогов Голландии.

[189] Имеется в виду мирный конгресс, предложенный Англией и Пруссией.

[190] Саксонский резидент.

[191] Российский посол.

[192] Принц Людвиг Брауншвейг-Вольфенбюттельский (1718–1788) управлял государством от имени несовершеннолетнего принца Вильгельма V Оранского.

[193] Австрийский посол.

[194] Отказ Австрии, России и Франции от английско-прусской декларации от 25 ноября 1759 года с предложением созвать мирный конгресс.

[195] Английский посол.

[196] Генрих Фагель, секретарь Генеральных штатов.

[197] См. об этом ниже, с. 170 и далее, отчеты Йорка.

[198] Предписано для Холдернесса (см. ниже, с. 175).

[199] См. с. 148 и далее.

[200] См. ниже, с. 169 и далее, запись графа Бентинка от 18 апреля.

[201] Член внешнеполитического комитета Генеральных штатов.

[202] См. ниже, с. 160 и далее.

[203] Тобиас Боас, банкир в Гааге.

[204] См. C. A. van Sypesteyn, *Voltaire, Saint-Germain, Cagliostro, Mirabeau en Nederland*, с. 100 и далее (Гаага, 1869).

[205] См. C. A. van Sypesteyn, с. 100 и далее.

[206] 16 мая меморандум д'Аффри был представлен советником Стейном собранию штатов Голландии. Оно постановило, что меморандум должен быть рассмотрен рыцарями и

«другими высокопоставленными лицами, которые были приглашены в качестве советников и экспертов в Большой комитет». См. С. А. van Sypesteyn, с. 101 и далее.

[207] Для Бентинка см. с. 146, прим. 1. Вышеприведенная копия сделана по «документам» Бентинка, хранящимся в Королевском архиве в Гааге, извлеченным из книги Дж. Купера-Окли (с. 225 и далее).

[208] Шуазель (в то время еще граф Стейнвиль) был французским послом в Вене в 1757 и 1758 годах до своего назначения государственным секретарем иностранных дел (ср. с. 144, прим. 1).

[209] Не в Версальском оборонительных договоре, заключенном 1 мая 1756 года между Францией и Австрией, а только в наступательном договоре от 1 мая 1757 года содержится секретное соглашение, согласно которому Фландрия должна была быть уступлена инфанту Филиппу, герцогу Пармскому и зятю короля Людовика XV, как только Мария Терезия вновь вступит во владение Силезией.

[210] Томас Пелхэм, герцог Ньюкаслский, первый лорд казначейства Англии.

[211] Джон Картерет, лорд Гранвилл, президент Тайного совета.

[212] Уильям Питт, лорд Чатем (1708-1778), государственный секретарь и премьер-министр.

[213] Неввиль был владельцем торгового дома в Амстердаме.

[214] См. с. 146 и далее.

[215] См. с. 152.

[216] См. с. 148 и далее.

[217] См. с. 146 и далее.

[218] См. с. 154 и далее.

[219] Линньер, якобы дворянин из Франш-Конте, вместе с Сен-Жерменом основал компанию по производству гидравлических машин для очистки портов, каналов и рек; однако последний выступал только в качестве пассивного участника (отчет д'Аффри от 27 июня 1761 г., см. Cooper-Oakley, с. 221).

[220] Вероятно, банкир Адриан Хоуп (ср. с. 147).

[221] Жерар Арну Хасселаар (1698-1766), мэр Амстердама.

[222] Наследный принц Вильгельм V родился 8 марта 1748 года.

[223] Следующее относится к бегству Сен-Жермена утром 16 апреля (ср. с. 156 и далее).

[224] См. с. 165.

[225] Джозеф Йорк, английский генерал-майор и посол в Гааге. Печать по копиям из Секретного государственного архива в Берлине.

[226] Роберт д'Арси, лорд Холдернесс, английский государственный секретарь.

[227] Король Георг II (1683-1760).

[228] В секретных переговорах Йорка с французским послом графом д'Аффри.

[229] См. с. 119 и далее.

[230] Свадьба принцессы Каролины, сестры наследного герцога Вильгельма V, с принцем Карлом Нассау-Вайльбургским состоялась 5 марта.

[231] Николя Рене Беррье, глава Департамента морского флота и колоний.

[232] Осенью 1759 года испанская корона предложила свои услуги в качестве посредника для заключения мира между Англией и Францией.

[233] Англия заключила договоры о субсидиях с Пруссией и некоторыми немецкими князьями.

[234] Императрица Мария Терезия и царица Елизавета.

[235] По Парижскому миру 1763 года Канада перешла во владение Англии; в обмен на это Англии были возвращены завоевания Англии в Ост-Индии, а Франции — завоеванная французами в 1756 году остров Менорка.

[236] См. с. 130, прим. 2.

[237] См. с. 148 и далее.

[238] См. с. 146 и далее.

[239] Граф Людвиг Клермон, принц Бурбон-Конде, французский генерал-лейтенант.

[240] Отчеты прусского поверенного в делах фон дер Хеллена (см. с. 139) взяты из Секретного государственного архива в Берлине; ответы короля по печати в «Политической переписке Фридриха Великого», т. 19 (Берлин, 1892).

[241] См. с. 139 и далее.

[242] См. с. 147.

[243] 18 марта Хелен подробно сообщает о беседе Йорка с Сен-Жерменом (см. с. 172 и далее); 27 марта король передает этот отчет своему послу в Лондоне, барону фон Книппхаузену (см. «Политическая переписка», т. 19, с. 198 и далее).

[244] Австрийский посол.

[245] См. примечание 1.

[246] Барон Райшах и граф Головкин.

[247] См. с. 178 и далее.

[248] См. с. 180 и далее.

[249] См. с. 148 и далее.

[250] См. с. 146 и далее.

[251] См. с. 180.

[252] См. с. 153.

[253] См. с. 151. Дневник принца Людвига Брауншвейгского, хранящийся в Государственном архиве в Вольфенбюттеле, не содержит записей о всей эпизоде с Сен-Жерменом.

[254] См. с. 166.

[255] См. с. 160 и далее.

[256] См. с. 161.

[257] Додо Генрих барон Инн-унд-Книппхаузен, прусский посол, и Абрахам Людвиг Мишель, прусский поверенный в делах в Лондоне. Их отчеты взяты из Секретного государственного архива в Берлине; ответы короля по печати в «Политической корреспонденции», т. 19.

[258] См. с. 177 и далее.

[259] См. с. 169 и далее.

[260] См. с. 163.

[261] См. с. 169.

[262] В штаб-квартиру короля в Мейсене.

[263] До своего назначения в Лондон (1758) Книппхаузен с 1751 по конец 1756 года был послом при французском дворе.

[264] Указания короля о приеме Сен-Жермена в Восточной Фрисландии не хранятся ни в Секретном государственном архиве в Берлине, ни в Государственном архиве в Аурихе.

[265] Эндрю Митчелл, английский посол при прусском дворе. Он сопровождал короля в поход. Отчеты по оттиску в: «*Memoirs and Papers of Sir Andrew Mitchell, by Andrew Bißet*», т. 2, с. 146 и далее и 155 (Лондон 1850).

[266] См. с. 172 и далее.

[267] См. с. 119 и далее.

[268] По печати в J. Cooper-Oakley, с. 141 и далее.

[269] См. с. 154 и далее и 169 и далее.

[270] См. с. 191 и далее.

[271] Барон Таддеус Райшах, австрийский посол в Гааге; граф Венцель Кауниц, австрийский канцлер двора и государства. Отчеты Райшаха (в Домашнем, придворном и государственном архиве в Вене) в основном напечатаны в Gugitz, «*Giacomo Casanova und sein Lebensroman*», с. 215 и далее (Вена, Прага и Лейпциг, 1921). Они составлены на немецком языке.

[272] См. с. 151.

[273] Ответ дворов Вены, Парижа и Петербурга, приглашенных Пруссией и Англией на конгресс. Он был передан принцу Людвигу 3 апреля 1760 года.

[274] Граф Георг Адам Стархемберг, австрийский посол в Париже.

[275] См. с. 147.

[276] Принцессе Каролине (ср. с. 171).

[277] См. с. 172 и далее.

[278] Граф Мориц Саксенский (см. с. 60).

[279] Французский посол Мартин фон Лессепс в Брюсселе.

[280] См. с. 148 и далее.

[281] См. с. 145 и 172.

[282] См. с. 162 и далее и 172 и далее.

[283] Мария Терезия.

[284] См. с. 151 и далее.

[285] См. с. 152.

[286] См. с. 177 и далее.

[287] Тюрьма.

[288] an Laden legen = приложить все усилия.

[289] См. с. 169 и далее.

[290] См. с. 146 и далее.

[291] См. с. 160 и далее.

[292] См. с. 160 и далее.

[293] Иоганн Генрих Каудербах, резидент курфюрста Саксонии в Гааге. Его отчеты вместе с ответом графа Ваккербарта-Сальмура по оттиску К. фон Вебера, «Aus vier Jahrhunderten» (Из четырех веков), т. 1, с. 306 и далее (Лейпциг, 1857).

[294] Король Август III Польский, курфюрст Саксонии (1733–1763).

[295] Людовик XV.

[296] См. с. 145.

[297] Король Польши Август II Сильный, курфюрст Саксонии (1694–1733).

[298] Князь Александр Голицын, российский посол в Лондоне. По печати у J. Cooper-Oakley, с. 259 и далее.

[299] Да здравствуют счастливые от роду!

[300] См. с. 208 и далее.

[301] См. с. 172 и далее.

[302] Более подробной информации о Маканах и Секкендорфе найти не удалось.

[303] Граф Иосиф Антон Габалеон Вакербарт-Сальмур, министр курфюрста Саксонии и главный придворный принца Фридриха Кристиана и его супруги Марии Антонии, баварской принцессы.

[304] Более подробную информацию о Хульдашопе и его судьбе также установить не удается.

[305] См. с. 169 и далее.

[306] Йорк.

[307] Письма Бель-Иля (ср. с. 145 и 172).

[308] См. с. 145 и 172.

[309] Скорее к маркизе де Помпадур (ср. с. 146 и далее).

[310] См. с. 148 и далее.

[311] См. с. 170.

[312] По «Переписке Фридриха Великого с Вольтером», изданной Козером и Х. Дройзеном, т. 3, с. 97 и 102 (Лейпциг, 1911).

[313] Голландия предложила державам Бреду в качестве места проведения мирной конференции.

[314] Непереводимая игра слов: «*Le Comte de Saint-Germain n'est qu'un conte pour rire*».

[315] По «Werken Friedrichs des Großen» (Трудах Фридриха Великого), под ред. Г. Б. Вольца, т. 4, с. 32 и далее (Берлин, 1913).

[316] Барон Георг Людвиг Эдельсхайм. Позже он перешел из прусской службы на службу Баденского герцогства. Его миссия в Париже состоялась в феврале 1760 года.

[317] Для присоединения Саксонии.

[318] Франция в декларации от 3 апреля (ср. с. 196) выразила готовность урегулировать свой спор с Англией посредством отдельного мира.

[319] По Maunial, с. 264 и далее.

[320] См. с. 160 и далее.

[321] Для номера от 14 мая см. выше, с. 120 и далее.

[322] См. с. 206.

[323] Для номера от 5 июня см. выше, с. 77 и далее.

[324] Граф Кристиан Конрад Даннескьольд-Лаурвиген (1723-1783), датский адмирал. По печати у J. Cooper-Oakley, с. 267 и далее.

[325] См. с. 47.

[326] По печати у J. Cooper-Oakley, с. 222 и далее.

[327] См. с. 154 и далее.

[328] Гисберт Ян ван Харденброк (1719-1788), член рыцарства Утрехта и депутат Генеральных штатов. Вышеприведенная цитата взята из его «Мемуаров», изд. Ф. Дж. Л. Кремера, т. 1, с. 220 и далее (Амстердам, 1901).

[329] В оригинале: pr. d'Es... (= prince d'Espagne). Сен-Жермен выдавал себя за сына испанской королевы Марии Анны, вдовы короля Карла II.

[330] Граф Бертрам Филипп Сигизмунд ван Гронсфельд-Дипенброк, бывший голландский посол в Берлине и Мадриде, с 1761 года член Совета Адмиралтейства в Амстердаме.

[331] Граф Бентинг ван Рон (см. с. 162).

[332] Принц Фридрих Людвиг († 1751). См. с. 120.

[333] Об участии Сен-Жермена в восстании претендента см. с. 119 и далее.

[334] См. с. 168.

[335] См. с. 141 и далее.

[336] См. с. 47 и далее.

[337] Граф Карл Кобенцль (1712–1770), уполномоченный министр в Австрийских Нидерландах. По данным архива дома, двора и государства в Вене.

[338] Раса.

[339] Владелица крупной торговой компании в Брюсселе.

[340] Австрийский государственный советник и директор лотерейного управления.

[341] Приложение к письму канцлера графа Кауница Кобенцлю от 19 апреля.

[342] См. с. 144 и далее.

[343] См. с. 225 и далее.

[344] См. с. 227 и далее и 229 и далее.

[345] Раса.

[346] См. с. 144 и далее.

[347] См. с. 196.

[348] Маркиз Жан Жозеф де Лаборд (1724–1794), французский придворный банкир.

[349] См. с. 162 и далее.

[350] См. с. 223.

[351] См. с. 168.

[352] См. с. 221.

[353] 29 мая.

[354] Меморандум Сен-Жермена отсутствует. Как пишет Кауниц в своем докладе от 21 июля Марии Терезии (см. с. 264), «в своем меморандуме, а также в одновременно присланных

замечаниях графа Кобенцля он указал, что его окрашенные ткани, а также другие продукты его секретного производства еще могут быть усовершенствованы».

[355] Иоганн Якоб фон Дорн, придворный советник и референдарий по нидерландским делам в тайной придворной и государственной канцелярии.

[356] Иоганн Кункель (1630-1703), немецкий химик; Николя Лемэри (1645-1715), французский химик.

[357] Дорн.

[358] См. с. 241, прим. 1.

[359] См. с. 239.

[360] Письмо г-жи Неттине к Дорну отсутствует.

[361] Граф Филипп Кобенцль (1741–1810), впоследствии дипломат и государственный деятель, в 1792 году сменивший Кауница на посту канцлера двора и государства.

[362] Наместник Австрийских Нидерландов, принц Карл Лотаринский (1712-1780), зять Марии Терезии.

[363] См. с. 227.

[364] Гульден равнялся 20 солям, соль (sou) — 12 пфеннигам (deniers).

[365] Подчеркнуто в оригинале.

[366] См. с. 254 и далее.

[367] Подчеркнуто в оригинале.

[368] См. с. 227 и далее.

[369] Подчеркнуто в оригинале.

[370] См. с. 254.

[371] См. с. 232 и далее.

[372] См. с. 233.

[373] См. с. 254.

[374] См. с. 254.

[375] См. с. 231 и далее.

[376] См. с. 225 и далее и 227 и далее.

[377] См. с. 254.

[378] См. с. 231.

[379] См. с. 233 и далее.

[380] Подчеркнуто в оригинале.

[381] См. с. 237 и далее.

[382] См. с. 240.

[383] См. с. 247 и далее.

[384] См. с. 254.

[385] См. с. 254.

[386] См. с. 259.

[387] См. с. 254 и далее.

[388] См. с. 240.

[389] См. с. 168.

[390] См. с. 247 и далее.

[391] См. с. 261 и далее.

[392] См. с. 277.

[393] См. с. 227 и далее.

[394] Карл Фридрих (1728–1811), маркграф Баден-Дурлах, с 1771 года также Баден-Баден, с 1806 года великий герцог.

[395] По оттиску «Souvenirs des différentes époques de ma vie», которые граф Филипп Кобенцль (ср. с. 250, прим. 1) записал в конце своей жизни. Ср. A. v. Arneth, «Graf Philipp Cobenzl und seine Memoiren», с. 84 и далее (Вена, 1885).

[396] См. с. 250.

[397] Скорее в Экернёрде.

[398] Казанова (см. с. 122 и далее) в своих «Мемуарах» (т. 10, с. 56 и далее; Брюссель, 1838) переносит вышеупомянутый рассказ после своего бегства из Англии в март 1764 года. Однако, поскольку его сведения не всегда достоверны, а Сен-Жермен, по данным Кобенцля (см. с. 279 и далее), уже осенью 1763 года отправился в Германию, встреча в Турне должна быть датирована соответственно более ранним временем.

[399] См. с. 254.

[400] Маркиза д'Урфе (ср. с. 91) умерла только в 1775 году.

[401] Казанова был болен венерическим заболеванием.

[402] В 1784 году в Эккернёрде.

[403] Георг Кит, лорд-маршал Шотландии, переехал в Пруссию в 1748 году и в 1764 году поселился в Потсдаме.

[404] Неназванный автор, который, по сообщению издателя Вулпиуса, жил «при дворе маркграфа», был, как указывает Лангевельд в статье о Сен-Жермене в журнале «De Vrijmetselaar» (май 1911), был ансбахский министр барон Рейнхард фон Гемминген-Гуттенберг фон Бонфельд (1739–1822), который 9 августа 1817 года отправил вышеуказанные записи принцу Кристиану Гессен-Дармштадтскому. В пользу поздней даты написания свидетельствует также неоднократное упоминание «Воспоминаний» барона фон Глихена,

впервые опубликованных в 1811/12 г. (ср. [с. 47](#), [прим. 1](#)). Вышеприведенная копия взята из издания Вульпиуса «Curiositäten der Vor- und Mitwelt» (Курьезы прошлого и современности), т. 8, с. 279 и далее (Веймар, 1820). Оригинал написан на немецком языке.

[405] Маркграф Александр (Карл Александр) (1736-1806) в 1757 году принял управление в Ансбахе; в 1769 году произошло объединение с Байротом, а в 1791 году оба княжества были переданы Пруссии. С тех пор князь жил в Англии. В первом браке он был женат на принцессе Каролине Саксен-Кобургской, во втором — на леди Крейвен (ср. [с. 89](#)).

[406] 1768-1774.

[407] Ипполит Клерон (Клер Жозеф Ипполит Лейрис де ла Тюд), (1723-1803), покинула парижскую сцену в 1763 году. По приглашению маркграфа она переехала в Ансбах в 1773 году и оставалась там до 1791 года.

[408] Анаграмма слова Rakoczy (см. ниже, [с. 295](#)).

[409] См. [с. 57](#).

[410] «Верный пастух» (1585), эпос в форме диалога, главный труд придворного поэта из Феррары Джованни Батиста Гуарини (1538-1612).

[411] См. [с. 56](#).

[412] См. [с. 57](#).

[413] Князь Франц II Ракоци (1676-1735), лидер семиградского восстания (1702-1711).

[414] Из двух выживших сыновей князя старший, Иосиф, умер в 1738 году в Чернаводе (оставив дочь, Иосифу Шарлотту, которая умерла в 1780 году, будучи монахиней), а младший, Георг, умер в 1756 году во Франции.

[415] Belmar (см. [с. 59](#)).

[416] См. выше, [с. 144](#) и далее.

[417] См. [с. 54](#) и далее.

[418] См. [с. 217](#). «Oeuvres posthumes», первое полное собрание его сочинений, было опубликовано в 1788 году.

[419] Скорее в 1784 году.

[420] «О, как же глупы умные люди!» Высказывание горничной Сюзанны в комедии Бомарше «Безумный день, или Свадьба Фигаро» (акт I, сцена 1).

[421] См. [с. 48](#).

[422] Растяжимое.

[423] См. [с. 207](#).

[424] Освященная вода.

[425] Команда.

[426] См. [с. 91](#).

[427] См. с. 86. В качестве основы использован немецкий перевод «Дневников после его камергерства», т. I, с. 50 и далее.

[428] Иоганн Фридрих Баузе (1738–1814); Антон Графф (1736–1813).

[429] См. с. 207 и 302.

[430] См. с. 295.

[431] См. с. 86 и далее.

[432] Филипп Карл фон Альвенслебен (1745–1802), прусский посол в Дрездене, позже в Гааге и Лондоне, с 1791 года министр кабинета. Его переписка с королем по документам Секретного государственного архива в Берлине.

[433] Возможно, тождественна *Каталани* (ср. с. 126).

[434] Вильгельмина (1751–1820), дочь принца Августа Вильгельма, умершего в 1758 году, племянница короля, супруга наследного принца Голландии Вильгельма V. Письма короля по оригиналам из Королевского архива в Гааге; ответы принцессы отсутствуют.

[435] Князь Григорий Орлов (ср. с. 56).

[436] См. с. 288 и далее.

[437] Граф Камилло Марколини (1739–1814), министр кабинета курфюрста Саксонии. В Главном государственном архиве в Дрездене нет никаких сведений о его переговорах с Сен-Жерменом.

[438] Иосиф и Георг (см. с. 296).

[439] См. ниже список, составленный Сен-Жерменом, «Новая физика» и т. д. (с. 317 и далее).

[440] Екатерина II (1729–1796), царица с 1762 года.

[441] Оборонительный союз был заключен в 1764 году сначала на восемь лет, а затем продлен до 1788 года.

[442] Иосиф II (1741–1790).

[443] Виктор Амадей III (1726–1796).

[444] Карл Фридрих (см. с. 280).

[445] Джонатан Свифт (1667–1745), известный английский писатель и наблюдатель нравов, автор «Путешествий Гулливера».

[446] Должность министра финансов во Франции.

[447] См. с. 320.

[448] См. с. 320 и далее.

[449] Приложение к отчету Альвенслебена от 25 июня. См. с. 293 и далее и 313.

[450] Приложение к отчету Альвенслебена от 25 июня (см. с. 317). См. *факсимиле*.

[451] Принц Генрих (1726-1802), брат короля. Переписка с ним по оригиналам из Секретного государственного архива в Берлине.

[452] См. с. 317 и далее.

[453] По отпечатку у К. фон Вебера, «Aus vier Jahrhunderten», т. I, с. 318 (Лейпциг, 1857). Ответ Марии Антонии на письмо от 27 марта не сохранился.

[454] Принц Фридрих Август (1740-1805), сын герцога Карла и племянник Фридриха Великого, прусский генерал-лейтенант. Принц был великим магистром ложи «Zu den drei Weltkugeln» («К трем глобусам») в Берлине и великим приором масонских лож «строгой обсервации» в прусских государствах. Следующая переписка взята из его наследства, хранящегося в Брауншвейгской земельной библиотеке в Вольфенбюттеле.

[455] Саксонский камерный советник и банкир, розенкрейцер.

[456] Письмо отсутствует.

[457] Во время Турецкой войны (1768-1774).

[458] Отсутствует.

[459] Иоганн Рудольф фон Бишофвердер (1741-1803), конюший саксонского принца Карла, герцога Курляндского. В 1778 году он поступил на службу в Пруссию, позже стал генерал-адъютантом короля Фридриха Вильгельма II, которого он посвятил в тайны ордена розенкрейцеров.

[460] См. с. 324 и далее.

[461] Евангелие от Иоанна, глава 1, стих 47: «Вот истинный израильтянин, в котором нет лжи».

[462] Вышеупомянутый масонский знак, состоящий из двух инструментов каменщика, открытого циркуля и прямого угла, является символом разума и справедливости.

[463] Счастье человечества.

[464] Кристиан Эмануэль Фрёлих, купец из Гёрлица. Он принадлежал к ордену розенкрейцеров.

[465] Иоганн Конрад Хотц (1739-1799) в 1758-1765 годах служил в Вюртемберге, затем, вероятно, зимой 1765-66 годов находился в Петербурге, в мае 1768 года вступил в русскую армию, где участвовал в войне против поляков, а затем против турок, в октябре 1775 года стал майором в кирасирском полку великого князя-наследника престола Павла. Год спустя, в сентябре 1776 года, он покинул российскую службу, которую в начале 1778 года сменил на австрийскую, чтобы здесь под именем «барон Фридрих фон Хотце» дослужиться до лейтенанта-фельдмаршала. Хотце также был масоном.

[466] Граф Алексей Орлов.

[467] С приглашением в Берлин (см. с. 324).

[468] Швейцарец Хотц (см. с. 329).

[469] Посланник Мальтийского ордена (см. с. 86).

[470] См. с. 330.

[471] См. с. 309.

[472] Карл (1733-1796), сын короля Августа III Польского, герцог Курляндский в 1758-1763 гг., с тех пор жил в Дрездене и Эльстерверде. Он был близок к стремлениям розенкрейцеров.

[473] См. с. 330 и далее. Отчет Декера отсутствует.

[474] См. факсимиле.

[475] См. с. 335, прим. 1.

[476] Фридрих Людвиг фон Вурмб, министр конференции курсаксонского двора и розенкрейцер.

[477] Иоганн Георг Шрепфер, владелец кофейни в Лейпциге, сыграл важную роль как розенкрейцер благодаря своим сеансам вызова духов. В 1774 году он покончил жизнь самоубийством.

[478] «*Le comte de Gabalis*» — название книги, изданной в Париже в 1670 году, в которой ее автор, французский писатель де Монфокон, аббат де Виллар (1635–1673), с тонким сарказмом высказывался против каббалы, магии и розенкрейцеров; первая часть книги включала «*cinq entretiens sur les sciences secrètes*».

[479] Пребывание Сен-Жермена в Берлине подтверждается тремя следующими записями. Для определения времени важно упоминание французского посла Понса (ср. с. 341), который находился при берлинском дворе с 1772 по 1782 год. Период до лета 1777 года не может быть принят во внимание, поскольку в переписке короля Фридриха с Альвенслебеном (ср. с. 306 и далее) наверняка было бы упомянуто более раннее посещение авантюриста. Кроме того, его местонахождение в период с 1774 по лето 1777 года можно подтвердить документально. С другой стороны, поскольку граф в октябре 1778 года находился в Гамбурге, а оттуда летом 1779 года переехал в Шлезвиг, для визита в Берлин остается только период между летом 1777 и осенью 1778 года. Ни в Секретном государственном архиве, ни в городском архиве Берлина нет сведений о пребывании Сен-Жермена в этом городе.

[480] Дьедонне Тьебо (1733-1807), французский ученый, в 1765-1784 годах работал преподавателем в «*Académie des Nobles*» в Берлине, своего рода рыцарской академии. Вышеуказанный отчет основан на его «*Souvenirs de vingt ans de séjour à Berlin*», т. 5, с. 96 и далее (Париж, 1804).

[481] Антон Жозеф де Пернети (1716-1801), бенедиктинский монах, в 1767-1783 гг. был вторым библиотекарем Королевской библиотеки в Берлине. Он был масоном и алхимиком.

[482] См. с. 189.

[483] Младшая незамужняя сестра короля Фридриха, аббатиса Кведлинбурга.

[484] См. ниже, с. 342, прим. 2.

[485] См. с. 100 и далее.

[486] Намек на печально известную историю с ожерельем.

[487] См. с. 86 и 306.

[488] Луи Мари де Понс, маркиз де Сен-Морис.

[489] См. с. 130.

[490] Иоганн Георг Риттер фон Циммерман (1728-1795), личный врач и придворный советник в Ганновере, был вызван летом 1786 года к постели больного Фридриха Великого. В «Фрагментах» он без критики собрал все, что слышал в Потсдаме и Берлине о короле и его дворе. Вышеприведенная цитата взята из т. 2, с. 119 (Франкфурт и Лейпциг, 1790).

[491] Луиза Юлиана Доротея фон Шверин (1736-1779), бывшая придворная дама королевы-матери Софии Доротеи, в первом браке была замужем за каноником Фридрихом Конрадом фон Клейстом, а после развода вышла замуж во второй раз за подполковника артиллерии дю Труссея (Троссея), скончавшегося в 1778 году.

[492] Граф Филипп Готхард Шаффготш (1716-1795). Князь-епископ Вроцлава. Он был известен своим распутным образом жизни и был смещен с должности за государственную измену во время Семилетней войны и сослан в Ополе, откуда бежал в Австрию.

[493] По статье анонимного автора в «Berlinische Monatsschrift» (Берлинский ежемесячный журнал), издаваемом Гедике и Бистером, т. 5, с. 8 и далее (Берлин, 1785).

[494] Калиостро умер только в 1795 году.

[495] «*Le comte de Saint-Germain. Gravé en 1783 par N. Thomas ... Tiré du cabinet de feu madame la marquise d'Urfé. A Paris*». См. титульный лист и стихи под изображением на с. 346.

[496] См. с. 61.

[497] Император Леопольд I (1658-1705).

[498] Федерико Гуальдо, предположительно немец по имени Фридрих Вальтер, жил около 1680 года в Венеции как розенкрейцер (ср. с. 91).

[*] Примечание автора: О котором «Надежный компас мудрецов» (Предисловие, с. 43) сообщает: «Что он все еще жив и прожил уже почти 600 лет». В Германии сейчас верят в такие вещи! И тот, кто смеется над этим, является свободомыслящим человеком!

[**] Примечание автора: «Конечно, человек, который принадлежал к стольким эпохам и стольким народам, должен был иметь несколько имен. У него их было целое множество, и он был настолько щедр, что принял у нас более одного, что казалось отчасти ненужным, отчасти не совсем беспричинным. Самыми известными из его европейских имен во второй половине XVIII века были два: *Сен-Жермен* и *Бельмар*».

[499]

Le comte de Saint-Germain

célèbre alchimiste.

Ainsi que Prométhée il déroba le feu,

благодаря которому существует мир и дышит все живое;

Природа повинуетя его голосу и движется;

Если он и не сам бог, то его вдохновляет могущественный бог.

[500] См. с. 336.

[501] Более подробную информацию о Гюльденфальке установить не удалось.

[502] Намек на розокрейцерское сочинение: «C [arl] H [ubert] L [obreich] von Plumenoecks geoffenbarter Einfluß in das allgemeine Wohl der Staaten der ächten Freimaurerei, aus dem wahren Endzweck ihrer ursprünglichen Stiftung erwiesen» (Амстердам, 1777). Его автором был масон барон Ганс Карл, а точнее, его старший брат Ганс Генрих фон Экер и Экхоффен.

[503] Масонские сочинения.

[504] «Описание путешествия по Германии и Швейцарии в 1781 году», т. 7, приложение, с. 109 (Берлин и Щецин, 1786).

[505] Йозеф Филипп Дрессер (1734-1783), адвокат в Гамбурге и масон, в 1773-1777 гг. мастер ложи Георг. Барон Уффель был старшим апелляционным советником в Целле и также масоном. Вышеприведенная копия по сообщению в журнале «*Latomia*», 31-й год, с. 404 и далее (Лейпциг, 1908). Оригинал на немецком языке.

[506] Вексель.

[507] Графиня Шарлотта Софи, супруга графа Виллема Бентинка (см. с. 146), разведенная с ним с 1740 года, урожденная графиня Альденбург.

[508] Барон Матиас де ла Хузе.

[509] Превращение металлов.

[510] Екатерина II.

[511] См. с. 339.

[512] Принц Карл (1744–1836), сын правящего ландграфа Фридриха II, датский генерал и наместник герцогств Шлезвиг и Гольштейн. Он играл важную роль в масонстве, в 1824 году написал сочинение «*La pierre zodiacale du temple de Dendérah*» («Зодиакальный камень храма Дендера»). Описание принца основано на его «*Mémoires de mon temps*» (Копенгаген, 1861), продиктованных им в 1816/17 годах; в качестве основы использован немецкий перевод Бернхарди, с. 142 и далее (Кассель, 1866).

[513] Принц Карл находился в Альтоне с 24 по 26 августа 1779 года.

[514] Карл Фридрих фон Кепперн, полковник и придворный маршал принца.

[515] Принц Карл участвовал в Баварской войне за наследство в свите короля Фридриха.

[516] Елена Зрини, дочь бана Хорватии, в первом браке была замужем за князем Францем I Ракоци (1645-1676), а после его смерти вышла замуж за магната Эмериха Текели. Ее сын, князь Франц II (1676-1735), в 1694 году женился на принцессе Шарлотте Амалии Гессен-Rheinfels-Wanfried (1679-1722), которая в 1696 году родила ему принца Леопольда Георга († 1700), а также принцев Иосифа (1700-1738) и Георга (1701-1756). Они получили при дворе в Вене имена *маркиз де Сан-Марко* и *маркиз делла Санта-Элизабетта*.

[517] Джованни Гасто (1671-1737), великий герцог Тосканы.

[518] Карл VI (1685–1740) и его супруга Елизавета, урожденная принцесса Брауншвейгская († 1750).

[519] См. с. 312.

[520] Фридрих Вильгельм Отте († 1766), владелец фаянсовой фабрики. Здание является сегодняшним домом престарелых Christianspflegehaus.

[521] См. с. 144 и далее.

[522] По оттиску в журнале «De Vrijmetselaar» от мая 1911 года.

[523] Лоссау.

[524] Принц Фердинанд Брауншвейгский (1721-1792), бывший прусский фельдмаршал, с 1772 года великий приор всех немецких лож «строгого соблюдения». Он находился в пути на посещение копенгагенского двора. Письмо по подлиннику в Государственной библиотеке в Вольфенбюттеле.

[525] Граф Фридрих Карл фон Варнштедт (1750-1811), датский государственный деятель. По печати в издании Бобе «*Efterladte Papirer fra den Reventlowske Familiekreds*», т. 6, с. 600 и далее (Копенгаген, 1903).

[526] Принц Карл Гессенский.

[527] См. с. 143.

[528] Жюльен Оффрей де Ла Метри (1709-1751), французский врач и философ, автор сочинения «*L'homme-machine*». Преследуемый церковью и наукой, он нашел убежище при прусском дворе.

[529] Юлиана Мария (1729-1796), вдова короля Фридриха V, умершего в 1766 году, урожденная принцесса Брауншвейгская. Письмо по подлиннику из Имперского архива в Копенгагене.

[530] Принцесса Софи (см. с. 75, прим. 1).

[531] См. факсимиле.

[532] Без речи священнослужителя.

[533] По Bobé, «*Johan Caspar Lavaters Reyse til Danmark i Sommeren 1793*», с. 157 и далее (Копенгаген, 1898).

[534] Финансовый год 1783 закончился на Пасху 1784 года.

[535] См. «*Die Heimat*», год 17, с. 44 (Киль, 1907).

[536] Из «*Schleswig-Holsteinischen Anzeigen auf das Jahr 1784*», с. 404 и далее, 426 и далее, 451 и далее (Глюкштадт, 1784).

[537] Известно.

[538] Требования.

[539] из наследственных, долговых или любых других прав.

[540] под страхом потери.

[541] со дня публикации.

[542] Суд.

[543] Адвокаты.

[544] Угроза.

[545] Вышеупомянутые.

[546] утрачивают свое право.

[547] Вечное молчание.

[548] предъявлять права.

[549] окончательно.

[550] перед советом.

[551] Французский химик Пьер Жозеф Маккер (1718–1784) скончался 15 февраля.

[552] Согласно сообщению Мовильона во 2-м томе его «Истории Фердинанда, герцога Брауншвейг-Люнебургского», с. 481 и далее (Лейпциг, 1794), отзыв от 12 апреля был сделан издателем Юлиусом Августом Ремером (1738-1803), профессором истории и директором газет в Брауншвейге, по просьбе герцога Фердинанда (ср. с. 360), который написал ему, что считает смерть Сен-Жермена «глубоко печальным событием, потерей великого, выдающегося человека, которого он считал выдающимся».

[553] Скорее 27 февраля.

[554] Включены только лица, упоминаемые в тексте; более подробные сведения о наиболее важных из них, как правило, приводятся при их первом упоминании.

[555] Список служит лишь для указания мест и стран, которые могут иметь отношение к странствиям Сен-Жермена. Поскольку он пребывал во *Франции, Англии и Голландии* почти исключительно в столицах, страницы, где упоминается только страна в целом, также отнесены к разделам под названиями: *Париж, Лондон и Гаага*. Если в этих странах встречаются и другие места, они также указаны.